

Научно-методический журнал
Основан в августе 1914 года
Выходит 12 раз в год

Учредитель —
ООО «Редакция журнала «Уроки литературы»»

Главный редактор
Надежда Леонидовна КРУПИНА

Редакторы
Николай Николаевич ЗУЕВ,
Татьяна Алексеевна КАЛГАНОВА

Отв. секретарь
Ирина Степановна ГОЛОВИНА

Дизайн и вёрстка
А.Г.БРОВКО

Компьютерный набор
Н.А.КРУПИНОЙ

Корректура
Е.А.ВОЕВОДИНОЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.П.Золотуский — литературный критик, писатель,
исследователь жизни и творчества Н.В.Гоголя, член
Русского ПЕН-центра, лауреат премии
А.И.Солженицына, Государственной премии в области
литературы и искусства;

В.С.Непомнящий — доктор филологических наук,
литературовед, пушкинист, зав. сектором и
председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН,
лауреат Государственной премии в области
литературы и искусства;

Н.Н.Скатов — доктор филологических наук,
член-корр. РАН;

Л.А.Трубина — доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой литературы XX—XXI веков
и журналистики МПГУ;

С.А.Зинин — доктор педагогических наук, профессор
МПГУ, член Федеральной предметной комиссии по
литературе;

А.Г.Кукузов — доктор педагогических наук, профессор;

В.П.Журавлев — кандидат филологических наук,
доцент, зав. редакцией литературы издательства
«Просвещение»;

В.Г.Распутин — писатель, Герой Социалистического
Труда, лауреат Государственной премии Российской
Федерации;

В.Ф.Чертов — доктор педагогических наук,
профессор, зав. кафедрой методики преподавания
литературы МПГУ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Покровский бульвар, дом 4/17, строение 5,
Москва, почта, 101000.
Телефон: 8 (495) 624-77-38.
Факс: 8 (495) 624-77-78.

E-mail: litervsh@mail.ru
www.litervsh.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по
надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного
наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации
ПИ № ФС77-22549 от 30 ноября 2005 г.

Отпечатано ЗАО «Алмаз-пресс», Москва
Тираж 8 000 экз.

© Журнал «Литература в школе». 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

К Дню Великой Победы

А.В.ЗЯБЛИКОВ —

Песни Великой Отечественной войны 2

В.А.ВАСИЛЕНКО —

После войны.

Тема возвращения солдата домой в стихотворениях

Михаила Исаковского, Юрия Левитанского

и Владимира Высоцкого 7

В.И.КОРОВИН —

Татьяна Ларина и Евгений Онегин 10

Л.М.КОЗЛОВА —

«За человека он мог кинуться в огонь и в воду,

за народ он стоял...»

В.М.Шукишин в воспоминаниях матери и знавших его людей 15

С.А.ТЮРМОРЕЗОВА —

«Надо жить достойно! Надо жить не пошло!» О творчестве

И.Растеряева 18

ПОИСК. ОПЫТ. МАСТЕРСТВО

В.К.СИГОВ, Н.И.ЛОМИЛИНА —

Рассуждение о сочинении 21

Уроки

О.С.ПОДГРУШНЯЯ —

Лирическая повесть Бориса Балтера «До свидания, мальчики!»

на уроках в старших классах 23

Л.Н.РОСЛЯКОВА —

Повесть В.Быкова «Стужа».

Размышление о прочитанном. XI класс 29

Н.М.ДЁМИНА —

Татьяна Ларина и Евгений Онегин.

X класс 35

Н.В.ТРОЯН —

След на земле, или Как дело наше отзовется.

Урок по рассказам В.М.Шукишина «Мастер» и «Крепкий мужик».

VIII класс 37

Р.А.УСМАНОВА —

«Мне в холодной землянке тепло...»

Подготовка и проведение школьной «фронтальной землянки» 39

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**Не забудьте продлить подписку
на второе полугодие 2015 года.**

«Роспечать» —

73227 (для индивидуальных подписчиков),
73235 (для организаций);

«Почта России» —

24286 (для индивидуальных подписчиков),
24287 (для организаций).

Уважаемые авторы!

**Убедительно просим отправляемые
по электронной почте статьи
сопровождать аннотацией,
ключевыми словами и данными о себе.**

ЗЯБЛИКОВ Алексей Вячеславович —

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета
cultural@kstu.edu.ru

ПЕСНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье анализируются песни времён Великой Отечественной войны, кристаллизующие в себе настроения, переживания и надежды людей, поднявшихся на битву с врагом. Лирическая песня стала мощным фактором эмоционального, идейно-нравственного, эстетического воздействия, свидетельством национального пробуждения страны.

Ключевые слова: песенная поэзия, жанр, лирика, сатира, национальные традиции.

Abstract. The article analyzes the songs of the Great Patriotic War, which crystallize mood, feelings and hopes of people who have risen to the battle with the enemy. Lyrical song has become a powerful factor in the emotional, ideological, moral, aesthetic impact and evidence of the national awakening.

Keywords: song lyrics, genre, satire, national traditions.

Кризисное, тем более тяжёлое военное время мало способствует расцвету искусств. Не до этого. Тем удивительнее достижения, граничащие с творческим прорывом, характеризующие суровое время Великой Отечественной войны. Хотя удивляться тут тоже нечему. Война мобилизует не только физические, но и духовные, нравственные ресурсы народа. В самой страшной за всю историю человечества войне мог победить только народ, сильный духом, крепкий своей сопричастностью глубинным началам истории и культуры, национальным традициям и святыням. Война стала временем идеологического отрезвления, национального пробуждения и единения страны. Если говорить о сфере искусства, то ярче всего этот творческий прорыв обозначил себя в поэзии и в песне.

1940-е годы стали временем окончательного оформления музыкального жанра, условно называемого советской песней. Сразу выскажу свою убеждённость в том, что эстрадная, массовая песня 1940-х — лучшее, что создано в этом жанре в нашей стране за весь XX век.

Поэзия, особенно лирическая, очень мобильный жанр. А в соединении с запоминающейся, ясной мелодией стихи превращаются в мощный фактор эмоционального, идейно-нравственного и эстетического воздействия. Песня, звучащая по радио или тиражируемая на патефонных пластинках, становилась достоянием миллионов людей. А песня, звучащая в кинофильме, обретала свойства гимна, заклинания или молитвы.

Не случайно, что первыми на события Великой Отечественной войны откликнулись поэты и композиторы. Уже в 1941 году появляются такие песенные шедевры, как патетически-яростная «Священная война» (муз. А.В.Александрова, сл. В.Лебедева-Кумача), безыскусно-трогательный «Синий платочек» (муз. Г.Петербургского, сл. Я.Галицкого и М.Максимова), широкая, пробирающая до мурашек песня «Вечер на рейде» (муз. В.Соловьёва-Седого, сл. А.Чуркина) с припевом, подобным накапывающей на берег высокой морской волне:

ПЕСНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ РУССКИЙ ХОР ПОД УПРАВЛЕНИЕМ А. В. СВЕШНИКОВА

Афиша выступления Государственного академического русского хора под управлением А.В.Свешникова

*Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море...*

Массовой песне 1920—1930-х годов в целом не доставало доверительности и задушевной простоты: в ту пору доминировали маршевые музыкальные формы, бравурность и пафос социалистических свершений:

*Эй-я! Рупор наш — комсомольские глотки,
Песни — брызг буревых серебро!*

(«Все мы теперь краснофлотцы»,
муз. А.Давиденко, сл. А.Жарова, 1929)

В 1930-е годы взойшла звезда И.О.Дунаевского. Его прекрасные песни отвечали идеологическим задачам и мироустроительному ритму своей эпохи, но военная реальность потребовала других песенных интонаций — приближённых к отдельному человеку, к его переживаниям и надеждам. В высшей степени востребованными оказались мотивы, предложенные в конце 1930-х годов Н.Богословским и Е.Долматовским в песне «Любимый город», М.Блантером и М.Исаковским в знаменитой «Катюше». Простая, яркая и ясная мелодия, тема расставания с родным домом, с любимой

девушкой, которая, конечно, сбережёт любовь, надежда на счастливое возвращение с победой домой — всё это обеспечило и продолжает обеспечивать «Катюше» всенародный успех.

Уже 1941 год показал высокий спрос именно на лирическую песню. Заметим, что песенная классика 1940-х создавалась в основном молодыми ещё авторами. В начале войны Н.Богословскому, Т.Хренникову и М.Табачникову было по 28 лет, М.Фраддину — 27, Л.Ошанину — 29, Е.Долматовскому — 26 лет, А.Фатьянову — и вовсе 22. Этим в значительной степени объясняется свежесть и доверительность песенного творчества 1940-х годов.

Идеологи, деятели музыкального и литературного официоза продолжали делать ставку на песенную патетику, сотканную по преимуществу из героических, обличительных (по отношению к врагу) и панегирических (по отношению к родной Советской державе) интонаций. Многие песни начального периода войны строятся по одному трёхчастному драматургическому клише. Хрестоматийной в этом плане является песня К.Корчмарёва и А.Жарова «Воины народа, сталинцы, на бой!» (1941). В первой её части констатируется факт вероломного нападения на Родину «бешеной орды» фашистов. Далее идёт самая нелепая характеристика захватчика:

*У фашистской своры подлая повадка
Выходка каналья, навык воровской...*

В третьей части звучит уверенность в том, что коварный враг очень скоро будет смят и уничтожен. В концовках таких песен нередко здравицы Сталину, на отеческую любовь, мудрость и полководческий гений которого народ уповает:

*Те, кто бомбы в нас метали,
Нам ответят за разбой.
Нас ведёт товарищ Сталин
На последний грозный бой.*

(«Мы фашистов разобьём»,
муз. В.Мурадели, сл. С.Алымова, 1941)

Плакатность и агрессивная императивность этих песен слышны уже в названиях: «Долой фашизм!» (муз. Дм. и Дан.Покрассов сл. А.Прокофьева), «Всех фашистов — под огонь!» (муз. А.Новикова, сл. И.Доронина), «Нас не испугаешь!» (муз. А.Новикова, сл. В.Пухначёва), «Не отдадим!» (муз. В.Витлина, сл. Н.Тихонова), «Отостим!» (муз. Л.Книппера, сл. Л.Высотина), «Спуску не дадим!» (муз. П.Рукина, сл. Г.Корейши). Во многих песнях 1941 года живёт инерция довоенного времени, наполненного самопоённым восторгом и ожиданием новых побед, пронизанного мечтой о головокружительном светлом завтра и живыми воспоминаниями о романтике и героике Гражданской войны. Отсюда — наивная надежда на скорый разгром врага: «Ничего нет хитрого, что побьём и Гитлера!» Отсюда — прекраснотдушная вера в то, что три доблестных красных маршала вот-вот обратят гитлеровцев в поспешное бегство:

*Шумят над землёй боевые знамёна,
Дал Сталин приказ боевой:
Веди, Ворошилов,
Веди, Будённый,
Веди, Тимошенко, на бой!*

(«Три сталинских друга»,
муз. И.Шатрова, сл. В.Винникова)

Увы, время лихих кавалерийских атак уходило безвозвратно. Военная доктрина, отверженцами которой были легендарные командармы Гражданской, уже в первые месяцы Отечественной войны показала свою недееспособность. Красной армии ещё не доводилось встречаться с таким сильным, циничным и хорошо обученным противником. С этой войной не шли ни в какое сравнение ни бои на Хасане и Халхин-Голе, ни Польский поход 1939 года, ни Зимняя война с Финляндией. Даже Сталин не сразу понял суть совершающейся национальной трагедии. Иначе как объяснить, что первое радиообращение вождя было сделано только 3 июля 1941 года, спустя 12 дней после нападения Германии на СССР! В этом взволнованном («братья и сёстры!») слове прозвучала отрезвляющая правда: «Речь идёт о жизни и смерти Советского государства!» А далее — показательный пассаж: «Важно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными (курсив мой. — А.З.)». Прямо скажем, странный и нетипичный для героической патетики эпитет! И всё же эпитет правильный. Беззаботно-самоуверенные, в чём-то даже инфантильные, шапкозакидательские интонации, доминировавшие в предвоенной советской риторике и в художественной пропаганде (фильмы, стихи, песни) сыграли злую шутку со страной, поставленной в 1941 году на грань исторической катастрофы. «С нами Сталин — наш отец. Будет Гитлеру конец!» — доносилась из репродукторов популярная песня Р.Глиэра и И.Доронина в молодцеватом исполнении военного хора. Конец, конечно, Гитлеру будет, но, как несомненно это произойдёт и какую страшную цену придётся заплатить за победу, в первые дни войны осознали немногие.

Конечно, такие высокопарные произведения, как «Песня смелых» (муз. В.Белого, сл. А.Суркова), «Смерть врагам» (муз. А.Цфасмана, сл. В.Винникова), «Песня о Советской армии» (муз. А.В.Александрова, сл. О.Колычева) или «Месть балтийцев» (муз. Б.Гольца, сл. В.Волженина) были нужны, они сыграли свою выдающуюся роль в деле победы над врагом, но подлинную народную любовь и признание обретали другие песни — песни о любви, о доме, о разлуке и встрече с любимой, матерью, женой, детьми:

*Понимаешь ли, браток,
Сердце ласки просит...*

(«Вася-Василёк»,
муз. А.Новикова, сл. С.Алымова, 1941)

Не случайно именно в годы войны расцветает лирический дар поэта-фронтовика Алексея Фатьянова. Его стихи можно назвать антилитературными — в том смысле, что они

напрочь лишены поэтизмов и красотостей, стремления блеснуть отточенным техническим мастерством. Поэзия Фатьянова словно соткана из света и воздуха, в ней живут запахи кострового дыма и травяной настойки русских лугов. Благодаря этому поэту в русскую песню вернулись есенинские интонации. Если критерием некоего виртуального литературного состязания определить количественное соотношение всенародно известных стихов одного поэта и его творчества в целом, то Алексей Фатьянов окажется бесспорным победителем. Написал он немного, но сколько создано им песенных шедевров! Кто не знает фатьяновских «Соловьёв» (муз. В.Соловьёва-Седого, 1944) или «Давно мы дома не были» (муз. В.Соловьёва-Седого, 1945)! Выражением души всего фронтового поколения уже более шестидесяти лет является песня «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» (муз. В.Соловьёва-Седого, 1947).

Известно, что создатели фильма «Два бойца» (1943) планировали сделать лейтмотивом и концептуальным музыкальным ядром картины пафосную «Песню о Ленинграде», которую поют бойцы в кульминационной сцене отражения вражеской атаки. Но, к удивлению многих, зрители и слушатели отдали предпочтение двум другим песням Н.Богословского и В.Агатова: хулигански-дворовой «Шаланде» и проникновенной «Тёмной ночи», которую безыскусно и подкупающе спел Марк Бернес. «Тёмная ночь», заслуженно относящаяся к лучшим песням, рождённым в XX столетии, даже в названии своём является антитезой наигранной бодрости советских песен. Её отличает сумеречный, почти бытовой колорит. Силу и веру солдату, над которым снова «смерть кружится», придают воспоминания о самых близких людях, любящих и ждущих его:

*Ты меня ждёшь и у детской кровати не спишь,
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится!*

Предельная интимность и высокий психологизм роднят «Тёмную ночь» с песней К.Листова и А.Суркова «В землянке» (1942), также снискавшей всенародную любовь. Образы этого произведения являлись по тем временам едва ли не диссидентскими: «тоскует мой голос», «до смерти — четыре шага», «запутавшее счастье». Можно представить, какое негодование вызывали эти строки у классово бдительных и политически грамотных цензоров и редакторов, ориентированных на трескучую советскую риторику. Советский человек должен был смотреть в будущее с оптимизмом и верой в мудрые предначертания вождя. Впрочем, оптимизм оптимизму рознь. Писатель М.Зорин вспоминает характерный эпизод, относящийся к лету 1942 года, когда молодой Алексей Фатьянов принёс в редакцию фронтовой газеты своё стихотворение, начинавшееся четверостишием:

*На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь...*

Многие сотрудники, а позже и некоторые коллеги-поэты подвергли фатьяновский опус беспощадной критике, обвинив поэта в банальности, легкомыслии, «цыганщине». Редакционные сотрудники доказывали, что сейчас нужны такие стихи, как симоновское «Убей его!», а кто-то даже пригрозил, что если «На солнечной поляночке...» будет напечатано, то придётся пожаловаться члену Военного совета [1]. Всё это можно понять. Лето 1942-го... Идут тяжёлые бои в Крыму и на Дону, враг рвётся к Сталинграду и на Кавказ, а тут — игривый диалог парнишки с черноглазой подружкой, которая к тому же готова отдать своё сердце только орденоносцу. Стихотворение всё же было напечатано, оно было заверстано среди невесёлых военных сводок и оказалось попаданием в точку. Именно в душевном участии и тепле более всего нуждалось сердце фронтовика. В 1943 году В.Соловьёв-Седой положил стихи Фатьянова на музыку — получилась прекрасная песня, которую помнят и любят по сей день. Интонационно и тематически «На солнечной поляночке» близка знаменитой поэме А.Т.Твардовского «Василий Тёркин», над которой поэт работал все четыре военных года.

Рядом с песней Соловьёва-Седого и Фатьянова можно поставить и другие популярные в годы войны песни, где звучат шуточные нотки. Причём обыгрываемые ситуации весёлыми не назовёшь, но таковы, видимо, свойство русского духа — обращать свои игры со смертью в прибаутку и анекдот. В «Песне фронтовых сапожников» (муз. С.Каца, сл. В.Софронова, 1943) немец собирается стащить сапог с раненого советского солдата, но внезапно получает этим сапогом по физиономии — благо что и подошва, и каблук, и подковка на нём сработаны на славу. Песня «Прогулка» (муз. Н.Минха, сл. С.Алымова, 1942) рассказывает о свидании, на котором девушка ждёт от моряка решительных действий, но тот, хоть и желал бы задушить возлюбленную в объятиях, не может это сделать, поскольку ранен в правую руку. В захватывающей «Рогушке» (1944) Б.Мокроусова молодой моряк с затопленного корабля спасается, ухватившись за рога морской мины, полагая, что это обычный бакен.

Бытовая подробность, разрастающаяся в многозначную метафору, — ещё одна примета песенного творчества военных лет. Песня «Котелок» (муз. Н.Минха, сл. В.Дыховичного и С.Фогельсона, 1944) начинается, казалось бы, с будничного признания солдата: «У меня есть верный котелок». Куда ж фронтовику без ложки да без котелка! Для немцев русские «котлы» — просто напасть! Вот и под Сталинградом снова угодили туда. А всё потому, что у фашистов и у Гитлера «плохо варит котелок». Теперь расхлёбывайте, фрицы, кашу, которую заварили! Кстати, трапеза близка к завершению, и скоро Гитлеру «отрубят котелок». Кроме волшебных «котелков» у русских есть ещё самопальные тульские «самовары»:

*Подаётся чай с припаркой
И горячим леденцом,*

Афиша х/ф «Два бойца», в котором прозвучала полюбившаяся нашим воинам песня «Тёмная ночь»

*Самовары тульской марки
Пышут жаром и свинцом.
(«Самовары-самопалы»,
муз. А.Новикова, сл. С.Алымова, 1941)*

До войны весёлый и честный таксист Вася Васин обслуживал клиентов строго по счётчику. Теперь, став танкистом, он применяет свои бухгалтерские и боевые навыки, ведя учёт сожжённых им вражеских машин: «на-стучал счётчик много» («Весёлый танкист», муз. А.Цфасмана, сл. В.Дыховичного, 1943).

Солдатской улыбкой озарены песни «Партизанская борода» (муз. Л.Бакалова, сл. М.Лапирова, 1944), «Смуглянка» (муз. А.Новикова, сл. Я.Шведова, 1944), «Служили три пилота» и «Пора в путь-дорогу» (муз. В.Соловьёва-Седого, сл. С.Фогельсона, 1945), «Бомбардировщики» («Мы летим, ковыляя во мгле...», 1943). Последняя являет собой пример своего рода музыкального «ленд-лиза», поскольку за основу взята свинговая мелодия американского композитора Джимми Макхью «Comin' In On a Wing And a Prayer» (1943). Русский текст написали С.Болотин и Т.Сикорская. Аранжировщику утёсовского джаз-оркестра А.Островскому, музыкантам, вокалистам Леониду и Эдит Утёсовым удалось сохранить звучание, близкое американским биг-бэндам, поэтому, несмотря на военную тематику, песня получилась необычайно свежей и праздничной. Мелодически и тематически к «Бомбардировщикам» примыкает песенка «О'кей» (муз. Е.Жарковского, сл. Я.Родионова) о дружбе советских и британских летчиков:

*Весёлый парень Джимми
Из Англии летит.
Над скалами крутыми
Он песенку свистит.*

Такие флировальные интонации ещё недавно были немислимы в песнях о непростых боевых буднях. Но к 1943 году, обозначивше-

му коренной перелом в войне, эти мелодические и поэтические решения уже не казались неуместными. Показательной является песня «Молодые моряки» (муз. Ю.Милютин, сл. В.Гусева, 1943), где суровый военный текст («Враг на родину напал, боевой звучит сигнал...») положен на весёлую и лёгкую мелодию, которую изящно подчеркнула яркая свинговая аранжировка А.Цфасмана.

Ещё один шедевр, представляющий песенный «второй фронт», — сатирические куплеты «Барон фон дер Пшик» (1942) о злоключениях немецкого барона, мечтавшего о лёгких победах, но в итоге угодившего «на русский штык». Музыкальной основой «Барона» стал популярнейший фокстрот американского композитора Шолома Секунды (родился в еврейской семье на Украине) «Bei Mir Bist Du Scheyn» («Для меня ты самая красивая...»), написанный в 1932 году «Барон фон дер Пшик» (сл. А.Фидровского) известен в двух текстовых вариантах — «ленинградском» («Орал по радио, что в Ленинграде он...») и «сталинградском», написанном после фиаско армии Паулюса на Волге.

Технология создания новой песни, когда актуальный текст пишется на уже известную и популярную довоенную мелодию, применялась в годы войны весьма широко. Подновлённый сообразно трагическим реалиям эпохи текст появился у песни середины 1930-х годов «Бейте с неба, самолёты» (муз. А.Александрова, сл. С.Алымова):

*Вздумал Гитлер, пёс кровавый,
Сунуть нос в наш край родной...*

Кстати, пёс (наряду с всевозможными рептильными образами) — одна из самых распространённых тотемистических характеристик фюрера в песенных текстах. Так ли уж случайна знаменитая ошибка сталинского переводчика, прочитавшего «bundritter» как «hundritter», благодаря чему пошло гулять выражение «немецкие псы-рыцари»?

Подверглась переделке и популярная песня И.Любана «Будьте здоровы». Поэт А.Лугин, сохранив драматургию текста, наполнил его злободневным содержанием:

*Бойцам пожелаем как следует биться,
Чтоб каждый убил хоть по дюжине фрицев.
А если кто больше фашистов загубит,
Никто с вас не спросит, никто не осудит.*

Иногда новый вариант «перевешивал» старый. Это случилось с «Песней жениха», написанной Т.Хренниковым и В.Гусевым к фильму «Свинарка и пастух» (1941). В финале кинокартины её поёт под гармошку жуликоватый герой Николая Крюкова. В 1942 году поэт В.Гусев на ту же музыку написал новый текст, и получилась сразу шагнущая в народ прекрасная песня «Есть на севере хороший городок»:

*Слышишь, милая, далёкая моя?
Защищаем мы родимые края. Эх!
В ноченьки морозные, в ясные деньки
В бой выходят грозные красные полки.*

В песне «Гадам нет пощады» (муз. А.Островского, сл. И.Финка и М.Червинского, 1942) остроумно используется музыкальное цитирование:

*Немцы захотели высадить на суше
Свой десант, в тумане не видя никого.
Выходила на берег «катюша»
И перестреляла всех до одного.*

Отметим, что третья строка куплета звучала на мотив известной песни М.Блантера.

Некоторые песенные описания изначально не претендовали на художественность, ибо исполняли прикладную функцию фронтового «ликбеза». Музыкальной инструкцией для молодого бойца можно назвать песню С.Чернецкого и В.Лебедева-Кумача «Как вернее бить врагов» (1942):

*Не забудь про маскировку,
Окопаться не забудь,
Проявляй в бою сноровку,
Ко всему готовым будь!*

Шуточным дополнением к уставу РККА выглядит и песня «Филат и халат» (муз. Л.Шульгина, сл. В.Гранаткина, 1941) — о важности использования белого маскировочного халата. Конечно, таким песням трудно было рассчитывать на счастливую послевоенную судьбу. И всё же со своими локальными задачами песенный агитпроп справлялся хорошо.

Важным достоинством большинства военных песен является то, что их можно исполнять, не имея консерваторского образования. Почти в каждом подразделении были свои признанные запевалы, которых солдаты за песню «не раз в бою прикрывали собой» (Я.Шведов), имелась гармонь или баян:

*Прескверная штука — печаль да разлука,
Но становится легче, когда песню поёшь.
(«Когда песню поёшь»,
муз. В.Соловьёва-Седого, сл. В.Гусева,
1943)*

Тексты любимых песен в короткие минуты отдыха переписывались от руки. Их хранили как самое дорогое, вместе с письмами близких. Находилась в ротном или батальонном хозяйстве место и патефону.

Некоторые песни военных лет стали частью фольклорной традиции. Особенно показательна в этом плане история песни композитора Исаака Любана «Наш тост» (сл. М.Косенко и А.Тарковского, 1943). Судьба этого произведения сложилась счастливо и в то же время драматично. Счастливо — в том смысле, что на протяжении десятилетий «Наш тост» был одной из любимых застольных песен советских людей. Драматично — потому что её оригинальный текст постоянно подвергался исправлению, цензурированию и купированию. Понятно, что в строчках «Тост

наш за Родину, тост наш за Сталина» и «Выпьем и снова нальём!» при желании можно увидеть и апологику тоталитаризма, и проповедь пьянства, и просто — литературную безвкусицу. Песня сразу пошла в народ. На мелодию Любана были написаны десятки вариантов, авторство которых зачастую уже невозможно установить. Известны «фронтовые» и «тыловые», «мужские» и «женские» версии. Успешно конкурировала с каноническим текстом так называемая «Застольная Волховского фронта», написанная в 1943 году поэтом П.Шубиным (известны три версии этого текста). Но при всём обилии вариантов все они служили одному — победе над лютым врагом, прославлению фронтового и трудового братства, возвеличиванию любимой Родины.

Десятки песен посвящены подвигу тружеников тыла. Среди лучших — «Как на зорьке» (муз. Н.Будашкина, сл. Н.Брауна, 1943) — о рабочих и моряках, готовящих к походу военные корабли; «Василий Васильевич» (муз. Н.Богословского, сл. Б.Ласкина, 1944) — о тринадцатилетнем парнишке-токаре, которого за ударный труд все уважительно называют по имени-отчеству.

Органичный сплав гражданской патетики и глубокого лиризма обеспечил заслуженную популярность таким песням, как «Заветный камень» (муз. Б.Мокроусова, сл. А.Жарова, 1942), «Прощайте, скалистые горы» (муз. Е.Жарковского, сл. Н.Букина, 1943), «Дороги» (муз. А.Новикова, сл. Л.Ошанина, 1945). Вздоху гимном столице по сей день остаётся песня «Моя Москва» (муз. И.Дунаевского, сл. М.Лисянского и С.Аграняна, 1943). Правда, в раннем варианте текста, как водится, был куплет о Сталине (впоследствии выброшенный):

*Над Москвою в сиянии славы
Солнце нашей победы взойдёт...
Здравствуй, город великой державы,
Где любимый наш Сталин живёт!*

Песни о Москве — предмет отдельного разговора. Годы войны стали временем реабилитации, выхода из-под негласного запрета понятий «Россия», «русский». В песнях 1920—1930-х годов эти слова практически не встречаются. Их нет даже в таких концептуальных описаниях, как «Песня о Родине» и «Песня о Волге» И.Дунаевского и В.Лебедева-Кумача. Поэты-песенники оказались в трудном положении. С одной стороны, авторы не имели права выходить за установленные идеологические рамки, с другой — они понимали, что словосочетание Советский Союз, а тем более аббревиатура СССР как художественный элемент лирической песни имеет весьма невысокую цену (одной из немногих удачных попыток такого рода следует признать песню «Мой адрес — Советский Союз» Д.Тухманова и В.Харитоновой, написанную в 1971 году). Потребность как-то обозначить воспоемое географическое пространство рождала огромное количество перифразов: «царство всемирного братства», «республика труда», «Страна Советов», «вольный край Советов», «советский край», «советская земля», «страна моя родная», «необъя-

Знаменитая Лидия Русланова исполняет «Катюшу» перед советскими воинами

ная Родина», «Отчизна наша», «наш край трудовой», «страна героев, страна мечтателей, страна учёных». В рефрене знаменитой «Песни о встрече» (муз. Д.Шостаковича, сл. Б.Корнилова, 1932) предлагается самый политкорректный и лаконичный вариант: «страна». К началу 1940-х годов безликое слово «страна» незаметно превратилось в смысловый эквивалент России. Конечно, это не могло устраивать авторов песен. Путь был один: использовать художественный приём, который филологи называют синекдохой. Суть его в соподразумевании, например в употреблении названия части вместо целого. Лучше всего на роль такого смыслового переноса годился топоним Москва. К нему неизбежно приходили поэты в поисках образа-символа, кристаллизующего в себе не только идеологическую, но и национально-историческую, культурную сущность. Отсюда — обилие на рубеже 1930–1940-х годов песен о Москве. Нужно понять, что этот песенный образ насквозь метонимичен, как метонимичен и образ Волги в известной песне И.Дунаевского и В.Лебедева-Кумача.

Двадцать лет оголтелой антирелигиозной, антирусской пропаганды не умертвили в русском народе национального самосознания. Необходимы были потрясения, потери и ужасы первых месяцев войны, чтобы и высшее руководство страны подвергло пересмотру некоторые идеологические догмы. К политической верхушке приходит отчётливое понимание того, что пролетарский интернационализм и коммунистическая риторика являются недостаточным основанием, для того чтобы строить на нём здание будущей победы над страшным и сильным врагом. Возникает потребность опереться на мифологию, символы и традиции дореволюционной России в агитационно-пропагандистской и массовой работе, одним из рубежей которой было в те годы искусство. В 1942 году появляется очередной программный опус — песня А.В.Александрова и О.Кольчева «Святое ленинское знамя», где традиционные темы и образы («сила мудрых ленинских идей», «шагаем мы ленинским путём») дополняются принципиально важным новшеством:

*Наш народ, в боях непобедимый,
Русский народ-богатырь!*

В годы Великой Отечественной войны синоптическая национальная Русь с её храбрыми и христолюбивыми героями словно вышла из темницы, куда была заточена по причине полного отсутствия для неё «исторических перспектив». Сразу полной грудью задышала и песенная поэзия:

*Жги, мороз! По-русски землю разукрась!
Смерть врагу — а нам с тобой как раз...*

(«Краснофлотская улыбка»,
муз. Н.Будашкина, сл. А.Фидровского, 1942)

*Лишь страну мою Россию
Беззаветно я любил.*

(«Русская душа»,
муз. В.Кручинина, сл. Л.Ошанина, 1943)

*Насмерть биться до победы
За Россию за свою, за свою.*

(«Марш артиллерии»,
муз. А.Новикова, сл. С.Васильева, 1944)

*Будь смелым, будь храбрым в жестоком бою,
За Русскую землю сражайся.*

(«Казак уходил на войну»,
муз. Т.Хренникова, сл. В.Гусева, 1944)

Словно стосковавшись по любимым словам, поэты порой перенасыщают ими текст:

*В этих просторах великой Советской России
Русский солдат свою верную службу несёт.*

(«В белых просторах»,
муз. М.Фрадкина, сл. Л.Ошанина, 1943)

Слова «великая Русь» крамольно прокрались даже в текст «Гимна Советского Союза» (муз. А.В.Александрова, сл. С.Михалкова и Г.Эль-Регистана), утверждённого постановлением ЦК ВКП(б) 14 декабря 1943 года.

Метонимичный образ Москвы постепенно слагал свои исключительные полномочия. «Оказалось», что советский народ состоит из туляков и рязанцев, калужан и костромичей. И вот уже в блиндажах и окопах выводит гармошка песню «Два друга» (муз. А.Лепина, сл. В.Лебедева-Кумача), и хрипловатые солдатские голоса затягивают:

*А ну-ка, дай жизни, Калуга!
Ходи веселей, Кострома!*

Монументальная мощь Москвы и Ленинграда теперь не мешает лирическому герою помнить о том, что «есть на севере хороший городок»:

*Русская метелица там кружит, поёт,
Там моя подруженька-душенька живёт.*

В песенных текстах военных лет появляются характерные географические подробности:

*Возле города Тагил
Я Марусю полюбил...*

(«Как за Камой за рекой»,
муз. В.Соловьёва-Седого, сл. В.Гусева, 1943)

*Над Волгой-рекой расплескала гармонь
Саратовские страдания...*

(«Сирень цветёт»,
муз. С.Каца, сл. А.Суркова, 1943)

Так сквозь идеологический железобетон проросла в песенном творчестве 1940-х тема России, наполняя людские сердца отвагой, гордостью и любовью.

Ещё одна важная деталь: в песнях 1944–1945 годов гневно-обличительные характеристики врага уступают место сатирическому его осмеянию и вышучиванию. В песне «Котелок», например, Гитлер и Антонеску предстают в виде глупо хлопающих глазами опереточных недотёп. 17 июля 1944 года, когда по улицам

Москвы вели более 50 тысяч пленных немецких солдат и офицеров, из толпы иногда доносились выкрики: «Сволочи, чтоб вы подошли!» и «Почему вас не перебили на фронте!». И всё же общим настроением тех переломных дней стала не самоцельная и опустошающая ненависть, а светлая надежда на скорое возвращение домой мужей, отцов, сыновей и братьев, сохранивших в смертельных схватках душевную щедрость и доброту. Как интонационно далеки друг от друга песни 1941 года «Будем драться до победы» (муз. В.Петровского и В.Конге, сл. В.Лебедева-Кумача), призывающая вбить осиновый кол в фашистскую могилу, и благодушная победная «Едут по Берлину казаки» (муз. Д.Покрасса, сл. Ц.Солодаря, 1945), в которой поверженный фашист даже не упоминается. Сколь не похожи яростная «Песня гнева» (муз. Б.Гольца, сл. Н.Брауна, 1942), наполненная ненавистью к «кровавому лютому врагу», и песня «Золотился закат» (муз. М.Фрадкина, сл. Е.Долматовского, 1945) — о благородстве и достоинстве воина-освободителя, который пришёл в Европу вовсе не для того, чтобы возводить курганы из черепов побеждённых. В лучших песнях 1945 года («Недалёк тот денёк», муз. А.Новикова, сл. С.Алымова; «Услышь меня, хорошая», муз. В.Соловьёва-Седова, сл. М.Исаковского; «Ехал я из Берлина», муз. И.Дунаевского, сл. Л.Ошанина) тема возмездия вообще никак не обозначена. Более того, сама тема войны здесь отступает на второй план. Бои окончены, пора домой! В песне «Возле сада-огорода» (муз. Л.Бакалова, сл. М.Лапирова) солдат возвращается в родную деревню и видит, что тропинка, которой он когда-то пробирался к окошку любимой, густо заросла крапивой. Продравшись через неё,

*Он смеётся, не горюет,
Крепко любушку целует
В алые уста...*

Что там обожжённые крапивой лицо и руки рядом с девичьей любовью и верностью!..

Давно отгрохотали пушечные залпы Великой Отечественной войны. Уже и Советского Союза нет. Сданы на вечное хранение в музеи реликвии Красной империи. Серп и молот уступили место двуглавному орлу. Наступила расчётливая и несентиментальная эпоха. Но песни, рождённые в суровые годы войны, не умирают. Они живут вместе с памятью о подвигах наших солдат, о трудной и счастливой судьбе народа, прошедшего через самые страшные испытания. Эти песни останутся с нами и тогда, когда поколение фронтовиков уйдёт. И увлажнятся наши глаза, и преисполнятся гордостью наши сердца, когда мы услышим распевное: «Прощай, любимый город!..»

ЛИТЕРАТУРА

ЗОРИН М. Певучее русское слово // Когда весна придёт: сборник. — Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во., 1979. — С. 79.

ВАСИЛЕНКО Евгений Васильевич —

учитель школы при Посольстве Российской Федерации в Португальской Республике, г. Лиссабон
vasilenko62@yandex.ru

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ТЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ СОЛДАТА ДОМОЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ МИХАИЛА ИСАКОВСКОГО, ЮРИЯ ЛЕВИТАНСКОГО И ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Аннотация. В статье, раскрывающей тему возвращения солдат с Великой Отечественной войны, автор обращается к лирике трёх поэтов разных поколений. Анализируя стихотворения М.Исаковского, Ю.Левитанского и В.Высоцкого в историческом и историко-литературном контексте, автор делает акцент на трагической и драматической составляющей рассматриваемых произведений.

Ключевые слова: война, возвращение домой, солдат, трагическое, герой, стихотворение.

Abstract. The article reveals the theme of the returning home from Great Patriotic War soldiers, the author refers to the poetry of three poets from different generations. Analyzing the poetry by M.Isakovsky, Y.Levitansky and Vladimir Vysotsky in the historic and literary context, the author emphasizes the tragic and dramatic part of their poetry.

Keywords: war, homecoming, soldiers, tragic hero, poetry.

В огромной литературе о Великой Отечественной войне почти не отражён момент возвращения солдата с войны домой. Эпос ограничился рассказами Платонова «Возвращение» и Астафьева «Жизнь прожить», лирика — несколькими стихотворениями поэтов разных поколений. Кажется, больше написано о невозвращении оставшихся на войне навсегда: «В полях за Вислой сонной / Лежат в земле сырой / Серёжка с Малой Бронной / И Витька с Моховой» (Винокуров); «В пяти соседних странах / Зарыты наши трупы» (Слуцкий); «Они шумели буйным лесом, / В них были вера и доверье. / А их повыбило железом, / И леса нет — одни деревья» (Самойлов); «Шёл отец, шёл отец невредим / Через минное поле. / Превратился в клубящийся дым — / Ни могилы, ни боли» (Юрий Кузнецов); «Но мне женщины молча намекали, встречая: / Если бы ты там навеки остался, может, мой бы обратно пришёл» (Высоцкий).

Между тем возвращение с войны не менее значимо в судьбе солдата, чем уход на войну и сама война.

Насколько различным было это возвращение, дают понять стихотворения Исаковского, Левитанского и Высоцкого, речь о которых в этой статье.

Гейне в «Гимне», возможно сам того не предполагая, обнажил два подхода к восприятию и изображению войны: героический («вокруг меня лежат трупы моих друзей, но мы победили») и трагический («мы победили, но вокруг меня лежат трупы моих друзей»¹). Первые годы после Великой Отечественной войны были в советской литературе временем «триумфальных песен ликования». «Похоронные хоралы»² не звучали. О трагической участи брошенных на произвол судьбы, выходивших из окружения, попавших в плен, живших под немцем в оккупации, угнанных в Германию, наконец, дезертировавших с фронта суждено рассказать литературе грядущих десятилетий. Однако именно в победном 1945-м Михаил Исаковский создаёт стихотворение «Враги сожгли родную хату...», которое выпало из хора «триумфальных песен». Вернувшийся домой и у родного пепелища «плачущий солдат никак не совпадал с образом торжествующего победителя, кото-

Михаил Васильевич Исаковский
(1900—1973)

рого только и знала в 1945 году советская лирика (окопное поколение Слуцкого и Окуджавы ещё не дотянулось до перьев)³.

Трагическую мощь стихотворения Исаковского почувствовали все. И земляк собрат-поэт Твардовский, увидевший «в образе горького солдатского горя великую меру страданий и жертв народа-победителя»⁴. И партийные ортодоксы из газеты ЦК ВКП(б) «Культура и жизнь», обвинившие автора в «распространении пессимистических настроений». И безымянный фронтовик, соотносший с историей, рассказанной Исаковским, свою судьбу: «...так было и у меня. Мне так же пришлось со слезами на глазах выпить чарку вина в яме разбитой землянки, где погибла в бомбёжку моя мама»⁵. А как было не почувствовать, если высокая нота страдания, выпавшего герою-солдату, взята с первой строфы:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.

Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?..

Хата сожжена. Семья сгублена. Идти некуда. Поделиться неизбывной печалью не с кем. Возвращение к родному дому лишено смысла.

И слова, обращённые к супруге в незнакомую даль: «Встречай, Прасковья, / Героя мужа своего», «Я шёл к тебе четыре года, / Я три державы покорил», — не добавляют героического пафоса, а усиливают интонацию пронзительной тоски и глубокой безысходности, ибо сказаны с горечью над «травой заросшим бугорком». Услышать их никому не дано, ответить на них некому.

Твардовский отметил в стихотворении сочетание «традиционно-песенных, даже стилизованных приёмов с остросовременным трагическим содержанием»⁶. Действительно, и «перекрёсток двух дорог», и «широкое поле», и «широкий стол» в избе, и «травя могильная», и «бутылка горькая», и «серый камень гробовой», и «друзья, подружки», и слеза хмельного солдата — вне времени. Так могли сказать (и спеть) и в XVIII, и в XIX веке. Враги, сгубившие семью солдата, тоже не названы. Но в послевоенном 1945-м (и 1946-м тоже) никому втолковать не надо было, что это за солдат и какие такие враги: раны ещё были свежи и душа саднила. А «традиционно-песенные» приёмы придали рассказанной поэтом истории и образу главного героя такую силу обобщения, что это сделало песню на стихи Исаковского народной. Когда её, исполненную по радио Владимиром Нечаевым только один раз, запретили, фронтовики пели «Прасковью» в пригородных электричках, переходя с баяном из вагона в вагон.

Из глубины столетий и имя солдатской жены. Почему именно Прасковью назвал погибшую супругу солдата-красноармейца Исаковский? Почему не Матрёной, не Авдотьей, не Лукерьей? Тоже крестьянские (и укладывающиеся в размер стихотворения) имена. Русское имя Прасковья восходит к греческому Параскева. Во время жестоких гонений на христиан святая Параскева была схвачена, претерпела жестокие мучения и была обез-

главлена. Зная, что «грамоте будущий поэт обучится, читая молитвы над покойниками»⁷, поймём неслучайность выбранного имени героини, как и неизбежность трагичности её доли (тропарь великомученицы Параскевы Пятницы (глас 4) возглашает: «...приидите, тело мое мечем ссецете и огнем сожгите...»), ибо, как утверждал Павел Флоренский, «по имени и судьба».

Историческая конкретность проступает лишь в последних двух строфах:

*Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»*

*Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

По Твардовскому, «эта бесконечная тризна на могиле жены» отмечена «знаком исторического времени и невиданных подвигов народа — освободителя народов от фашистского ига»⁸. Сам Исаковский в простодушии поэта полагал: «Редакторы — литературные и музыкальные — не имели оснований обвинить меня в чём-либо»⁹. И всё же обвинили. «Вот эту медаль уже никак не могли простить Исаковскому»¹⁰. Почему? Ведь в тексте упоминается правительственная награда, только что учреждённая Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года, — медаль «За взятие Будапешта». Награда массовая: её получают 362 000 бойцов. В чём же вина Исаковского? И почему поэт заметил на груди солдата, *четыре года* воевавшего, скажем, не «медаль за город Сталинград», не «медаль за город Кёнигсберг», а именно эту? Наконец, почему не упомянут просто «орден боевой» или «тяжёлая медаль» — как «мешок походный», «бутылка горькая» (вместо которой наверняка была армейская алюминиевая фляжка со спиртом)?

Дело в том, что взятие Будапешта осуществилось, как было принято говорить в сводках Совинформбюро громовым голосом Левитана, в результате долгих, ожесточённых и кровопролитных боёв. Штурм венгерской столицы был начат ещё 27 декабря 1944 года, а завершён 13 февраля 1945-го. Будапештская операция — одна из самых кровавых в истории Второй мировой войны. Красная армия потеряла в ней 320 000 человек, из них 80 000 убитыми. Потери немцев тоже огромны, хотя и значительно меньше, чем у противника — 50 000 убитых. «Помянуть в таком контексте Будапешт, — считает Лев Аннинский, — значило ещё и задеть идеологический иконостас. Стихотворение стало вылетать из сборников, антологий, обзоров»¹¹.

Внешне последние две строфы воплощают героическое начало. Солдат определяется как «слуга народа», одолевший четырёхлетнюю войну, покоривший «три державы», награждённый «медалью за город Будапешт». Но по сути это самые трагические

Враги сожгли родную хату. Фото времён Великой Отечественной войны

строфы стихотворения: покоритель держав, воин-победитель, вернувшись домой, *не получает ничего*. Отнято всё: дом, жена, дети, смысл жизни. Герой выпотрошен войной. «Я три державы покорил», — в заслугу или оправдание себе говорит солдат. А в ответ тишина: Прасковье нужны были не три державы и не герой, их покоривший, а муж, которого она так и не дождалась. «Слеза несбывшихся надежд» оказывается весомее латунного диска светящейся медали. Горе перевесило Победу.

К лету 1946-го, когда в «Знамени» появилось стихотворение Исаковского, Юрий Левитанский, поэтически остановивший момент *своего* возвращения с войны, был далёк от порога родного дома и продолжал воевать. Пройдя Великую Отечественную от Москвы в октябре 41-го до Праги весны 45-го, лейтенант Левитанский оказался в Маньчжурии — на «маленькой» (как он сам называл её) войне с Японией. (К слову, среди его медалей — «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Японией» — есть и «медаль за город Будапешт».) Через несколько месяцев его переведут в Иркутск, где ещё два года он отдаст службе в Восточно-Сибирском военном округе и окончательно снять сапоги сможет лишь в 1947 году. Ехать молодому поэту-фронтовику было некуда — он остался в Иркутске, поселившись на кухне с печкой. Возможно, именно она описана в его стихотворении «**Белый снег**» (1948).

Правда, поэт упрощает, спрямляя, путь своего героя «из чужой страны», открывая его монолог признанием:

*В ожидании дел невиданных
из чужой страны
в сапогах, под Берлином выданных,
я пришёл с войны.*

Но лирика, по точному замечанию Владимира Корнилова, «прежде всего *состояние*

души и поэтому всегда — *неожиданность*»¹². Для поэта всегда важнее не *что* было, а *как* было. Неожиданно в стихотворении Левитанского, недавнего фронтовика, обилие белого цвета и света. Именно его увидел, оглядевшись, герой стихотворения:

*Над белым бережком
бегут облака.
Горожанки проносят бережно
куски молока.*

Бел не только бережок — белы облака, белы круглые замороженные куски молока, и «снежинок ночных кружение» в закомном свете — тоже бело:

*Очень белое всё и светлое —
ах, как снег сплит!*

Впрочем, неожиданного в этом наплыве белого света, заливающего скудный послевоенный быт и пейзаж, мало. Особенно если учесть, что «никакой ностальгии по военным годам у Левитанского не было»¹³. Ни сразу после войны, ни позднее. Он сам сказал, как отрубил: «Я давно всё зачеркнул. Войну и эту тему для себя лично»¹⁴. Ещё убедительнее это звучит в известных стихах:

*Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.*

Белый цвет и белый свет передают *состояние души* человека, отринувшего от себя войну как лишнее, наносное, счистившего её с себя, как засохшую грязь, снявшего, как постылую коросту: «Пыль очищена, грязь соскоблена — / и конец войне». Герой Левитанского молод, не обременён семьёй, открыт жизни. Позднее поэт не без иронии напишет: «Меня на войне не убили, / мне даже и тут повезло». Война приучила его героя доволь-

становаться малым: «Ничего у меня не скоплено, / всё моё — на мне». Он не просто погружается в «полное отрешение от прошедших лет» — он вернулся домой «в ожидании дел невиданных». На меньшее человек, не сгинувший в аду войны, не согласен. Но пока невиданные события ещё не наполнили жизнь, тихую радость и умиротворение вызывают и лёгкий звон ледка, и скрежет санных полозьев, и (наконец-то!) оседлое житьё, и починенная «шинелка» («нигде ни пятна!»). Это то же «радостное чувство свободы», которое испытывает у Толстого вернувшийся с войны, из плена, Пьер Безухов. «Полное отрешение от прошедших лет» передано и в мелодии стиха, звучащего с самого начала (благодаря наличию сонорных л, н и дактилической рифме) мягко, плавно, неторопливо, и в обилии деталей послевоенного быта. Вернувшемуся в мирную жизнь герою Левитанского отраду дарит и вытащенное из проруби ведёрко, и

наколотые дрова, и скудный обед из растолчённой картошки с хлебом по карточкам, и ребяташки, почтительно вззирающие на орден соседа-фронтовика (коих у самого Левитанского было два: Красной Звезды и Отечественной войны), и даже холодная печь, в которой можно греметь, «орудя кочергой». Ничто не напоминает войну. Только мальчишкам, не видевшим войны, в стуке кочерги и звуках воющей печи чудится грохот орудий и звуки трубачей. А в ночной комнате, убаюканной мерным тиканьем полусонных ходиков, даже выданные под Берлином сапоги воспринимаются как атрибут устоявшейся мирной жизни, «житья оседлого, позабытого быта».

В отличие от «Белого снега» стихотворение Владимира Высоцкого «Я полмира почти через злые бои...» (1974) наполнено напряжённым драматизмом. Оставивший по-

зади «злые бои», одолевший сотни вёрст чужой земли в санитарном эшелоне, подвезённый полугоркой «на родимый порог», к самому дому, герой Высоцкого, демобилизованный солдат, не чувствует отрешения от военной повседневности, его сердце не переполняет радость долгожданной встречи с женой. Его душа не согрета спокойствием и умиротворением (хотя война позади и он жив) — она наполнена пока непонятной тревогой. Потому и герой не ускоряет шаги, не взбегает на крыльцо, а стоит и немеет, не в силах двинуться дальше. Чутьё мужчины, солдата, хозяина подсказывает: похоже, ничего доброго возвращение домой не сулит: и дымок над крышей «поднимался не так — по-другому», и «окна словно боялись» взглянуть в глаза ушедшему на войну из этого дома, и — самое главное — «хозяйка не рада солдату»: «Не припала в слезах на могучую грудь, / А руками всплеснула — и в хату».

Напряжение нарастает:

*И залаляли псы на цепях.
Я шагнул в полутёмные сени,
За чужое за что-то запнулся в сенях,
Дверь рванул — подкосились колени.*

Лай псов (как на чужака), зловещие полутёмные сени, в которых немудрено споткнуться о чьё-то «чужое», экспрессивные глаголы «рванул», «подкосились» подготавливают кульминационный момент возвращения:

*Там сидел за столом, да на месте моём,
Неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нём, и хозяйка при нём.
Потому я и псами облаян.*

*Это значит, пока под огнём
Я спешил, ни минуты не весел,
Он все вещи в дому переставил моём
И по-своему всё перевесил.*

Характерно, что после этого я лирического героя перерастает в мы:

*Мы ходили под богом — под богом войны,
Артиллерия нас накрывала.
Но смертельная рана зашла со спины
И изменою в сердце застреля.*

Юрий Левитанский. Май 1945 года

Расхожая фраза «все мы ходим под Богом» приобретает военную конкретность: «богом войны» называют артиллерию. Но не ей суждено было убить героя: накрывать-то она его накрывала, да не накрывала. Беда пришла, откуда не ждали — с тыла, «со спины», оттуда, где, казалось, всё было надёжно. «Смертельной раной» названо предательство той, к кому «через злые бои» герой спешил, «ни минуты не весел», кому верил безусловно и верой этой спасался. Солдат Высоцкого мог бы повторить известное: «Эта вера от пули меня тёмной ночью хранила». Замена я на мы свидетельствует о распространённости предательства жёнами своих воюющих мужей. Этот мотив звучит и у Окуджавы. Замена караулит у порога и его героев — возвращающихся, грохочущих сапогами солдат:

*А где же наше мужество, солдат,
Когда мы возвращаемся назад?
Его, наверно, женщины крадут
И, как птенца, за пазуху кладут.*

*А где же наши женщины, дружок,
Когда вступаем мы на свой порог?
Они встречают нас и вводят в дом,
Но в нашем доме пахнет воровством.*

Как повёл себя в доме, где совершилось воровство, выживший под артобстрелом, прошедший «через злые бои» герой Высоц-

кого? Накостылял «неприветливому» обитателю дома, вышиб его вон, разобрался с хозяйкой? Нет. Через силу согнув себя в пояснице, попросил прощения за несвоевременный приход («Извините, товарищи, что завернул / По ошибке к чужому порогу») и ушёл, пожелав добра на прощание («Дескать, мир да любовь вам, да хлеба на стол, / Чтб согласие по дому ходило»). «Не хлопнул дверьми, как когда-то». Не крикнул в отчаяние, как метростроевец, герой «Баллады о детстве»: «А я, за что я воевал?» Поступил, как надлежит мужчине и солдату. И только ремарка «Зашатался некрашенный пол» позволяет понять, чего стоило герою это внешнее хладнокровие.

Скандалить бессмысленно. Обижаться нелепо. Всё решено. В доме «новый хозяин». С фуфайкой и хозяйкой. Случайно выжившего в боях здесь не ждали. Он лишний. Возвращение на «родимый порог» обернулось ошибкой «чужого порога».

Вопросом, кому горше: оплакивающему в широком поле свою Прасковью покорителю трёх держав или получившему смертельную рану измены на пороге родимого дома солдату, — задаваться не стоит. Потому что послевоенный воздух тревожно и недоумённо гудит другим вопросом: «Куда ж теперь идти солдату?» Солдату, вернувшемуся с войны домой.

И ответа на него солдат не слышит.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГЕЙНЕ Генрих. Гимн (Hymnus, 1869), пер. П.И.Вейнберга // Полн. собр. соч. Генриха Гейне / Под ред. и с биограф. очерком Петра Вейнберга. 2-е изд. — СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1904. — Т. 6. — С. 154.
- 2 Там же.
- 3 АННИНСКИЙ Лев. Михаил Исаковский: «Болото. Лес. Речные камыши. Деревня. Трактор. Радио. Динамо». Цит. по: <http://dzd.rksmb.org/liter/anninsky/la01.htm>
- 4 Друзья-однополчане: Рассказы о песнях, рождённых войной, мелодии и тексты / Авт.-сост. А.Луковников. Изд. 3-е, доп. — М.: Музыка, 1985. — С. 162—164.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 АННИНСКИЙ Лев. Указ. соч.
- 8 Друзья-однополчане: Рассказы о песнях, рождённых войной, мелодии и тексты / Авт.-сост. А.Луковников. Изд. 3-е, доп. — М.: Музыка, 1985. — С. 162—164.
- 9 Там же.
- 10 АННИНСКИЙ Лев. Указ. соч.
- 11 Там же.
- 12 КОРНИЛОВ Владимир. Памяти Левитанского. Цит. по: <http://levitansky.ru/?r=6&m=32&s=489>
- 13 Там же.
- 14 БЕЗЕЛЯНСКИЙ Юрий, ЛЕВИТАНСКИЙ Юрий: «Жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино» (цитата из разговора). Цит. по: http://www.45parallel.net/yuriy_levitanskiy/

КОРОВИН Валентин Иванович —

доктор филологических наук, профессор, литературовед, исследователь творчества И.А.Крылова, А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова и других поэтов и писателей XIX века, член Союза писателей России, автор учебников по литературе для средних школ и высших учебных заведений. vkorovin4@gmail.com

ТАТЬЯНА ЛАРИНА И ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН (ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО СМ.: ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ. — 2015. — № 2)

Аннотация. Автор статьи выясняет, почему судьбы Татьяны и Онегина разошлись и какой смысл приобретают в этой связи слова героини: «Но я другому отдана; Я буду век ему верна»; с этой целью даётся обзор книг, которые читала героиня романа.

Ключевые слова: роман в письмах, sentimentalный герой, нравоописательная литература, свобода и своеволие, романтизм, независимость и личное достоинство, честь, зависимость, нравственные представления, поступки героев.

Abstract. The author finds out why the fate of Tatiana and Onegin got devided and what meaning in this regard have the words of heroine: "But I am given to another; I will faithful forever". The reviews of the books that Tatiana had read are given.

Keywords: novel in letters, sentimental hero, freedom and self-will, romanticism, independence and personal dignity, honor, dependency, moral concepts, deeds of heroes.

Итак, герои романов, которые читала Татьяна Ларина, названы: «Любовник Юлии Вольмар», Малек-Адель, де Линар, Вертер и Грандисон. Чтобы понять, чем эти персонажи пленили её пылкое воображение и почему именно их черты запечатлелись для неё в Онегине, нужно, конечно, знать характеры этих героев.

«**Любовник Юлии Вольмар**» — Сен-Прё, небогатый учитель Юлии, дочери аристократа, барона д'Этанж, героини романа Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Роман представлял собой «письма двух любовников, живших в маленьком городке у подножия Альп», собранные и изданные Ж.-Ж.Руссо, как извещено в первом издании (Amsterdam, 1761). Названием романа Руссо намекал на связь своего сочинения со знаменитым про-

изведением XII века «Письма Элоизы к Абеляру» священника и писателя П.Абеляра. Эпистолярная форма позволяла Руссо раскрывать интимные чувства героев. Юлия и Сен-Прё полюбили друг друга, но на их пути встали сословные предрассудки, Юлия не противилась своему чувству. Влюблённые стремятся преодолеть и недовольство отца, и осуждение общества. И всё-таки их брак не состоялся, Юлии пришлось покориться воле отца, и она вышла замуж за господина де Вольмара, польского дворянина. Отношения супругов доверительные, и Юлия рассказывает мужу о своей любви к учителю. Покинувший было Юлию Сен-Прё спустя некоторое время возвращается и становится гостем семейства Вольмаров. Благородный Вольмар уезжает,

оставляя Юлию наедине с её возлюбленным, давая ей возможность свободно принять ответственное решение.

Юлия делает выбор в пользу семьи и остаётся с мужем и сыном. Но её решение объясняется не принуждением общества, давление которого героиня отвергает, а жалостью к родителям, прежде всего к матери. Она отказывает Сен-Прё не из страха перед угрозами отца, а из жалости к нему, когда он, бросаясь к её ногам, умоляет пощадить его седины и не дать умереть раньше времени с горя. То же чувство дочернего долга руководит Юлией и в те минуты, когда она отклоняет совет милорда Эдуарда о побеге вместе с Сен-Прё в Англию, где, обвенчавшись с возлюбленным, она могла бы устроить своё се-

мейное счастье в имении Бомстона. Сен-Прё также жертвует своим счастьем ради покоя Юлии и её матери.

Подарив Сен-Прё возвышенную дружбу, Юлия незадолго до своей кончины признаётся ему, что все ещё любит его. Этот мотив важен в том отношении, что характеры героев Руссо постоянны и не меняются под воздействием жизненных обстоятельств. Персонажи Руссо делятся на благородных, интеллектуальных, обладающих богатым внутренним миром и лишённых этих качеств, различие состоит в силе и слабости их характеров.

Несмотря на то что в романе торжествует добродетель (в последнем письме Юлии к Сен-Прё настойчивее, чем раньше, звучит и мысль о Боге), сочинение Руссо встретило резкую критику Вольтера именно в связи с вызывающим в нравственном отношении поведением Юлии. Вольтер осудил Руссо в послании к герцогине де Шуазель, сообщая ей своё мнение о романе и предупреждая: «...остерегайтесь же читать / Безвкусные бредни этого конченного безумца». В России сочинение Руссо также считалось «опасным» для девиц (Татьяна «с опасной книгой бродит»). В статье «О сказках и романах», помещённой в журнале «Аврора» (1806), её автор писал: «При образовании девиц нет ничего важнее, как предохранять фантазию от вредных внушений чувственности; потому-то (чтобы Руссо, впрочем, ни говорил в свою защиту) чтение «Новой Элоизы» есть и будет всегда опасно для молодых девиц». В своё оправдание перед Вольтером (возможно, и другими критиками) Руссо ссылался на то, что Вольтер недооценивал положительное начало в мире, придерживаясь излишнего скептицизма. Руссо не допускал унижения добродетели, вместе с тем писатель далёк от идиллического восприятия жизни: его роман завершается трагически, а это значит, что автор реально оценивал соотношение сил добра и зла.

Малек-Адель — другой герой, упоминаемый Пушкиным не только в основном тексте романа, но и в черновике¹. Малек-Адель — знаменитый и популярный среди романтических барышень XIX века и даже солидных дам герой «посредственного», по оценке Пушкина, романа «Матильда, или Крестовые походы» (1805) французской писательницы Софи Коттен, урождённой Мари Ристо (Sophie Cottin, нйе Marie Ristaud, 1770 или 1773—1807)², вдовы парижского банкира, который, «будучи тронут её нежностью», женился на ней, когда она была ещё «задумчивым семнадцатилетним ребёнком». Софи Коттен, по общему единодушному признанию, весьма чувствительна, но бездарна. Её роман полон чудовищных несуразиц, психологически необъяснимых поступков и душевных движений.

Действие романа отнесено к эпохе Крестовых походов, то есть к XII веку. Во время Третьего крестового похода предводитель и военачальник мусульман Малек-Адель среди песков встречает английскую путешественницу — принцессу Матильду, сестру короля Ричарда Львиное Сердце. Она вызывающе добродетельна. Он — умелый и храбрый воин, воплощение отваги. Не удивительно, что герои влюбляются. Между ними вспыхивает любовь, невыразимая словами. И хотя они во враждующих лагерях, исповедуют разные религии, они всё-таки чудесным образом оказываются обречены. При этом Малек-Аделю пришлось расстаться со всем, чего он достиг при дворе султана, и даже изменить своему долгу и своей вере.

Малек-Адель стал очень популярным в женской среде. Такая неистовая любовь, требующая измены отечеству, утраты репутации, чести, отступничества от религии предков, не говоря уже о материальных потерях, воспринималась юными созданиями, вопреки разуму, истинной, подлинно бескорыстной

любовью, которой они жаждали всем сердцем, не отдавая себе отчёта ни о последствиях, ни о реальных чувствах. Подобная любовь молодыми читательницами романов воспринималась как настоящее чувство: герой должен жертвовать всем ради любимой. Этот максимализм и делал привлекательным образ Малек-Аделя в глазах поклонниц.

Рыцарь любви — де Линар, герой, по словам Пушкина, «прекрасной повести баронессы Юлии Крюденер» «Валерия, или Письма Густава де Линара к Эрнесту де Г.» (1803).

В этом романе, как и в произведении Руссо, предмет повествования — любовь молодого человека к замужней женщине света. Юная Валери рано, в возрасте четырнадцати лет, стала женой нелюбимого старого мужа и через два года, в шестнадцать лет, познакомилась с де Линаром. Валери — изысканная, бледная, гибкая и хрупкая женщина с синими глазами и пепельно-белокурыми волосами. В отличие от своего печального мужа она то весела, то безразлична к окружающему. Произведение написано в популярном в то время жанре эпистолярного романа.

Гюстав де Линар — молодой швед, поклонник Валери, страдает, потому что она его не любит, он переживает одиночество, ему по душе горные вершины, бури, ему свойственны безысходная тоска и приступы апатии.

Чувства де Линара сдержанны. И это не только оттого, что он признаёт свою любовь незаконной, грешной, но и потому, что она не находит отклика в душе его возлюбленной Валери, которая не подаёт ему никаких надежд, ибо счастлива в браке. Это обстоятельство делает героя глубоко одиноким и живущим исключительно замкнутой внутренней жизнью, отгороженным от внешнего мира. Непреодолимым препятствием для него является и то, что он влюблён в жену почитаемого им человека, который заменил

Е.П.Самокиш-Судковская. Илл. к роману «Евгений Онегин». 1910-е годы

ему отца. В душе героя обостряется противоречие между чувством и долгом. Всё это делает любовь де Линара безнадежной, он понимает, что идеал недоступен, и уходит из жизни. Роман привлекал читателей необыкновенным, исключительным чувством героя. Каждая девушка и женщина мечтала о такой любви и страстно сопереживала страданиям и мучениям героя.

Вертер — ещё один романский персонаж, знакомый Татьяне. Это герой сентиментального романа Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774)³, написанного также в исповедальных формах дневника и писем, адресованных Вертером некоему Вильгельму, о котором ничего не известно. На самом деле письма героя представляют собой монологи, адресованные исключительно себе, ответных писем нет. Вертер — предшественник героев Байрона, Шатобриана и других романтических мятежников-индивидуалистов и романтических меланхоликов в европейской литературе. Все они предъявляют претензии к обществу, к существующему порядку. Ими владеет мечта о необыкновенно сильной любви, которая, однако, не может состояться.

Сюжет романа прост: Вертер влюбился в женщину, которая осталась верной своему брачному обету. Когда читатель знакомится с Вертером, он видит в этом молодом человеке искреннего и убежденного поклонника Руссо, понимает, что он уже знает о жестокости и бесчувственности окружающего его мира, в котором трудно найти родную душу. Вертер — художественная натура, он чувствителен, чуток, раним. Он задыхается в атмосфере большого города, его угнетают невежество и предрассудки, влечёт идеальный мир естественности, природы.

Чтобы не испытывать неудовлетворённости обществом и жизнью, чтобы отдался искусству (Вертер чувствует себя художником), он уединяется в небольшом провинциальном городке, погружаясь в идиллическую обстановку. Посещает гроты, дышит ароматом лип, любит журчащими ручьями. Словом, в общении с природой герой находит радость и успокоение, читает поэмы Гомера, его влечёт их патриархальный мир. Недалеко от городка расположена деревенька Вальхейм, в которой он встречает Шарлотту С. (он называет её Лоттой, «мамзель Лотхен») и влюбляется в неё. Он мечтает о Шарлотте, простота, скромность и наивность которой напоминает ему естественность и безыскусственность природы. Чистая любовь увенчивает эту сентиментальную идиллию, и счастье, мнится герою, не за горами. Однако на поверку оказывается, что эта идиллия недолговечна. Вскоре реальный жизненный опыт разрушает иллюзии Вертера.

Его возлюбленная Лотта обручена и выходит замуж «за добропорядочного, основательного и честного Альберта». Надежды Вертера на ответную любовь Шарлотты напрасны. Любовь принесла ему только страдания и мучения, став для него трагедией. Он поступает на службу в канцелярию, но общество («мелкие людшкы, кишащие вокруг»), в котором он

Хоровод. Лубок. XIX век

оказывается, вызывает у него искреннее возмущение: «Какая борьба мелких честолюбий; все только и смотрят, только и следят, как бы обскатить друг друга хоть на шаг». Местные аристократы относятся к герою, принадлежащему к третьему сословию, с нескрываемым высокомерием, и, чтобы не испытывать унижений, Вертер подаёт в отставку.

И хотя Вертер не бунтарь, в нём невольно проявляется мятежный дух (Пушкин назвал его «мученик мятежный»). Герой всё больше испытывает чувство негодования. Не принимая устройства немецкого бюргерского мира, он переживает глубокое неудовлетворение тем, что ему не удаётся утвердить себя. Столкновение с обществом обостряет чувство одиночества. Его преследуют меланхолия и тоска. Вертер не перестаёт любить Шарлотту. Будучи необычайно трогательным в своём чувстве, он понимает, что мечты о счастье рассеиваются, как дым. Если в первой части Вертер погружён в идеальный естественный патриархальный мир, символом которого служит томик Гомера, то во второй части он читает вместе с Лоттой песни-плачи

Оссиана, и они оба заливаются потоками слёз. Гармония, которая была для него высоким идеалом, мыслится недостижимой, герой терпит крах, отдавая себе отчёт в полном бессилии, и он решает на сознательный уход из жизни. По словам мадам де Сталь, Вертер гибнет не только от страданий любви, но и от воображения, принявшего болезненный характер. А в «болезни воображения» виноват, по мнению писательницы, «наш век». Татьяна Ларина, как и большинство русских и европейских барышень, восприняла Вертера в сентиментальном, чувствительном свете. Для неё он несчастный мученик большой, всепоглощающей, но несостоявшейся любви. Печальные судьбы Вертера и Шарлотты вызвали сочувствие современников. В начале 1820-х годов в гостиных русских захолустий висели картинки, изображавшие «Историю Шарлотты и Вертера»⁴.

В перспективе же развития русской и европейской литературы Вертер — один из ранних предшественников тех образов, в которых отразились «болезни века», коренные изъяны индивидуализма, свойственные и

«лишним людям» русской литературы. Именно в этом духе, в отличие от Татьяны, увидели его мадам де Сталь, французские, немецкие романтики и наш Пушкин, а вслед за ними и русские реалисты.

Чарльз Грандисон — персонаж, также пленивший воображение Татьяны Лариной, — герой эпистолярного романа «История сэра Чарльза Грандисона» в семи томах (1747—1748), принадлежащего перу Сэмюэля Ричардсона (1689—1761). Пушкин, как и его Татьяна, читал Ричардсона во французском переводе, по всей видимости, аббата Антуана Франсуа Прево (1784). Существовал ещё и перевод Летурнёра, изданный в Женеве в 1785—1786 годах. Во времена Пушкина слава героев Ричардсона уже «обветшала». Пушкин с иронией относился к образу Грандисона: употребив эпитет «бесподобный», он и тут же сообщил: «Который нам наводит сон...» (5). В одном из вариантов пушкинского романа Онегин говорит: «А приторный Памелы взор / Мне надоел и в Ричардсоне».

Татьяна, как и её мать, как и княжна Алина и другие юные создания конца XVIII — начала XIX века, искала в реальной жизни идеального возлюбленного, благородного сердцем, необыкновенно чувствительного героя. Таким и был Грандисон, о котором сам автор романа высказался так: «Грандисон — пример человека, поступающего всегда хорошо в различных тяжёлых ситуациях, ибо все его действия продиктованы одним непоколебимым принципом: человек религиозный и добродетельный, исполненный бодрости и высокого духа, образованный и приятный в обхождении счастлив самим собой и благословен для окружающих».

Татьяна воспринимает душевные движения книжных героинь и в своём воображении готова делить с ними и горе и радости:

*Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвенье шепчет наизусть
Письмо для милого героя...*

(3, X)

Пушкин мог бы назвать значительно больше книжных героинь, которые пленили воображение Татьяны, но он ограничился тремя — Кларисой, Юлией и Дельфиной. Все они умели страстно любить. О Юлии д'Этанж, в замужестве де Вольмар (роман Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза»), нам уже известно. А Кларисса и Дельфина — новые героини.

Кларисса Гарлоу — героиня романа С.Ричардсона «Кларисса, или История молодой леди» в восьми томах (1747—1748). Сюжет романа прост: девушка из патриархальной буржуазной семьи стала жертвой ари-

стократа, красавца и распущенного повесы Ловласа; не в силах пережить унижения и позора, она умирает. Ловлас погибает наединке с одним из родственников Клариссы.

«Кларисса» — самый длинный эпистолярный роман писателя, который по праву считается лучшим его произведением. Центральная тема в нём — тема любви — раскрывается в обстоятельствах частной жизни одной семьи в психолого-дидактическом ключе, в духе пуританской этики, осмысленной в свете идей Просвещения. Писатель сознательно отказался от широты изображения, процитировав в романе в качестве художественного принципа стихи Ювенала: «Если ты хочешь познать человеческие нравы, тебе довольно и одного дома...» Ричардсона не интересуют исключительные события и необычайные приключения. Действие романа развёртывается в меблированных комнатах Лондона, в загородной усадьбе мистера Г., в обители семьи Гарлоу.

Роман насыщен глубокими внутренними конфликтами и психологическими коллизиями. Сам Ричардсон характеризовал жанр своего произведения так: «драматическое повествование». Стало быть, писателя интересовала душевная жизнь людей, поэтому он использовал исповедальную эпистолярную форму. При этом события освещаются разными персонажами, преследующими разные цели.

Нравственная идея Ричардсона состояла в том, чтобы показать пагубность неправильного отношения родителей и детей к браку, из чего происходят все бедствия, которые обрушиваются на их головы. Эта идея выражена и в другом романе Ричардсона — «История сэра Чарльза Грандисона» (1754), в предисловии к которому он писал о героине своего прежнего произведения: «Молодая леди... рассматривается погружённой в такое разнообразие глубоких страданий, которые ведут к её безвременной кончине, чем даёт предупреждение родителям не воздействовать силой на склонности своих детей, касаемых принятия самого важного решения в жизни... Героиня, однако, как истинная **христианская героиня**, оказывается выше своих несчастий, и сердце её неизменно остаётся возвышенным, утончённым и благородным в каждом из них, радуясь приближению счастливой вечности».

Сначала Ричардсон намеревался дать иное заглавие произведению — «Наследство леди», и оно даёт представление о причине главного конфликта романа. Дед Клариссы завещал ей большую часть своего состояния, чем возбудил неудовольствие отца девушки, который заявляет, что «будет судиться с ней из-за каждого шиллинга», брата и старшей сестры, завидующих ей и злобно настроенных против неё. В семье вспыхивает конфликт из-за денег, в ходе развития которого выявляются худшие нравственные качества членов семьи. У сестры и брата рождается мысль насильно связать судьбу Клариссы с тупым, грубым, жадным и развратным соседом-помещиком Сомсом, чтобы унижить её в обще-

ственном мнении и навсегда закрыть перед ней двери добропорядочного общества.

Однако Кларисса, как она ни юна, понимает, что стала жертвой конфликта стяжателей. «Любовь к деньгам — корень всякого зла», — называет она в письме подруге причину ненависти к ней в семье. Проницательно судит она и о любви Сомса, иронически отзываясь о нём: «И такой человек влюблён! Да, может статься, влюблён в имение моего дедушки!» По словам подруги Клариссы, семейством Гарлоу овладели низменные страсти. Об упадке человечности свидетельствует и Ловлас. Героиню, по существу, выживают из родного дома. Перед ней встаёт непростой выбор: либо вступить в брак с нелюбимым и порочным Сомсом, либо согласиться на побег с Ловласом.

Чтобы избавиться от травли домашних, Кларисса выбирает бегство с Ловласом, так как считает это меньшим злом. Но в Ловласе она не видит достойного для себя человека. Её привлекает в Ловласе широта натуры, отсутствие мелочной расчётливости, но отталкивают другие черты — легкомыслие, эгоизм, коварство, самомнение и чрезмерное самолюбие⁶. Читатель увлечённо следит за тем, удастся ли Клариссе избежать сетей, которые расставил Ловлас и о которых она ничего не знает. Но замыслам знатного соблазнителя противостоит твёрдость характера героини и присущее ей нравственное достоинство.

Таким образом, конфликт между Клариссой и Ловласом — это не только столкновение двух сильных характеров (каждый из героев не готов поступиться личной свободой и самостоятельностью), но и столкновение сословий, нравственных принципов, образов жизни и представлений о существовании человеческой природы. Для Ловласа смысл жизни состоит в плотском наслаждении. Он посягает на честь Клариссы, уверен, что героиня не устоит перед его чарами, ибо такова природа человека. Кларисса с её нравственной стойкостью молится не только о себе, стремясь не поддаться искушениям опытного сердцееда, но и о Лавласе, чтобы он не погубил и себя «ради человеческой природы». Насилие над Клариссой свидетельствует о нравственном падении героя.

Отсюда следует, что Ричардсон рассматривает конфликт между Клариссой и Ловласом не только как противостояние аристократического культа безудержного наслаждения и пуританского аскетизма с его сдержанностью чувственных желаний и страстей. Автор размышляет о праве человека на духовную свободу, о его нравственном достоинстве и личной независимости.

Моральная победа Клариссы над Ловласом даётся трудно. Она попала в лондонский притон, где Ловласу удалось насильно овладеть ею. Кларисса бежала из притона, оказалась в долговой тюрьме, словом, ей пришлось пройти через грязь и унижения, она была опозорена и обесчещена.

Несмотря, однако, на жестокость судьбы, Кларисса всюду сохраняет нравственную чистоту, отстаивает свою личную свободу, свои

жизненные принципы, остаётся верной чувствам добродетели. Она отказывается от брака с Ловласом, который умоляет её о прощении. Одержав духовную победу над Ловласом, Кларисса умирает. Своей жизнью она доказала, что закон природы — не вседозволенность, а нравственная добродетель. Поэтому образ уходящей из жизни Клариссы овеян глубоким религиозным духом. Кларисса — мученица, страдавшая за истинную любовь, сильную, бескорыстную, чистую и праведную.

Трагическое завершение жизни Клариссы говорит о том, что автор не разделяет надежды просветителей на быстрое наступление царства разума и справедливости. Это не убавило Ричардсону популярности в Европе XVIII века. Но в XIX веке писателя сочли многословным, старомодным и слишком дидактичным. Вместо героя без страха и упрека Ричардсон вывел героиню тех же достоинств. В «Евгении Онегине» Пушкин писал: «Ловласов обветшала слава / Со славой красных каблучков / И величавых париков». Время Просвещения и его литературы ушло в историю. «Кларисса» Ричардсона теперь навевала скуку. «Читаю "Клариссу", мочи нет, какая скучная дура», — передавал Пушкин свои впечатления. Но, уйдя в историю, роман Ричардсона не выпал из неё. Он остался звеном в живой литературной цепи прошлых, настоящих и будущих веков (7).

Татьяна близка Клариссе твёрдостью характера, чувством собственного достоинства, пониманием любви, долга. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства судьбы, она остаётся верной себе и своим жизненным правилам. Уже замечено, что суд Татьяны над Онегиным в окончании романа «отдалённо подготовлен судом Клариссы над Ловласом — первым в истории европейского романа актом утверждения независимости, свободы и равноправия женщины — не рабы, а хозяйки своего чувства».

Дельфина, взволновавшая воображение Татьяны, — героиня одноимённого романа мадам де Сталь (8) («Дельфина», 1802)⁹.

Дельфина д'Альбемар — вдова двадцати одного года. У неё есть возлюбленный Леонс де Мондовилль. Он разделяет предрассудки высшего света и оказывается неспособным понять глубину чувства полюбившей его женщины. Поверив в распространившиеся о Дельфине сплетни, Леонс женился на Матильде де Вернон. Дельфина же вступила в неравную борьбу со светом за своё право любить и быть любимой. Леонс, однако, несмотря на женитьбу, продолжает любить Дельфину. Герой мог бы изменить свою жизнь и соединиться с возлюбленной, так как законом разрешён развод, но аристократические предрассудки останавливают его от этого решительного шага.

Дельфина, в свою очередь, связывает себя моральным долгом по отношению к жене своего возлюбленного. Она не может причинить ей нравственную боль и заставить её страдать и уходить в монастырь. Смерть Матильды, казалось бы, освободила Леонса

от несчастного брака. Но он не может жениться на монахине. К тому же вскоре Леонса арестовывают революционеры. Дельфина спешит к нему на помощь. Но Леонсу вынесен смертный приговор. Узнав об этом, Дельфина принимает яд. Леонс тяжело переживает её угасание и сам оказывается «в болезненном состоянии, более пугающем, чем состояние его подруги». Эпиграф романа воспроизводит противоречие, лежащее в основе романа: «Мужчина должен уметь бороться с общественным мнением, а женщина должна уметь ему подчиняться».

Нетрудно заметить, что чувство долга роднит Татьяну с Дельфиной. Они обе жертвуют собой ради спокойствия близких...

Однако есть решающее, принципиальное различие между Татьяной Лариной и героинями европейских писателей. Образы женщин в европейской литературе выдержаны в духе просветительской традиции, а главным для неё остаётся наполнение содержания идеями сентиментализма и философии, получившей название «руссоизм» по имени Ж.-Ж.Руссо, провозгласившего принцип возврата к природе, слияния с ней. В научной литературе уже отмечено, что чувство в художественных произведениях и трактатах стало рассматриваться как своего рода замещение разума. Оно воспринималось теперь не как дополнение к принципу разума, основному в философии классицизма и просветительства: в нём выражалось истинное существо человека, главная и подлинная ценность его бытия. Поэтому сентименталисты не порвали с просветительством.

Из этого представления, помимо других, следовал важный вывод. Он связан с идеей национально-исторической самобытности людей, народов, культуры вообще и литературы в частности. Он означал углубление понятий «историзм» и «художественный историзм», предполагал обращение к истокам европейской и народной культуры каждой страны (10).

Главные героини в сочинениях европейских писателей и писательниц обнаруживают пылкость страстей и чувствительность, характерные для сентиментализма. Но в то же время они устремлены к романтической независимости характеров. Любовь понимается и как бесценное качество человека, порождающее возвышенные мысли и побуждающее к возвышенным деяниям, и как источник страдания и несчастий для чувствительной души.

Характер Татьяны Лариной сформировался под влиянием европейской культуры, литературы и русской народной культуры. В героине романа Пушкина сочетаются высокая нравственность и гуманная народная культура.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На это указал В.В. Набоков в своём комментарии: Малек-Адель «с очарованием» «являлся» Татьяне (см.: НАБОКОВ Владимир. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». — СПб., 1998. — С. 302).

² В России сочинение г-жи Коттен было переведено в 1809—1812 годах и в 1813 году под заглавием «Матильда, или Записки, взятые из истории Крестовых походов. Сочинение г-жи Коттен. Перевёл с французского Д.Б.Каменской». Успех романа потребовал продолжения походов героини. За это взялся г-н Верниделюзе, который в 1825 и в 1827 годах выпустил романы в нескольких частях «Матильда, или Продолжение истории о Крестовых походах г-жи Коттен» и «Матильда при горе Хорев».

³ Пушкин знал роман Гёте по книге де Сталь «О Германии» и, вероятно, по французским переводам. В.В.Набоков привёл множество переводов романа на французский язык и решительно утверждал: «Пушкин, как и русские барышни, читал его на французском» (НАБОКОВ В.В. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин». — СПб., 1998. — С. 300). По мнению В.М.Жирмунского, нельзя исключить и прямого знакомства (см.: ЖИРМУНСКИЙ В. Гёте в русской литературе. — Л., 1937. — С. 136).

⁴ См.: БРОДСКИЙ Н.Л. Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина. — М., 1964. — С. 180.

⁵ Во Франции также были недовольны ни Ричардсоном, ни переводом А.Прёво, который сократил и огрубил оригинал, вырезав в нём некоторые существенные эпизоды. О самом Ричардсоне Шатобриан снисходительно писал: «Ричардсон не обладал собственным стилем, однако его отдельные живописные пассажи заслуживают внимания».

⁶ Исследователи заметили, что Ричардсон «дал своему герою фамилию, вошедшую в политическую и литературную историю Англии XVII века: поэт Ловлас, один из «кавалеров», сражался на полях гражданской войны за обречённое дело Карла I и слагал стихи во славу любви и вина.

⁷ См. «Мысли на дороге» (1833—1835) А.С.Пушкина: «Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша... Многие читатели согласятся со мною, что «Кларисса» очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсона имеет необыкновенное достоинство».

⁸ В беловой рукописи (1-я глава, IX строфа) Пушкин писал:

*Нас пыл сердечный рано мучит,
Очаровательный обман,
Любови нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.*

Судя по этим стихам, не только Татьяна, но и Онегин были знакомы с сочинениями мадам де Сталь.

⁹ По мнению Д.Шарыпкина (ШАРЫПКИН Д.М. Пушкин и «Нравоучительные рассказы» Мармонтеля. Пушкин. Исследования и материалы. — 1978. — Т. VIII. — Д. — С. 117—118), Пушкин имел в виду героиню повести Мармонтеля «Школа дружбы», переведённую Н.М.Карамзиным (см.: «Новые Мармонтелевы повести». — М., 1822. — С. 134—199). Однако персонаж Мармонтеля по своей известности и художественной значительности не идёт ни в какое сравнение с образом Дельфины из романа де Сталь.

¹⁰ См.: История всемирной литературы. — М., 1989. — Т. 6. — С. 146—148.

КОЗЛОВА Людмила Михайловна —

учитель русского языка и литературы ГБОУ ЦО № 2051, г. Москва
lyusia_kozlova@mail.ru

«ЗА ЧЕЛОВЕКА ОН МОГ КИНУТЬСЯ В ОГОНЬ И В ВОДУ, ЗА НАРОД ОН СТОЯЛ...»

В.М.ШУКШИН В ВОСПОМИНАНИЯХ МАТЕРИ И ЗНАВШИХ ЕГО ЛЮДЕЙ

Аннотация. В 2014 году В.М.Шукшину исполнилось бы 85 лет. В статье нашли отражение документальные материалы из Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М.Шукшина в селе Сrostки Алтайского края: воспоминания земляков, матери Шукшина, знакомых и людей, знавших его, чтобы читатель смог «породниться с живым Шукшиным».

Ключевые слова: чурики, «дитя моё милое», суть творческая и человеческая, «охота жить», доброта, Сrostки, живое народное слово, ёмкость простого слова, феномен Шукшина, светлая память, Шукшинские чтения.

Abstract. In 2014 V.M. Shukshin would have turned 85 years old. The article reflects the documentary materials of the All-Russian Memorial Museum-Reserve of V.M. Shukshin in the Srostki Village in Altai: memories of people who knew him as well as memoirs of Shukshin's mother and friends. It helps to get to know "real Shukshin".

Keywords: freaks, "my sweet baby", essence of creative and human, kindness, live word, capacity of a simple word, Shukshin's phenomenon, blessed memory, Shukshin.

Здравствуйте, уважаемая редакция! В школе работаю 36 лет. К 70-летию Шукшина я со своим учениками готовила литературный вечер. За год до юбилея мы установили связь с музеем писателя на Алтае. Газеты со статьями о писателе, сборники статей о нём и его творчестве, воспоминания земляков, работников музея до сих пор хранятся у меня. К 85-летию Шукшина решила написать статью, используя накопленный материал. Думаю, моя работа может быть использована для уроков при изучении творчества Василия Шукшина.

Сорок лет прошло с тех пор, как ушёл Шукшин, а «от его отсутствия по-прежнему зияющая дыра, потому некому замолвить за нас слово так, как замолвил бы он». Шукшинские персонажи живут в той реальности, в которой все мы хоть чуть-чуть находимся. Василий Шукшин никого бы не забыл в своих рассказах и умных фильмах: ни меня, ни вас, ни довольных, ни плачущих, ни сильных, ни слабых. Продолжая традиции А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Шукшин хотел увековечить «маленького человека». А ведь таких сейчас большинство.

Несмотря на ранний уход из жизни, Василий Макарович успел внести бесценный вклад и в литературу, и в кинематограф, и в драматургию. Он удивительно быстро обрёл народную любовь. Сам плоть от плоти русского народа, он сумел сказать о нём весомое самобытное слово. Друг и однокашник Шукшина по ВГИКУ Александр Петрович Саранцев вспоминал: «Я никогда не предполагал, что он так быстро умрёт. Когда это случилось, я стал думать: что в нём было самое главное? И пришёл к выводу: самое главное в нём было то, что он не мог врать. В этом заключалась его суть творческая и человеческая, один из талантов, которые ему Бог отпустил, — обострённое ощущение истины и справедливости. За двадцать лет нашего знакомства я ни разу не видел Шукшина отдыхающим...»

Как Волга ждала атамана
Степана,

Мария Сергеевна —
мама В.М.Шукшина

*Катунь до сих пор его ждёт.
Судьба Шукшина, словно
Строчка романа,
Калиною красной цветёт.*

Эти стихи непрофессионального поэта из Екатеринбурга. Но они точно передают сущность народного миропонимания шукшинских творений.

Героев Шукшина часто отождествляют с заурядными чудачками, «странными» людьми, порой недалёкими, смешными, попадающими то и дело в нелепые ситуации. Но при внимательном сочувственном рассмотрении понимаешь, что все они умные, глубокие и светлые люди, с ранимой мятущейся душой, нравственные максималисты, живущие по высокому кодексу совести. И никакие они не странные; наверное, такими и должны быть люди. Таким был и сам Шукшин.

Из воспоминаний матери, Марии Сергеевны: «Как только занятия в школе прекратились, так Вася по целому лётчику со мной в бригаде трудился. Когда был ещё маленьким, на кухне поварихам помогал: дров на-

колет, воды принесёт... А как наступал сенокос, тут уж раздолье — копны возил. Стог домечут, устанут — перекур. Ребятишки своих коней в траву отпустят и бегут, кто косянку собирать, кто пучки рвать. А он сядет в тень от лошади, достанет книжку (она всегда была при нём), читает да поглядывает, пока бригадир не позовёт: "Ну, ребята, по коням!" И снова за работу...

Упрямый, никому в работе уступать не хотел — ни взрослым, ни сверстникам.

Его мужики любили. Расскажу один случай. Выпросился как-то Вася воду возить на быках на табачную плантацию. Я ему говорю: ты мал, милый, тебе ведро с водой не поднять. "А я по половинке". И три сезона кряду воду возил.

А однажды съездил на Катунь, налил бочку, поехал, а хомут возьми да порвись. Бык из двухколёски выпрыгнул и пошёл себе дальше, а он прыгнул с сиденья и стал мучиться: заведёт быка в оглобли, хомут не свяжет. Разорвал рубашонку, завязал хомут. Помнил он эту историю, не знаю. А мне она запомнилась. Рубашонка-то последняя была.

А вот случай, когда бык Васю чуть не зашиб, описан в одном из его рассказов под названием "Бык". Правда, мне он тогда ничего не сказал. Уж неделя прошла — меня соседка спрашивает: "Как Васятка-то?" А я ей: "Чего Васятка?" "Ну как же, его бык лбом ударил". Я за сердце схватилась, говорю: всё рассказывай, как было. Оказывается, бык в просо забрёл, наелся и лежит-полёживается. Вася его и так и эдак — не встаёт. Потом как саданёт! Вася три сажени проборонил... хорошо, у быка лоб был широченный, а если бы на рога посадил?

Никогда не забуду, как он впервые ухаживал из дома. Семь классов закончил. И все ребята, его товарищи, решили поступать в Бийский автомобильный техникум. Как сговорились... Четыре года надо было там учиться. Но не доучился, вернулся домой, не поглянулось ему в городе.

В семнадцать лет стал самостоятельным. И решил: "Поеду ближе к Москве. Буду там пробиваться". Помню, как ранним утром, по весне, он уходил второй раз из дома. Я проводила его за село, перекрестила на до-

рогу, села на землю и заплакала. Это был 1947 год.

Устроиться учиться ему не удалось. В Подмоскowie он поступил работать слесарем-такелажником, работал в Калуге на турбинном заводе. В 1948 году предприятие послало его в город Владимир, на тракторный завод имени Жданова, где он работал слесарем, а позже трудился учеником маляра и плотником. Посылали Васю из-под Москвы в военное училище, потом в автомобильное, в Рязань, но, зная, не суждено ему было стать ни лётчиком, ни офицером.

В 1949-м призвали Васю служить во флот. Оттуда часто писал письма. На здоровье не жаловался, а тут вдруг приходит письмо, где он пишет, что лежит в госпитале. Обнаружили язву желудка. В феврале 1953 года его комиссовали по состоянию здоровья.

Вернулся сынок в Сrostки. Я стала лечить его народными средствами. Вася всё переживал. Скоро 24 года стукнет, а за душой — 7 классов образования и никакой специальности, кроме, конечно, такелажника, маляра и военного радиста. Но куда с ними в деревне? Вдобавок две язвы. Всё надо было начинать заново. И он решил: надо начинать с аттестата зрелости. Без него ходу не будет никуда. Вот и впился в учебники. Я, жалеючи, говорила ему: «Вася, отдохнул бы ещё, здоровье поправил». А он: «Некогда, мама, догонять надо».

И вот весной того же года он экстерном сдал экзамены за среднюю школу, получил аттестат зрелости. Бывший секретарь Сrostинского райкома партии Ф.И.Доровский предложил Васе комсомольскую работу — отказался. Потом предложил ему быть директором вечерней школы молодёжи. Вася согласился, и там он одновременно преподавал русский язык, литературу, историю.

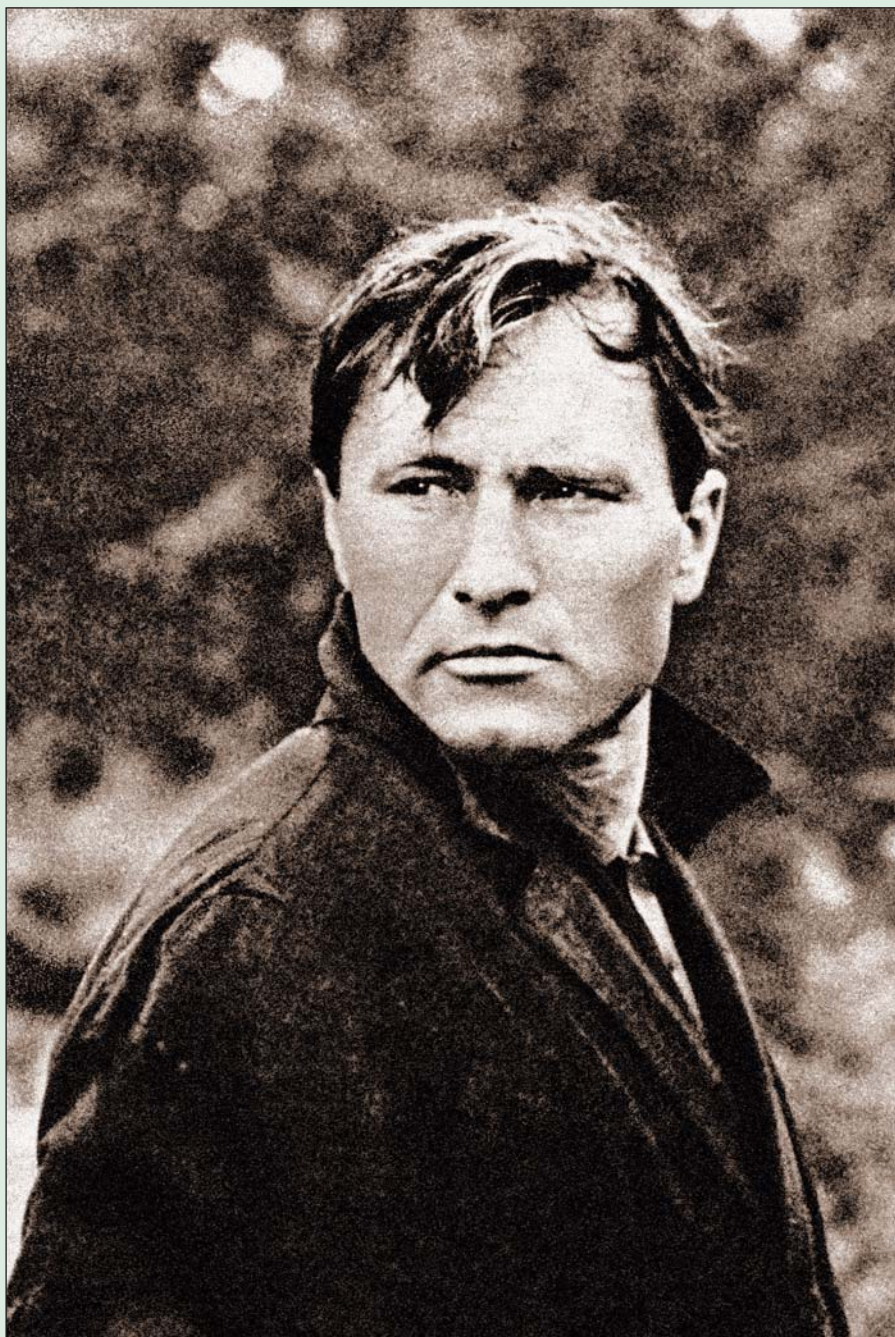
Мне казалось, что всё наладилось. И здоровье вошло в норму, и работа есть. Но стала я замечать, что Вася частенько задумывается, много курит, играет желваками. Однажды села с ним рядышком и говорю: «Что ж, сынок, деньжонок мы маленько скопили, езжай, учись».

Пока он учился, я продала баню рубленную, половички самотканые, которые приготовила для Наташи. Ведь надо было помогать не только Васе, но и Наташе, которая училась в то время в Новосибирском пединституте...

Частенько сельчане говорили мне: «Ну что, Мария, генерала, что ли, хочешь вырастить из него?» — «Выше!» — отшучивалась я.

Пять пятёркок получил Вася на вступительных экзаменах во ВГИК. За шесть лет успел окончить институт, сняться в нескольких ролях в кино, выпустить книжку рассказов. И как только появились деньги, стал помогать мне и Наташе.

Запомнился мне ещё один разговор. Шли съёмки «Калины красной». Ненадолго Вася приехал домой. Рассказывал о новом фильме, был очень взволнован. «Знаешь, мама, в чём трагедия моего Егора Прокуди-

В.Шукшин. Фото.

Надпись на обороте: «Маме, моему министру, от сына для памяти»

на? В том, что он мать свою старую забыл, предал... Как жить такому человеку?» Так оно и есть: нет ничего страшнее на свете, чем молчаливый укор покинутой матери.

Я вот всё думаю: как же народ мог знать, что Вася любил его? За человека он мог кинуться в огонь и в воду, за народ он стоял, душой болел.

Так и отдал, не пожил, дитё моё милое...

Вот уж сколько времени прошло, как Васи не стало, до сих пор не верю, что умер. Могилы-то его так и не видела. Как гроб-то опустили, я вроде как сознания лишилась. Уж когда очнулась — глядь, а там, где должна быть могила — море цветов. Да и сейчас, говорят, что портрет-то не разглядишь — всё цветами усыпано. Разве поверишь, что сын лежит, когда и землицы-то не видно. Все го-

ворят, мол, радуйся, Марья, какая слава тебе на старости привалила. А зачем она мне? Жили бы лучше в землянке на одних сухарях, только бы сыночек был живой, и ничего другого не надо.

Вот это и было бы счастье...

Мария Сергеевна Попова (Шукшина) на пять лет пережила своего сына, умерла в 1979 году и похоронена на Пикете в Сrostках. Наделённая народной смекалкой, мягким юмором, крестьянской практичностью, она была первой, кто заложил в сына жизненные основы, и главные из них — правдивость, высокая требовательность к себе и людям, доброта души.

Эти качества характера русского человека раскрывает писатель и в своих героях, которых он не выдумывал, а знал и видел в

реальности. Разговаривая с людьми, всё подмечал, проявлял интерес к разным характерам и судьбам.

Прокурор Сростинского района вспоминал о Шукшине: «В 1953 году в Сростках появился демобилизованный моряк. На первый взгляд он произвёл на меня впечатление не вполне скромного франта. Но вскоре я убедился, что это был весьма серьёзный, способный, целеустремлённый, настойчивый и энергичный молодой человек. В этом же году буквально за несколько месяцев с помощью замечательных, доброжелательных учителей Сростинской средней школы... он экстерном сдал экзамены за 8, 9, 10 классы, получил аттестат зрелости, а в следующем учебном году он стал заведующим вечерней школы.

Однажды в выходной день, отдыхая в саду на Поповском острове, по окончании игры в волейбол, в дружеской беседе он спросил: “Как можно получить юридическое образование?” Я ответил, что в Новосибирске есть юридическая школа, дающая среднее юридическое образование и отделение ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт).

С какой-то болью и глубокой грустью он произнёс: “Да, туда, наверно, мне входа не будет. Придётся в артисты подаваться...” Лишь какое-то время спустя я понял значение этих слов.

А он действительно стал не только знаменитым актёром и режиссёром, но и талантливейшим писателем.

Вспоминается апрельское утро 1953 года, когда из Сростинского отделения милиции на необорудованной бортовой машине в сопровождении трёх милиционеров отправляли в Бийск арестованного, очень красивого, статного молодого человека, который из кузова кричал: “Прощайте, начальники, мне только до переправы, а там ищи-свищи!”

Оказавшийся рядом Василий Макарович спросил: “Что это за красавчик такой?” Я ему рассказал, что этот красавчик совершил побег из мест заключения, по дороге в тайге убил охотника, завладел ружьём, а будучи задержанным, ещё умудрился бежать из КПЗ милиции соседнего района.

Каково же было моё изумление и восхищение талантом В.М.Шукшина, когда через несколько лет, уже проживая на Украине, в рассказе “Охота жить” я узнал нашего общедо известного красавца-мужчину».

Как тут не вспомнить чеховскую мысль о том, что не нужно выдумывать сюжеты, жизнь полна ими: бери и пиши. Вот только изобразить увиденное и услышанное мастерски, талантливо, могут лишь те, у кого есть Божий дар. У Шукшина он был. И он распоряжался им так, как подсказывало ему человеческое и творческое чутьё: «Много думаю о нашем деле и прихожу к выводу, — писал он, — никому, кроме искусства, до человека нет дела. Государству нужны солдаты, рабочие, служащие... и т. д. И чтоб был порядок. И всё. А ведь

люди должны быть добрыми. Кто же научит их этому, кроме искусства?»

Уже в раннем творчестве писателя нравственные проблемы были главными. «Нравственность есть Правда», — говорил он. И ранний рассказ «Охота жить» тоже об этом, о доброте, зле, о вере и безверии, о непростых человеческих отношениях... Мы читаем его и сегодня, потому что идеи и боль, которыми жил и которые выражал Шукшин, не исчезли.

«Не было бы добрых людей, жизнь бы дано остановилась...» — говорит главный герой рассказа «Охота жить». Так всегда и считалось на земле. В финале рассказа доброго Никитича убивает злой на всех и на всё Колька-профессор, сбежавший из тюрьмы. Цель своего побега он объяснил в двух словах: «Жить всем охота». Разное восприятие мира этих двух людей, противоположных во всём, даётся в диалоге. Диалогичность рассказов Шукшина определена целями писателя. Прежде всего проявить характеры героев, их жизненные принципы, выразить и свою авторскую позицию, то есть показать, против каких нравственных пороков он восстаёт, о чём хочет заставить задуматься читателя.

Животная жажда молодого красивого парня жить во что бы то ни стало не понятна леснику Никитичу, всю жизнь проведшего в тайге. Он любил её, «знал: он один безраздельный хозяин этого большого белого царства». И легко на душе старого охотника оттого, что он беспредельно добр к окружающим его людям, к природе. Никогда и никому Никитич не делал зла, хотя, конечно, не святой, помнит о своём давнем грехе и кается: соблазнил когда-то дочь кержаков и бросил: «Дитя пустил по свету». Но ведь «жизнь дал человеку — не убил».

Беглый парень со «стылым» взглядом всё понял про таёжного охотника, обрадовался, что нашёл укрытие, хотя сначала проявил осторожность и недоверие. Так с опаской пробует воду ранний купальщик, но уже прыгнув, с силой гонит волну, поднимая шум и брызги. Размашистое и безоглядное откровение переросло в наглость. Приютившего его человека вскоре он называет «зверем», а себя хозяином жизни. «Если бы я встретил где-нибудь вашего Христа, я бы ему сходу кишки выпустил... Я бы сейчас нового Христа выдумал: чтоб он по морде учил бить».

Полное безверие Кольки-профессора в конечном итоге убило в нём человека. На самом деле зверем оказывается не он, убивая старика, который до самой последней минуты верил в добро. Иначе не отпустил бы парня, который ночью бежит из избы, прихватив ружьё и кисет Никитича. Шукшин рассказал нам правду жизни, которая «хоть и горькое лекарство, но лечит». Доброта людская есть необходимое условие жизни, но она должна быть разборчивой, иначе она обернётся вредом и бедой...

Современник Шукшина Р.Енакаев из Оренбурга в 1992 году приехал в Сростки на

Шукшинские чтения. В семидесятые годы ему посчастливилось беседовать с Шукшиным в одной из аудиторий ВГИКа в Москве. Посетив шукшинские места, поговорив с земляками Василия Макаровича, Енакаев написал статью в местную газету «Моя земля». Вот фрагмент из неё: «В.М.Шукшин открывает внутренний мир человека, на первый взгляд неинтересного. Его простой, “естественный”, человек — шофёр, тракторист, бухгалтер... Пытаясь выяснить, чем живёт человек, писатель упорно выискивает в своём герое “странность”, помогающую ему сохранить самобытность, выбрать судьбу, поднять самого себя...

В произведениях Василия Шукшина поразительно естественный диалог. Ёмкость его рассказов во многом оттого, что герой в нём именно выговаривается, выявляет себя через живое народное слово. Пожалуй, ничто не создаёт такого яркого и живого представления о человеке, как его речь. Каждый человек думает и говорит, используя тот запас слов, который ему дали жизнь, труд, знания, опыт, книги. У Василия Шукшина живая человеческая речь становится сильнейшим средством создания яркого самобытного образа, характера. Что бы ни писал Шукшин, его прозу всегда выделяется особая, поразительная житейская достоверность. Если вспомнить, как он описывает внешность людей, место действия, природу, можно понять цель всех его усилий: выразить состояние человеческой души, её трагическую повседневную маяту и высокий порыв. И не знает Шукшин при этом лучших средств, чем богатство живой разговорной, преимущественно простонародной речи с её поразительными оттенками.

Всё подчинено открытию в человеке неповторимого строя его души, ума, судьбы. Василий Шукшин обладал даром видеть и слышать людей. И ни один голос, ни одно лицо ему не были безразличны, скучны, потому что их жизнь была и его жизнью, их тоска и ему была знакома, их язык был и его языком. И он не поучает, а застывает, хочет понять, напомнить, наконец, как разнообразен человек и как бесценно это живое разнообразие народа».

Нельзя не согласиться с автором этих строк. Читаешь рассказы Шукшина — «и очень хочется жить!» Встречи с Шукшиным, слова писателя западали в людские души, и в них загорались искры...

Шукшинские чтения... Алтайское село Сростки — малая родина Василия Шукшина — собрало в день его рождения много гостей со всех концов России, но и те, кто не смог приехать, мысленно были рядом с Шукшиным, его земляками, преданными друзьями. Вся думающая, нравственно чистая, верная долгу и совести Россия мысленно чтит светлую память великого творца земли Русской — В.М.Шукшина: каждому Шукшин необходим, как глоток свежего воздуха, воздуха правды... Шукшин продолжает жить среди нас, вселяет веру в светлый час Отчизны...

ТЮРМОРЕЗОВА Светлана Александровна —

кандидат филологических наук, преподаватель, г. Сургут
tsa.61@mail.ru

«НАДО ЖИТЬ ДОСТОЙНО! НАДО ЖИТЬ НЕ ПОШЛО!»

О ТВОРЧЕСТВЕ И.РАСТЕРЯЕВА

Аннотация. В статье даётся обзор творчества нашего современника — самобытного поэта, барда Игоря Растеряева.

Ключевые слова: интерес молодёжи к творчеству поэта, система ценностей, Родина, история страны, память о Великой Отечественной войне, боль нашего времени, современность, призыв к нашей совести.

Abstract. The article gives an overview of Igor Rasetyaev, a contemporary poet and bard.

Keywords: youth interests, values, homeland, country's history, memory about the Great Patriotic War, pain of our time, present, call to our conscience.

Без поэтической звезды
В любой стране, в любом народе
Мир был бы как пустой колодец,
Где нет и не было воды.

Умар Яричев

Игорь Растеряев — коренной петербуржец. Актёр театра и кино. Русский поэт. Стихи его самобытны. В них нет ни одного литературно-фальшивого слова. Манера исполнения песен — потрясающая — задевает и трогает душу! Система ценностей: Бог, Россия, народ! Содержание своих стихов он черпает из народной жизни, поэтому каждое слово в его стихах — правда: от лирики и красоты природы до всеобщей разрухи села и покоящихся на деревенских погостах русских мальчишек.

Услышав первый раз его песни, прочитав его стихи, подумала: пишет для потребителя. Ошиблась...

Встреча с творчеством поэта произошла случайно. Всё те же мальчишки:

— Светлана Александровна, а Вы слышали Растеряева?

— Нет. А он кто?

— Вы что? С Луны свалились? Мишка, дай ей «Ермака» послушать!

— Да нет, надо не с «Ермака», включи «Ромашки»...

На экране монитора запестрела разнотравьем степь, заиграла гармошка, зазвучала песня...

У меня лежит не один товарищ
На одном из тех деревенских кладбищ,
Где тёплый ветерок на овальной фотке
Песенку поёт о палёной водке.

Себе такую дорогу
Ребята выбрали сами,
Но всё же кто-то, ей-богу,
Их подтолкнул и подставил.
Что б ни работы, ни дома,
Чтоб пузырьки да ромашки,
Чтоб вместо Васи и Ромы
Лишь васильки да ромашки.

Я сидела возле компьютера, недоумённо смотрела на поющего (или, тогда показалось, орущего?) деревенского парнишку, лихо растапливающего меха гармошки, и слушала.

Игорь Растеряев (род. 1980)

И вдруг в какой-то момент у меня перехватило дыхание: перед глазами, как живой, упрямо вставал умирающий донской хутор...

Полуразрушенные, заколоченные дома и дворы, где, нетронутые, зреют груши и сливы. Заброшенные сады вдоль речного русла в зарослях бурьяна. Несколько старых подлатанных кое-как куреньков, где доживают свой век старики-старушки. Относительно новые постройки 1970—1980-х годов оставшихся ещё здесь хуторян. По узким улочкам-тропинкам за полдня прогулок я так и не встретила ни одного пацанёнка. За хутором — поросшее травой кладбище, где можно отыскать и древние захоронения с каменными крестами, и современные, недавних лет. Даты, даты, и среди них — между двумя четырёхзначными цифрами — подсчитываю в уме — 16—25 лет жизни...

Иду к старому проржавевшему причалу с заброшенной деревянной будкой, что некогда была билетной кассой. Помню, сколько было здесь этой детворы с раннего утра и до полудня... Сколько всего здесь открывалось для любопытного детского глаза: и большегрузные корабли, и маленькие лодочки, и даже парусные яхты. Порой читать хуторская ре-

бятня училась именно здесь, считывая по слогам названия судов на подводных крыльях. Я и сама когда-то складывала здесь первые слоги. «Ра-ке-та», «Ко-ме-та», «Ме-те-ор», «Вос-ход» — всплывают в памяти названия судов крылатого донского флота. Сидишь, бывало, и смотришь, как вёсельные и моторные рыбацкие лодки уступают дорогу тихоходным большегрузам, а те отзываются короткими предупреждающими гудками. А ночью, если повезёт и не хватятся дома, здесь можно было увидеть и большой нарядный корабль, празднично переливающийся разноцветными габаритными огнями... Сидишь на речном ветерке и смотришь, как вторят этим огням вдоль глубокого фарватера красные и зелёные маячки на плавучих буйках...

С тех пор у меня возник интерес к творчеству Игоря Растеряева.

Молодой поэт — один из тех, чьи товарищи лежат нынче на деревенских погостах. Один из тех, чьи ровесники уходили «под пули прямо, не сутулясь, / Превращаясь в слёзы, превращаясь в гордость, / В синие таблички деревенских улиц». Он один из тех поэтов, кто задаёт сегодня обществу непростые вопросы, заставляет думать и размышлять, искать ответы.

Игорь Растеряев — поэт-гражданин. Его гражданственность строится на твёрдом убеждении в личной ответственности каждого в том, что происходит, и, может быть, поэта в особенности:

*Друг мой, медный колокол, нету мне покоя,
На Земле так многим одиноко жить.
Нам сыграть суметь бы что-нибудь такое,
Чтобы нашим звоном всех объединить.*

*Чтоб стоять могла
в бескрайнем русском поле
Колоколья, как маяк,
Чтоб людские души плакали и пели,
Так же, как поёт моя!*

«Звонарь»

Кто-то, поразившись дисгармонии окружающего мира, открывшегося в произведениях поэта, небрежному ритму строк, импровизационности его стихов, подумает: пишет вульгарно. Но мы знаем примеры из русской классической литературы, когда «при всём своём вульгарном словаре и сюжете» в стихотворных произведениях происходило «преображение низменного в святое»¹.

Другие скажут: рифма плохая. Но и поэты-классики порой допускали небрежность рифмовки и стилистическую свободу. «Есть иная живопись, где самое главное — колорит, а до линии почти дела нет...»² — писал А.К.Толстой в письме к приятелю. Эта сознательная небрежность рифмовки создаёт впечатление непринуждённого разговора с читателем или слушателем, придаёт стихам молодого поэта правдивость и искренность.

Игорь Растеряев остро чувствует время, в которое живёт:

*Ходики идут, на столе — вино.
Солнца луч стучит в закрытое окно.
Я пока что трезв, а вчера был пьян:
Философия одна — старенький диван.*

«Ходики»

За строками стихов молодого поэта видится и конкретный опыт жизни, и озвученный крик души, и долгие раздумья автора. Сюжет стихотворения «Ходики» — история современного Обломова «с похмельной дрожью», душевно опустошённого, уставшего от жизни, забывшего, утратившего «за понюх табаку», как сказал В.М.Шукшин, «наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания».

Если проследить, как развивается тема родины в поэзии Растеряева, то можно увидеть те характерные образы, в которых воплощается патриотическая идея его творчества. Именно для него, своего современника, для которого «чёрная ночь, белый день — страх и лень», воскрешает поэт характеры общенационального значения и звучания. Это образы святого Ильи Муромца, русских богатырей, Ивана Сусанина, Ермака, защитников блокадного Ленинграда, «обычного солдата Сталинграда, / Расстрелянного в решето»:

*Январь сорок третьего года.
Бомбёжка. Метель. Сталинград.
Несутся в Германию письма
Замёрзших немецких солдат...*

*Они сумасшедшие просто!
Такого нету нигде!
Стреляешь — а он, как апостол,
В атаку идёт по воде.*

«Курган»

Этими образами он проверяет себя, сегоднешнего, нынешнее поколение молодых, настраивает читателя на серьёзные размышления, утверждая личную ответственность каждого человека за судьбу страны:

*Не кукуй, кукушка! Помолчи, давай!
Подмигни с иконы, отец Николай!
Но не оправдаться мне в твоих глазах!
Правы только стрелки в стареньких часах.*

«Ходики»

В стихах И.Растеряева обращает на себя внимание животворная связь с фольклорной стихией. Следуя поэтическим традициям древнерусской литературы, поэт даёт нам необыкновенно волнующие, одухотворённые образы родной природы, любящей своих детей, заботящейся о них, защищающей их с давних времён и до наших дней. «Подпекает степной ветерок» богатырям («Богатыри»). Солдатам Первой мировой «всё поёт... про Хопёр, Медведицу и Дон» соловей («Рожок»). Обескровленный отряд уходит от врагов по «плачущей земле». Помогает воину дорога: «Вытри слёзы, отдохни немного, я русская дорога, / Отходи, а я тебя прикрою...» Лютые морозы «на выручку спешат» обессиленным бойцам («Русская дорога»). На деревенском погосте, где лежат ровесники поэта, сегоднешние мальчишки, «тёплый ветерок скачет изумлённо, / Синие кресты помня поимённо...» («Ромашки»). Солнечный луч не светит, не заглядывает, не просится, а «стучит в закрытое окно» лирического героя, для которого «свобода стала, как тюрьма» («Ходики»).

«Ермак» — одно из стихотворений Игоря Растеряева, объединённых темой Родины. Горьки раздумья лирического героя, приехавшего на малую родину и увидевшего запустение своего хутора:

*Тут когда-то был наш хуторок,
А теперь бугорки да сачочки,
А теперь перекрестье дорог,
В горизонт уходящих до точки...*

*Я стою у иссохшей реки:
Ни воды, ни лягушек, ни рыбки.
Где народ, что рубил в две руки,
Взял Сибирь и дошёл до Аляски?*

Из самого сердца исторгается крик героя, ощущающего родственную, кровную близость со своей разорённой землёй, а в памяти всплывают строки другого автора, так же мучительно переживавшего разор русских деревень:

*Стоял, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края...*
Н.Рубцов. «Во время грозы»

Как после тяжёлой битвы выглядит вымерший пейзаж родимой земли. Всё безжизненно:

*Я смотрю на терновый кусток,
На осину, что между сачочками.
То не терн, то терновый венок
И осинный кол с листочками.*

*Я поставил на Родине крест —
Пусть стоит здесь, как наваждение,
Как финальный аккорд этих мест,
Как пародия возрождения.*

«Ермак»

Многозначная метафора «Я поставил на Родине крест» — это и настоящий рукотворный крест всем родным, всем землякам, жившим когда-то здесь, а теперь оставшимся только в памяти героя; это и опознавательный знак того места, где стояла когда-то родная деревня; и страшный приговор: не возрождаться никогда уже больше родному хутору.

Стихотворение «Ермак» так же, как и стихотворения «Русская дорога», «Георгиевская ленточка», «Богатыри», «Курган», «Рожок», продолжает рубцовскую традицию видений. «Кресты, кресты... / Я больше не могу!» — скажет с невыразимой болью народный поэт в стихотворении «Видения на холме».

Красной нитью через всё стихотворение «Ермак» проходит мысль-крик: «Где народ?»

*Где все те, кто в бескрайнем бою
До Китая Россию раздвинули?
Почему я сегодня стою
Здесь один, без земли и без имени?*

Где те времена, когда «весь мир смотрел, как у Камчатских скал / Тихий Дон впадал в Тихий океан»? Декларации поэта обращены и к тем, кто уже не раз покушался на нашу землю, политую кровью своих воинов-предков, которые «руку ставили рубкой хвороста». Его мысль выражена порою резко и обострённо, она будит национальные чувства, грозно спрашивая с иноплемеников: «Как-то ты недобро шуришься, браток, / Отдавай-ка быстро островок!» («Ермак»). Как грозное предупреждение и как пророчество звучат строки поэта:

*Пусть ругают нас из западных столиц —
Нам на них плевать, нас не взять на понт:
У России нет никаких границ —
У России есть только горизонт!*

Думы поэта и о том, кто останется на родимой земле: на вольной Медведице, на Тихом Дону! Обезлюдит земля, уйдут из родных мест потомки Ермака, придут другие... Уже пришли:

Вот уж видно их вдалеке,
Чёрный главарь по-звериному щерится.
Что ты позабыл на реке,
Что называется вольной Медведицей?!
«Казачья песня»

А мы не пашем, не сеем, не защищаем, не дорожим, потому что наша «жизнь идёт из перекрестков, / Тамбуров и каламбулов» («Ходики»); потому что родной земля становится только тогда, по словам Анны Ахматовой, когда мы «ложимся в неё и становимся ею, оттого и зовём так свободно — своею» («Родная земля»).

Яркой образностью и глубоко личным ощущением темы («Но я прекрасно помню и без лент / Как бабка не выбрасывала крошки») пронизано стихотворение «Георгиевская ленточка». Просто и естественно связывает поэт памятные военные лихолетья с сегодняшним днём. Он слышит голоса павших в недавних сражениях бойцов, тени которых «по ночам тебе поют / Как будто просят и хотят чего-то: “Откопай меня, браток, я Вершинин Саня, / Пятый миномётный полк, сам я из Рязани...”»

*Откопай меня скорей, умоляю снова.
Я Моршанников Сергей, родом из-под Пскова.
Адресок мой передай в родную сторону:
Восемнадцатый квадрат, чёрная воронка.*

Павшие вызывают к живущим, ждут воскресения словом, поскольку только они, считает поэт, могут сегодня пробудить в потомках русское самосознание. Перечитывая поэзию Игоря Растеряева, слушая его песни, осознаёшь, что ни один его текст не лишён гражданского чувства, пушкинской любви «к отеческим грабам», напротив, это чувство поразительно усиливается с каждым его стихотворением. Необычайный по характеру и силе эмоционального воздействия сюжет дороги в стихотворении «Русская дорога» созвучен блоковскому пониманию сущности судьбы России, русского пути («И вечный бой, покой нам только снится...»):

*По плачущей земле, не чуя сапогов,
Наш обескровленный отряд уходит от врагов,
Питаюсь на ходу щавелевым листом,
Ночуя в буераке под калиновым кустом.*

Да, больше слёз наша история знала, чем радости. Да, много крови пролили, потому что врагам всегда нужна была не только наша территория, им нужно было сломить русский дух. Калиновый куст не только символ горькой судьбы, которую России суждено испытать до дна, но ещё и символ пограничной заставы духа. В русских сказках богатыри, бьющиеся у калинова моста, перерождались, преобразовались, становясь взрослыми воинами и защитниками Руси-матушки от тёмного мира, из которого чудовища да змеи многоглавые на Русь идут. Это стихотворение продолжает разговор и о природе русского духа, загадочной Руси, которая «веками непонятна чужеземным мудрецам» (стих. М.Ножкина «Я люблю тебя, Россия»):

Запомните загадочный тактический приём:
Когда мы отступаем,
Это мы вперед идём!
Вместе с холодами и лесами,
Вперед — Сусанин.

Образ дороги, пронизывающий всё стихотворение, приобретает метафорический смысл и перекликается с тютчевским «Умом Россию не понять...». Здесь чувствуется и зинovieвское: «А мы встали на колени помолиться пред боем» (Н.Зинovieв, стих. «Как ликует за граница»).

Как здорово сказано: «Это мы вперёд идём!» Откуда, почему такая уверенность? Да потому, что во все времена, когда враг пытался, по словам М.Ножкина, «душу русскую убить» («Я люблю тебя, Россия»), когда, казалось, вроде бы всё потеряно: и в Смуту поляки засели в Кремле, и Москву в 1812 году французы сдали, и в сорок первом фашисты вплотную подошли к столице, — чудным образом земля Русская спасалась — то морозом, то болотом, то лесами, то явлением святых заступников, то Иваном Сусаниным, то Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским, то Суворовым и Кутузовым... Разве это не попечение Божьего Промысла о стране, о людях, которые в чрезвычайных ситуациях оказывались героями, способными на подвиг?

Эмоциональная пружина стихотворения заключена в движении мысли, сюжете, ритме стиха, в углублении поэтического подтекста, в смысловой насыщенности строки:

*Нам отдохнуть нельзя — бегом, бегом, бегом,
А наши якобы друзья засели за бугром.
И смотря, как нас бьют, не отрывая глаз,
И только длинные дороги полностью за нас!*

Эта эмоциональная пружина торопит мысль, подталкивает её к завершению и разрешается в кульминационных строках: «Просто нам завещана от Бога Русская Дорога...»

В стихотворении «Богатыри» ощутим определённый налёт иронии и даже куража:

*Разлетаются чёрные вороны,
Уползают в леса упыри:
Это мы едем — русские воины,
Называют нас Богатыри.*

*Богатырство не мерится возрастом,
Дело в силушке и кураже,
Вон Илюха из Муромской области
К нам призвался, за 30 уже.*

Но в сознании читателя ирония и кураж постепенно снимаются и устраняется возможность упрощённого понимания слов, зовущих читателя возвратиться к своим истокам:

*Нам вернуться б к Анюткам, да к Олечкам,
Да к родному котлу кислых щей.*

Этот кураж есть во многих стихотворениях Игоря Растеряева, в том числе и в стихотворении «Весна». Есть в нём какая-то надежда, что будет, обязательно будет весна и «на нашей улице»:

Солнце, грязь, воробы, распутица,
Кот орёт на гараже.
Я шатаюсь по мокрым улицам
На весеннем кураже.

*Прямо с юга да на проталину
Журавлиный клин пришёл.
Но поёт он не про Италию,
А как дома хорошо.*

Извечные, дорогие русскому человеку символы, наполненные глубоким духовным смыслом, неизменно сопровождают персонажей произведений Игоря Растеряева: пастиший рожок, калиновый куст, камень в поле с указанием трёх дорог, караван гусей, колокольня, медный колокол, Мамаев курган, журавлиный клин, русская гармошечка.

Знаю, что когда-нибудь сюда будут добавлены и растеряевские синие таблички деревенских улиц 1980-х...

*Но пора настанет, верю без оглядки,
И в огромной книге летоисчисления
В год восьмидесятый лягут, как закладки,
Синие таблички — символ поколения.*

*Прокричат таблички нам открытым текстом:
«Надо жить достойно! Надо жить не пошло!»
Всё, что было Юркой, всё, что было детством,
С этого момента сразу стало прошлым...
«Про Юру Прищепного»*

Игорь Растеряев. Это имя! Его сценический образ настолько слился с ним, что многие в России его так и воспринимают, как обыкновенного недалёкого деревенского паренька, гармониста-самоучку, то ли блаженного на деревне, то ли дурачка-балагура с гармошкой в руках. Это говорит о силе таланта артиста театра и кино, о его вживании в этот образ. А вот о том, что он провидчески почувствовал, выбрал сейчас этот образ, уже особый разговор. Это его гражданская позиция. В то время, как многие ищут и придумывают себе предков-дворян, он становится сыном разрушенной деревни, сыном своего народа.

И этот образ позволяет ему порой индифферентно, порой прямо в лоб говорить такие слова, которые очень нужны нам сегодня. Его песни вызывают к совести, будят национальное самосознание, говорят о трагедии русского народа, забывшего свои национальные корни... А что возьмёшь с дурачка? Пока разберутся, о чём поёт дурачок, глядишь, целое поколение очнётся. Молюсь за парня, зная участь в России настоящих поэтов: Господи, хоть бы пожил!

ПРИЛОЖЕНИЯ

- 1 БЛОК А.А. Стихотворения. Поэма: Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Авт.-сост. С.В.Ломтев А.В.Терновский. — М.: Дрофа, 2000. — С. 68.
- 2 ЛЕБЕДЕВ Ю.В. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. Базовый и профил. уровни. В 2 ч. — Ч. 2. — М.: Просвещение, 2009. — С. 194.

СИГОВ Владимир Константинович —

профессор МПГУ,

ЛОМИЛИНА Нина Ивановна —

учитель школы № 1415, Москва

literush@mail.ru

РАССУЖДЕНИЕ О СОЧИНЕНИИ

Аннотация. В статье говорится о роли сочинения в школьном литературном образовании, о подходах к формулировкам тем сочинений для выпускных экзаменов, предлагаются рекомендации для подготовки к сочинениям.

Ключевые слова: отечественная, мировая практика, основа сочинения, художественное произведение, литературная тема, свободная тема, характер формулировок тем сочинений.

Abstract. The article discusses the role of literary works in the school education and the approach to the naming the themes of the final essay. Guidance to how to prepare for the essay is given.

Keywords: national and international practice, foundation of essay, fiction, literary theme, free theme, themes for essays.

В последние годы Министерство образования и науки РФ сосредоточило внимание на стандартизации форм контроля. Это коснулось и литературы. Но контрольные измерительные материалы для этого предмета в форме тестов со временем убедили всех в том, что без использования творческих заданий проверить истинное владение материалом, уровень литературного развития учащихся невозможно.

В настоящее время в КИМах всё большее место занимают задания для проверки способности выпускников творчески мыслить, используя приобретённые знания, умения создать письменный текст, высказать своё мнение. Тесты последнего поколения — переходный этап на пути к проверочным заданиям по литературе и к сочинению, в полной мере соответствующим специфике предмета, потому что проверка информированности не может быть важнее развития способности к самостоятельному речевому поведению.

Владение письменной речью определяет готовность выпускника к достойному проявлению себя в любой сфере социальной деятельности. В этом нас убеждает практика литературного образования в классических гимназиях и советской школе (с 1930-х годов, когда российское образование занимало достойное место в мире). Президент США Д.Кеннеди, осмысливая в начале 1960-х годов причины, по которым СССР вырвался вперёд в научно-техническом отношении, констатировал: «Мы проиграли русским за школьной партой».

Какие тогда писали сочинения в школе, какого объёма, на какие темы, авторы настоящей статьи помнят не только по фильму «Доживём до понедельника», но и по собственному школьному опыту. Писали не менее двух сочинений в месяц. Это была работа по литературе и русскому языку. Сочинение всегда было первым, наиболее торжественным и важным событием школьных выпускных экзаменов, задавало тон. Выпускники старались показать знания, нередко раскрывали тему на двенадцати школьных страницах. Сочинение писали и при поступлении во все вузы страны, гуманитарные и технические. В перечне тем обязательно были литературные, которые раскрывались на материале художественных произведений, а при написании сочинений на свободные темы приветствовалась аргументация с использованием художественных произведений. Об этом вре-

мени российского образования не стоит забывать современным молодым педагогам.

Мировая практика также доказывает незаменимость сочинения и как формы обучения письменной речи, и как формы контроля результатов учения. Не случайно древнейшая образовательная система мира — китайская, трансформируясь и видоизменяясь на протяжении тысячелетий, неизменными сохраняла два принципа: равноправное участие в государственном экзамене всех сословий и написание сочинения, что позволяло людям занимать государственные и управленческие должности. Сочинение на литературную, общественную, философскую, этическую тему являлось основной, иногда единственной экзаменационной формой.

Сочинение — это творческая работа. Развёрнутое письменное высказывание на основе художественного произведения всегда свидетельствует о развитости ума и чувств выпускника. Владение речью, умение написать текст, логически построенный, убедительно аргументированный, и в эпоху научно-технического прогресса пригодится в любой профессии. Именно поэтому сочинение вновь занимает присущее ему место важнейшего вида школьной работы при изучении литературы, русского языка, контроля знаний учащихся.

Уделим внимание экспериментальному аттестационному сочинению 2014 года. Согласно постановлениям и распоряжениям, инициированным Президентом РФ, сочинение становится одной из форм промежуточной аттестации в основной школе и итоговой — в профильной. Оценивая это, безусловно, положительно, отметим некоторые, на наш взгляд, неудавшиеся моменты с целью их устранения и определения возможных направлений улучшения этой работы.

В первых рекомендациях, касающихся сочинения в 10 классе, не понятна суть тезиса: «При написании сочинения-рассуждения, выражающего личностную позицию ученика по общественно значимым вопросам, темы сочинения указываются в рекомендациях Учредителя и объявляются в день проведения сочинения». Главное семантическое наполнение приведенного тезиса связано с формулированием и объявлением тем — об этом свидетельствует форма предложения. Получается, что эта информация касается только «сочинения-рассуждения, выражающего личностную позицию ученика по общественно-значимым вопросам» и

выглядит как дополнительная. Возникает вопрос: а как быть с сочинениями, написанными не в форме рассуждения, что вполне возможно, или работами, выражающими устоявшуюся в литературоведении точку зрения на художественное произведение, без стремления удивить мир своим взглядом на отношения хотя бы героев «Евгения Онегина»? Ведь и в сочинении такого типа может раскрыться творческий потенциал выпускника, продемонстрировано отличное владение материалом.

Сочинение-рассуждение, по замыслу авторов рекомендаций, позволит проконтролировать:

— «умение создавать тексты на русском языке»;

— степень «личностной и социальной зрелости» десятиклассников;

— приобщение «учащихся к ценностям национальной и мировой культуры». Указывается также, что сочинение-рассуждение «стимулирует творческий подход к применению результатов освоения основной образовательной программы...».

Очевидно, что рекомендации оставляют собственно литературу как учебный предмет едва ли не на задворках. Наверное, всё-таки проверять результаты освоения основной программы — задача первоочередная, а не прикладная. Демонстрировать широту кругозора предлагалось почти совершенно без учёта основного изученного материала. Это продолжено в описании критериев оценки сочинения: «Соответствие орфографическим, пунктуационным, грамматическим и речевым нормам, соответствие теме, полнота раскрытия темы, фактическая точность, умение аргументировать, связность текста, композиционное оформление, личностная позиция. Если сочинение предполагает самостоятельное формулирование темы учащимся, то оценивается также оригинальность формулировки и творческий подход...»

Почему при оценке сочинения по литературе сначала названо владение языком, письменной речью? При должном внимании к грамотности речи основной или, по крайней мере, равнозначной должна быть оценка качества размышления, связанного с литературным материалом.

В том виде, в каком предложено аттестационное сочинение, оно не было напрямую связано не только с литературой, но вообще ни с одним школьным предметом. Конечно, важно,

что была предоставлена возможность рассуждать по разным вопросам, но всё-таки нужна более прямая связь с предметом рассуждений. Раньше ведь тоже была так называемая свободная тема, за неё брались шустрые, небесталанные, но с ленцой ученики-метапредметники, общими словами, «болтологией» прикрывающие свои недостаточные знания литературного материала.

Мы убеждены, что будут найдены и правильно сформулированы цели, задачи, содержание и форма аттестационного и итогового выпускного сочинения, которые будут соответствовать целям, задачам литературного образования, требованиям к уровню подготовки выпускников по предмету, обозначенным в стандарте.

В «Рекомендациях...» следует говорить не об «отправной точке раскрытия темы», а о возможных формулировках тем. Во всех пунктах этого раздела, кроме первого, ни слова не говорится о литературном материале, который может или должен использоваться при их разработке.

Предлагаются лишь абстрактные рассуждения по поводу различных проблем современной жизни, возможно с привлечением литературного материала.

Рассмотрим и другие позиции «Рекомендаций...».

«Конкретные темы сочинений размещаются на официальном сайте образовательной организации и доводятся до сведения учащихся в день написания сочинения...» В советские времена 3—5 тем экзаменационного сочинения ученики узнавали непосредственно перед экзаменом. В ходе образовательных реформ предлагалось максимальное число заранее известных возможных тем, из перечня которых несколько оказывалось в экзаменационном пакете. Пожалуй, последний вариант наиболее приемлем.

«Во время работы над сочинением обучающиеся имеют возможность использовать тексты художественных произведений, словари на бумажных носителях, а также ресурсы сети Интернет...» С этим пунктом связано предоставляемое учащимся право набирать сочинение на компьютере. Но раз он под рукой, то можно зайти в Интернет. Идея же набора, а не написания сочинения спорна, как и поиск информации непосредственно в ходе работы. Современные дети не будут писать, если есть возможность печатать. Да и учителям проверять такие работы легче. Однако давно доказано положительное воздействие ручной моторики на формирование интеллекта. При манипуляциях мышкой оно минимальное. Пусть наши школьники напишут экзаменационную работу, проверят цитаты по текстам художественных произведений, заглянут в словари. Интернет же лучше использовать на стадии обучения, но не в ходе экзамена. Напечатанными могут быть рефераты, учебные исследования и проекты, подготовленные в ходе обучения.

В «Рекомендациях...» предлагается вариант оценки сочинений по 100-балльной системе. В критериях оценки высшего уровня сказано: «В написании сочинения видна самостоятельность и личная позиция...»

И опять эта пресловутая «личная позиция». Мы с вами бунтарей и революционеров готовим? Молодости и без того не занимать бун-

тарства, амбиций, желания всё сделать по-своему и перевернуть мир. Это естественное проявление творческого начала, присущего каждому молодому человеку, оно обнаруживает себя и без дополнительных настойчивых требований. В названных критериях не хватает (и именно на первом месте) требования отличного знания текста художественного произведения и необходимых для раскрытия темы дополнительных источников и материалов. Наш взгляд, это обозначено недостаточно чётко: «Сочинение полностью соответствует сформулированной теме. Обучающийся раскрыл тему сочинения в историческом или (если это предполагает тема сочинения) в контексте творчества писателя (поэта), убедительно доказал свою точку зрения. Тема раскрыта широко. В тексте сочинения представлены 2—3 цитаты, убедительно подтверждающие точку зрения экзаменуемого. Сочинение выстроено логично и последовательно. В работе обоснованно использованы теоретико-литературные и научные понятия, терминология, ошибки в их применении отсутствуют...»

Из шести тем сочинения для промежуточной аттестации в 10 классе в апреле 2014 года только одна предполагала использование литературного материала: «Книга, без которой я был бы совсем другим». Впрочем, книга — понятие широкое, она не всегда художественное произведение.

Повторим ещё раз: мы поддерживаем введение сочинения в качестве промежуточной аттестационной формы. Эклектизм и недостаточная целенаправленность комплекта сочинений апреля 2014 года легко корректируется. Надо отметить, что в направлениях и формулировках комплекта тем для декабря 2014 года в 11 классах реализуется идея опоры письменной работы на литературный материал в разработке любой темы.

Считаем, что необходимо использовать накопленный в отечественной практике опыт подхода к формулированию тем сочинений, его объём и времени написания. В ходе экзамена разрешить пользоваться текстами художественных произведений, привлекаемых для раскрытия темы, всеми типами лингвистических словарей.

Подготовка к сочинению (рекомендации для учителя и учащихся)

Стратегическая, долговременная подготовка

В её основании лежит чтение и изучение программных художественных произведений, литературно-критических работ, материала учебника, учебных пособий, дидактических материалов, выявление в содержании литературного образования философских, нравственно-этических, экологических вопросов.

Важно помнить, что учёба — это нелёгкий труд, требующий терпения, настойчивости. Нужно понять, что вдумчивое, целостное прочтение художественного произведения интересно, может приносить удовольствие, и тогда его освоение станет полным и эффективным.

Чтение произведений сочетается с анализом и интерпретацией (истолкованием смысла прочитанного). Определяются тема (тематика), проблема (проблематика), идея произведения и средства её выражения. Следует определить

место произведения в творчестве писателя, в литературном процессе, связь с произведениями других писателей, близких по форме и содержанию. Выясняется отражение в произведении эпохи его создания, значение для современников писателя и читателей наших дней.

Читая произведение в процессе анализа, будем учить школьников выписывать имена героев, составлять краткие их характеристики, выявлять проблемы, поднимаемые писателем, и его авторскую позицию, отмечать, какую роль играют портрет героя, его речь и поступки, пейзаж, интерьер, изобразительно-выразительные средства языка и речи. Нужно понимать, что экранизации, театральные постановки эпических и драматургических произведений не могут в полной мере передать художественный мир произведения искусства слова, так как это другие виды искусства, у них другие средства изображения. Литературное произведение интерпретируется режиссёром-постановщиком не всегда в соответствии с позицией писателя, создавшего его.

Нельзя готовиться к экзамену по готовым сборникам сочинений.

Чтение учебной обязательной и дополнительной литературы предполагает составление планов, тезисов, конспектов глав учебника, литературно-критических, литературоведческих работ.

Экспресс-подготовка

Для написания сочинения на экзамене необходима и целенаправленная подготовка непосредственно перед ним. Важно научиться понимать формулировку темы, она может содержать прямое и однозначное указание на художественное произведение, на основании которого она должна быть раскрыта. Тема может предполагать самостоятельный выбор учащимся художественного произведения для раскрытия проблемы или теоретико-литературного понятия и его роли в произведении. Нужно внимательно вчитываться в формулировку, находить ключевые слова и раскрывать связанные с ними вопросы и проблемы.

Работа с текстом произведения во время экзамена

Текст по-настоящему может быть полезен ученику на экзамене только в том случае, если он хорошо его знает. Нельзя впервые прочитать и освоить текст в этой ситуации. Главная задача — подобрать цитаты и примеры (указать на конкретный эпизод, поступок и др.). Не стоит приводить слишком большие цитаты. Надо быть внимательным при их переписывании.

Поэтическая строфа в кавычки не заключается (если цитата приводится в строчку, она заключается в кавычки, начало каждой стихотворной строки пишется с большой буквы). Точно указываются названия стихотворных произведений (или они даются по первой строчке с отточиями в конце: «Я вас любил: любовь ещё, быть может...»). Цитаты из литературно-критических статей приводятся только в том случае, если ученик помнит их дословно, тогда ставится имя автора статьи и название произведения. Но можно передать мысль в косвенной речи. На экзамене следует пользоваться словарями.

ПОДГРУШНЯЯ Ольга Станиславовна —

учитель высшей категории ГБОУ СОШ № 1912 г. Москвы, аспирант кафедры филологического образования
Московского института открытого образования
podgrushnyaya.olga@yandex.ru

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ БОРИСА БАЛТЕРА «ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ!» НА УРОКАХ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Аннотация. В статье рассказывается об уроке по повести Бориса Балтера «До свидания, мальчики!»; осмысливая повесть, старшеклассники проводят историко-литературное исследование, посвящённое эпохе 1930-х годов и проблематике произведения.

Ключевые слова: Борис Балтер, повесть «До свидания, мальчики!»; лирическая проза; Крым, детство и юность у моря, последнее лето детства; «юноши сталинского поколения» (М.Светлов), Великая Отечественная война; тема патриотизма, дружбы, любви.

Abstract. The article tells about the lesson based on the novel "Good bye, boys!" by Boris Balter. Comprehending the story, the high school students conduct historical and literary research on the era of the 1930s.

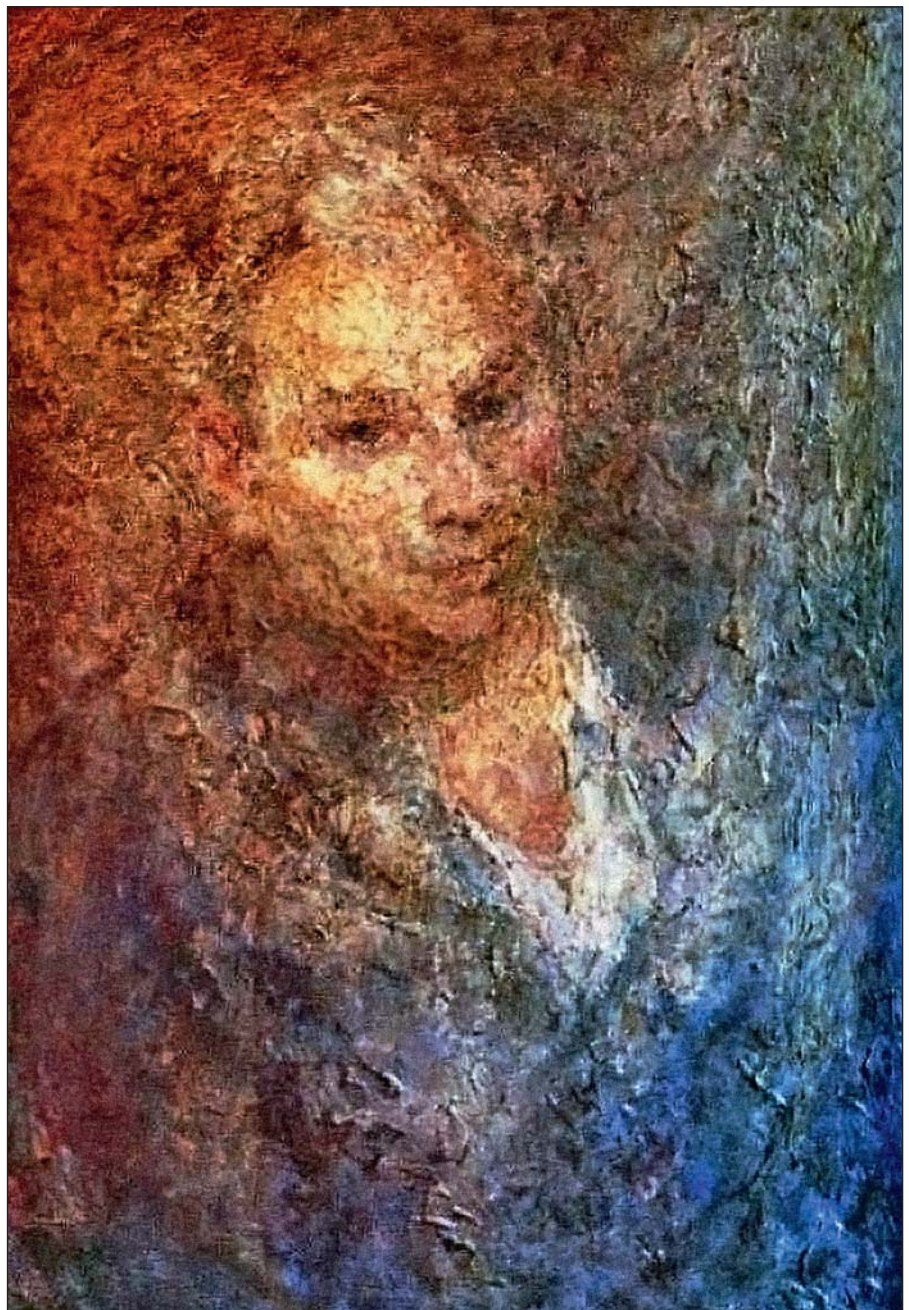
Keywords: Boris Balter, the novel "Goodbye, boys!", lyrical prose, Crimea, childhood and youth by the sea, the last summer of childhood, The youth of "steel generation", (M.Svetlov), Great Patriotic War, patriotic theme, friendship, love.

Крым... Его возвращение в Россию в 2014 году стало важнейшим событием XXI века, повлиявшим на судьбы людей всей нашей страны. Для нашего народа Крым последние 60 лет оставался одной из самых важных тем потому, что все мы, безрассудно, безответственно разделённые, всегда надеялись на воссоединение. События, произошедшие весной 2014 года, продемонстрировали всему миру истинную преданность крымчан своей Родине, их целеустремлённость, высокую нравственность, бескорыстие. Крым преподал величайший урок патриотизма. Как важно воспитать и сохранить у молодого поколения качества, присущие их дедам и родителям: любовь к родному краю и своей Родине, преданность и верность Отчизне, гордость за свой народ, отстаивавший свободу и независимость Родины в годы Великой Отечественной войны!

Кто бывал в Крыму, знают: там не любят высоких пафосных фраз о любви к Родине, не проводят фальшивых патриотических кампаний. Любовь к Родине начинается здесь с семьи, дома, скверика около него, родной школы, друзей детства, моря — с малой родины, которая незаметно сливается с любовью к большой. Истоки нашего отношения к Родине тоже в любви к родительскому дому, малой родине, именно эти начала формируют у россиян стремление своим трудом послужить Отечеству, приумножить его силу и благосостояние. Мы один народ, у нас единые нравственные ценности.

Книги в немалой степени формируют нравственные убеждения каждого поколения. Как становятся героями, откуда берётся осознанное желание служить Отечеству — на эти вопросы могут ответить книги. В них — примеры истинного товарищества, дружбы, мужества, отваги, любви, благородства.

Обращение к прозе **Бориса Балтера** (1919—1974) позволяет современному школьнику увидеть трепетное отношение художника слова к малой и большой родине, дружбе, любви.

Б.Г.Биргер (1923—2001). Портрет Б.Балтера

Чтобы полнее представить современным учащимся личность и творчество Б.И.Балтера — прозаика, сценариста, собирателя фольклора — один урок посвятим рассказу о его жизни и краткому обзору творчества: произведениям «Первые дни» — о начале войны, «Степной курган» и «О чём молчат камни» — о прошлом хакасского народа.

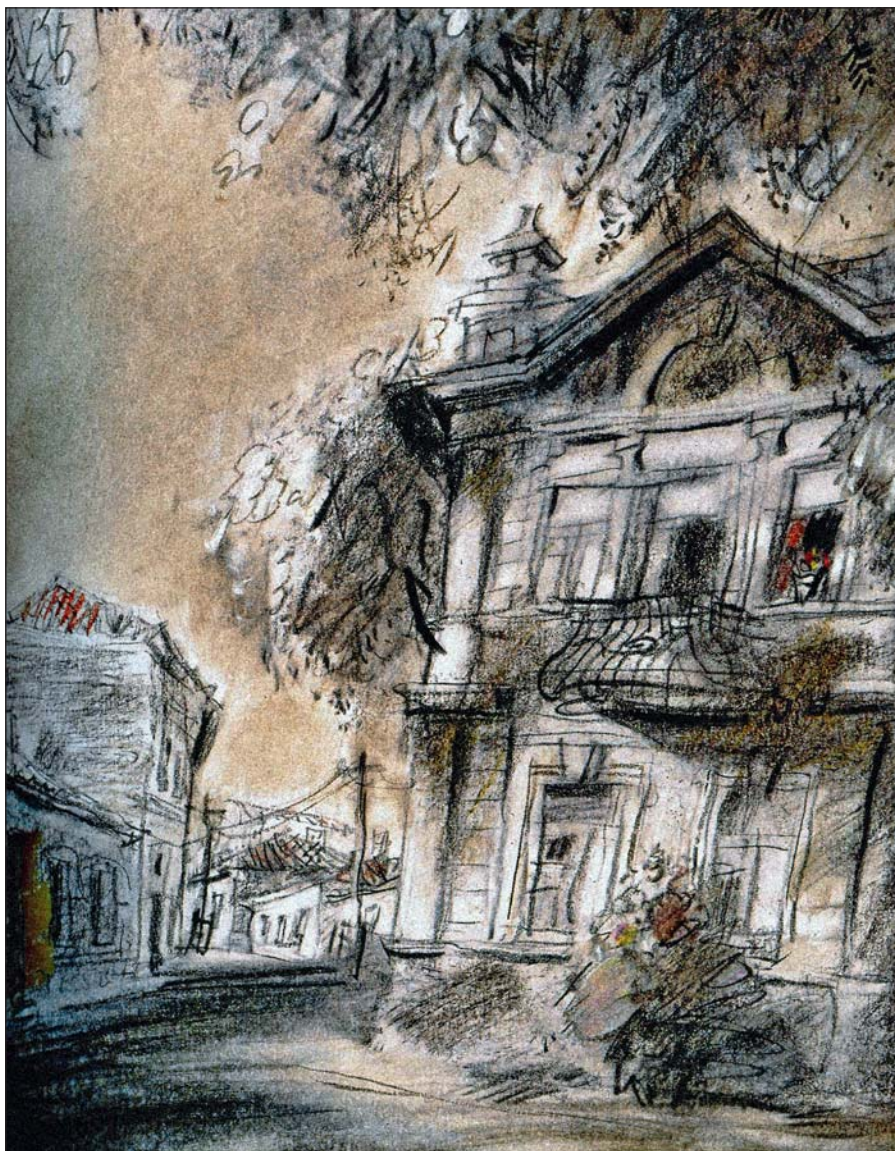
Судьба писателя драматична. Он родился 6 июля 1919 года в Самарканде (Узбекистан), куда семья переехала из Киева. Вот как нарисовал он весьма колоритный портрет своего отца: «Мой отец был замечательным человеком. Голубоглазый гигант с пшеничного цвета усами. В Русско-японскую войну он был артиллеристом. Когда перебили всю оружейную прислугу, он один повернул пушку и прямой наводкой расстрелял атакующих японцев. За мужество и отвагу отец был награждён солдатскими Георгиевскими крестами — высшая воинская награда в русской армии... Отец спас от погрома маму и всю её многочисленную родню. В благодарность она вышла за него замуж, будучи моложе на тридцать лет».

Вы почувствовали отношение сына к отцу? Какое оно и как проявилось?

Гордость отцом проявилась в открытой оценке (замечательный человек), в портрете (голубоглазый гигант, пшеничного цвета усы), в кратком рассказе о его подвиге в Русско-японскую войну (один повернул пушку на врага) и награде за него (солдатский Георгиевский крест — высшая воинская награда) и в сообщении о спасении мамы и её родственников.

С 1931 года Борис жил в Орехове Запорожской области, затем в Евпатории, где окончил школу (ныне гимназия № 4 им. И.Сельвинского), которая расположена на улице Ф.А.Бартенева, выдающегося учителя математики, много лет преподававшего в этом учебном заведении. После окончания школы в 1936 году Борис Балтер был направлен в Ленинградское, затем Киевское военное училище. Офицером он участвовал в советско-финляндской и Великой Отечественной войнах. В 1942 году под Ново-Ржевом, когда его 357-я стрелковая дивизия попала в окружение, был тяжело ранен. В 1945—1946 годах Балтер — слушатель Военной академии им. М.В.Фрунзе (уволен по болезни). С 1948 по 1953 год он учился в Литературном институте им. М.Горького, где занимался в семинаре Константина Паустовского, с которым сохранил дружеские отношения. Своему наставнику, Константину Георгиевичу Паустовскому, Балтер посвятил своё лучшее произведение «До свидания, мальчики!».

С 1953 года Балтер на протяжении нескольких лет руководил литературным отделом Хакасского НИИ языка, литературы и истории в Абакане. Итогом глубокого изучения истории и фольклора хакасов стали изданные в его переводе и литературной обработке «Хакасские народные сказки» и «Поющий чайхан» (1955—1958). Балтеру принадлежала инициатива издания сборни-

Н.Дудченко. Илл. к повести Б.Балтера «До свидания, мальчики!». 2009

ка «Тарусские страницы», выпущенного Паустовским в 1961 году и ставшего заметным событием в литературной жизни страны. Только после смерти писателя, в 1991 году, была опубликована пьеса Балтера «А у нас во дворе» и рассказы «Открытие» и «Неожиданный день».

Балтер предвидел свой ранний уход из жизни, он прожил всего 55 лет. В повести «До свидания, мальчики!» он устами героя говорит о себе: «Сейчас мне за сорок. У меня седые волосы и большое сердце. С моей болезнью люди не живут больше десяти лет. От меня это скрывают, но я всё знаю. По ночам я слышу, как спотыкается сердце. Когда-нибудь, споткнувшись, оно остановится навсегда...» Наверное, сердце его устало от жизненных испытаний, от войны...

Главное произведение Балтера — в небольшой степени автобиографическая повесть «Трое из одного города» (1961), позднее переработанная в «До свидания, мальчики!» (1962), названием её стала строка из песни Булата Окуджавы. В этой повести Балтер рассказывает о последних школьных днях трёх юношей в июне 1936 года в небольшом

крымском городе. Рассказ ведётся от первого лица, рассказчик оценивает происходящие события с высоты своего жизненного опыта. Опубликованная в журнале «Юность» (№ 8—9, 1962), повесть покорила сердца миллионов людей. Через год повесть вышла отдельной книгой. Она была переведена на многие языки и издана во многих странах.

В 1964 году Борис Балтер в соавторстве с В.Токаревым написал по мотивам своей повести «До свидания, мальчики!» пьесу. Она с большим успехом шла во многих театрах СССР. Фильм «До свидания, мальчики!» (реж. Михаил Калик, муз. Микаэла Таривердиева) снимался в Евпатории. Он вышел на экраны в 1964 году.

В связи с эмиграцией режиссёра в 1970-х годах в Израиль показ фильма был запрещён в Советском Союзе.

В прозе писателя звучит его взволнованный голос, ярко проявляется авторская позиция, художественно отражён процесс формирования мировоззрения советского человека середины XX столетия. Критики отмечали в творчестве Балтера черты сходства с прозой В.П.Катаева, К.Г.Паустовского.

О чём это нам говорит?

О высоком художественном уровне его прозы, о мастерстве, об эмоциональности его произведений.

Судьбу Балтера называют драматической. Что, по вашему мнению, даёт повод для такой оценки?..

Лирическая повесть Бориса Балтера «До свидания, мальчики!», которой отводится 1—2 урока, помогает понять характер автора-повествователя и его героев, характер времени, в котором они росли и мужали. Учителю-словеснику и его ученикам предстоит интересный разговор о поколении, вступающем в жизнь накануне Второй мировой войны, об исторической составляющей предвоенной эпохи, о юности, какой она была и какой предстаёт в сравнении с современной. Автор настойчиво ищет ответы на философские вопросы своего времени (1930—1950-х годов), но отвечает своим произведением и на наши, острые и злободневные. Эта книга ценна ещё и тем, что она, светлая, жизнеутверждающая, овеянная грустью воспоминаний, дорога многим крымчанам, особенно — евпаторийцам, и нам, вошедшим в XXI век, потому что каждое новое поколение мечтает о любви, ценит настоящую дружбу и хочет оставить добрый след на земле.

Попросим старшеклассников, объединившихся в небольшие группы, подготовить аннотацию к книге (лат. *annotatio* — замечание — краткая характеристика содержания книги, статьи и др.). Отмечаем две составляющие аннотации — ёмкая, в нескольких предложениях, передача главного в содержании и краткая оценка. После обсуждения различных вариантов совместно составляем общий: *повесть Бориса Балтера — это проникновенное, лирическое повествование о дружбе шестерых евпаторийцев, трёх девушек и трёх юношей, в середине тридцатых годов XX века окончивших школу, делающих жизненный выбор, об их дружбе и любви. Она и об истории нашего Отечества, о судьбе отцов и детей, о нравственной сути поколения, почти со школьной скамьи шагнувшего в войну.*

Писатель не скрывает своих взглядов и чувств, искренних, глубоких, что делает его повесть интересной и для современного читателя.

Особенностью лирической повести является стремление писателя выразить собственный взгляд на время, в которое ему выпало жить, показать характерные черты «юношей стального поколения» (М.Светлов) через призму личностного восприятия.

На этом этапе работы даём ученикам представление о *лирической повести* (или вспоминаем суть этого термина, если представление сформировано раньше). В «Словаре литературоведческих терминов» предлагается такое определение *лирической прозы*: «Лирическая проза является прозаической разновидностью лиро-эпического жанра. В произведениях этого типа лирический герой становится структурным центром всей композиции, которая представляет со-

бой цепь непосредственных переживаний этого героя» [5: с. 197].

В Википедии читаем: «Лирическая проза — разновидность лиро-эпического жанра, проза с ослабленной фабулой, повышенно-эмоциональным строем речи, преобладающим авторским «я», вплоть до интонаций авторской исповеди. В произведениях этого жанра личное, субъективное начало выступает основной художественного воплощения действительности. Композиционные формы лирической прозы: эпистолярная, дневниковая, автобиографическая, путешествие, эссе. Известны произведения в этом жанре И.А.Бунина, К.Г.Паустовского, В.А.Солоухина, А. де Сент-Экзюпери».

Выделяем характерные черты *лирической прозы*:

— *преобладание авторского «я», исповедальность;*

— *черты и лирического, и эпического изображения жизни, которые в своём единстве образуют новое, своеобразное видение мира. Писатель стремится выразить собственный взгляд на мир, людей, свои переживания через призму личностного восприятия. Поэтому лирическая проза сохраняет повышенную эмоциональность лирики, но глубоко и многогранно рассматривает внешний мир через внутренние переживания героя;*

— *отсутствие законченного, ясно выраженного сюжета.* (На эту особенность лирической прозы обращает внимание и Э.Бальбуров: «В лирической прозе, где разговора значительно больше, чем действия, а фигура повествователя заслоняет собой всех остальных героев, отыскать то, что принято называть сюжетом, не так-то просто» [2: с. 88].)

Все эти свойства лирической прозы мы увидим, анализируя повесть Балтера и размышляя о ней. Учащиеся делятся на четыре группы и получают задания для исследовательской работы:

1. *Приморский город на страницах повести и его роль в жизни героев.*
2. *Каким предстаёт поколение, к которому принадлежал автор, и каким оно видится из нашего времени?*
3. *Время, изображённое в повести Балтера.*
4. *Лиризм и трагизм повести «До свидания, мальчики!».*

Целью исследовательской работы старшеклассников является рассмотрение проблематики произведения, процесс духовного становления будущих лейтенантов, своеобразие повествования.

Предоставив учащимся необходимое время для работы, заслушаем представителей каждой группы. *Первая* отмечает:

— Повествование в повести Балтера ведётся от первого лица, и это даёт возможность передать любовь к родному городу, в котором много солнца и много моря. События повести происходят в Евпатории. Многие названия улиц, парков, скверов, санаториев сохранились и сегодня, поэтому книга Балтера становится путеводителем по краси-

вейшему и древнейшему городу. Его главные герои безгранично любят свой город, а самый начитанный, остроумный Сашка Кригер цитирует стихи В.Маяковского и Э.Багрицкого о Евпатории.

Есть желающие продолжить и дополнить рассказ о городе, каким он предстаёт под пером Балтера.

— На страницах «До свидания, мальчики!» возникает город с золотым от солнца песком пляжа, «первым в мире». С наступлением тепла город «менял своё лицо, делался шумным, нарядным, весёлым» от многочисленных курортников, для которых создавались все условия. Родной город исхожен героями вдоль и поперёк. Вместе с ними мы видим корабли, отражающиеся на чёрной воде, огни в море и на берегу, попадаем в Старый и Новый город, Пересыпь, на Базарную улицу и Приморский бульвар с военными морями и патрулём, на концерт в курзал, где песок заменял пол, а «над головой проступало млечное небо с бледными звёздами... Когда гас земной свет, небо становилось бархатно-чёрным и звёзды на нём мерцали». Это город, пропитанный запахами: «весной пахло акацией и сиренью, летом — левкоями и табаком и всегда морем». Повествователь — уверен, что из тысячи городов узнал бы наш город по запаху».

Он говорит о себе и своих друзьях, что они не подозревали, что жизнь города с детства оказывала на них «свое влияние», но именно так и было. «Я любил наш город... — признаётся лирический герой и понимает, за что. — И днём и ночью он отдавал себя, свои пляжи и парки, свои дома и стёртые плиты тротуаров, своё солнце и тёплую прохладу моря тысячам людей... Я любил его и знал его душу, потому что сам был частью этой души». Город со своим лицом, живой душой, город-труженик, отдающий себя людям, навсегда остаётся в сердце героя. Через годы он пронёс любовь к нему и благодарность: «Он живёт в моём сердце и памяти... Всеми хорошему, что сохранилось во мне, я обязан ему, городу моей юности, самому лучшему из городов. Ему я обязан тем, что навсегда понял: нельзя быть человеком и оставаться равнодушным к судьбе страны, в которой родился и живёшь, так же как нельзя безразлично относиться к любимой женщине и тем, кто пулю, предназначенную тебе, перехватил своим сердцем».

Вторая группа рисует портрет поколения, каким оно предстаёт перед читателями и к которому писатель сам принадлежал. Как и первая группа, члены второй делают это порознь:

— Это произведение о последнем летнем месяце детства трёх евпаторийских мальчишек — Володи Белова, Саши Кригера и Вити Аникина — и их друзей. 1936 год... Они заканчивают школу. Это радостное и грустное событие, потому что предстоит разлука с любимым городом, в то же время впереди — счастливое ожидание взрослой жизни, в которой их ждёт серьёзная военная служба и радость любви.

С одной стороны, перед нами обычные ребята, в чём-то похожие на нас, теперешних. Последнее лето детства героев наполнено стремлением побыстрее повзрослеть, а признаки взрослости, как им представляется, в умении выпить и закурить. Эпизод, когда они проверяют себя, комичен: курить они не умеют, но разыгрывают из себя знатоков табака; употребление вина приводит их в замешательство; поход в парикмахерскую, чтобы впервые побриться, тоже становится экзаменом. Интересно, что Инка воспринимает все перемены в Володе с восторгом: от него, как от настоящего мужчины, пахнет табаком и вином! Радость взросления для них намного важнее самой взрослости.

У героев повести, как и у многих мальчишек в переходном возрасте, есть «враги». Это жестящик, парикмахер Тартаковский и торговец вином Попандопуло. Когда Попандопуло отказывается повторно обслужить подвыпивших ребят, Володя Белов обвиняет его в нарушении правил торговли: «Это тебе не собственный ресторан, а государственная служба. Забыл, да? Забыл? Я ещё не кончил говорить, а Попандопуло уже нацекивал кувшин». Эта лёгкая победа над когда-то влиятельным человеком становится для Володи своеобразным уроком совести: *«Почти у каждого в жизни случается такое, что тяжело бывает вспомнить, — подытоживает он. — В жизни моей было не так уж много грехов, и в общем-то я не боюсь ворошить прожитые годы. Но когда я вспоминаю пособачьи печальные глаза Попандопуло, мне становится не по себе»*.

В памяти Володи Белова остаётся и побеждённый в поединке настоящий враг. «Как кошмар», Белова преследует взгляд немецкого ефрейтора, убитого им в январе 1942 года: *«Он почему-то не падал, только шатался и всё хотел вскинуть свой автомат и смотрел мне в лицо нечеловеческими глазами. После каждого выстрела из его спины вместе с клочками шинели вылетали струйки пара»*. Такая страшная натуралистическая сцена...

Эпизоды моральной победы над Попандопуло и физической над немецким ефрейтором не случайно поставлены рядом. Детский и взрослый подвиги объединяет тяжёлый результат. Выросший на солнечном, мирном морском побережье, Белов настроен на такое же восприятие мира, в котором не должно быть места боли и несчастью.

Каждый из героев повести Балтера готовится «стать в жизни значительным человеком».

Алёша (это секретарь городской комсомольской организации) назвал их «лучшими из лучших». Ребята уверены, что в них «нуждается партия и государство». Стремление служить Родине — главное в этом поколении. Повествование в произведении ведётся от лица Володи Белова, сорокалетнего мужчины, прошедшего войну. Глубинное течение повести несёт в себе трагизм Великой Отечественной войны и её последствий в судьбе главных героев. Финал повести трагичен: Во-

лодя Белов теряет всех близких ему людей: маму, Инку, Витьку Аникина (погиб под Новоржевом в 1941 году), Сашу Кригера (репрессирован, скончался в 1952 году). Об этом всего одна фраза, но она наполнена болью, которая не оставляет героя и через года.

С другой стороны, 1936 год — это канун сталинских репрессий, Второй мировой войны. Поэтому повествователь и читатель вслед за ним, глядя на героев повести уже из послевоенного будущего, чувствуют тень обречённости, которая незримо ложится на мечты и романтические представления трёх мальчиков и их школьных друзей. Володя представляется Инке молодым лейтенантом, который будет встречать её на вокзале с цветами. Катя мечтает стать врачом при военной части: «Во время войны кого-нибудь из вас обязательно ранят, а я буду лечить». Героическая тема Великой Отечественной войны пронизывает всю повесть, вынося на первый план основные нравственные проблемы произведения — истинной дружбы, товарищества, патриотизма, верности идеалам юности.

Повесть Балтера не потеряла актуальности, она и о них, и о нас. Мы одинаково взрослеем, хотим побыстрее во взрослую жизнь. Писатель сумел создать такое произведение, которое было интересно и тогда, и сейчас.

Представители этой группы, высоко оценив выступление, хотят его дополнить:

— Нас это поколение поразило, вызвало уважение, в чём-то даже хорошую зависть. «Я часто говорю “мы”, — объясняет Володя, — потому что я, Витька и Сашка одновременно были и очень разными и очень похожими друг на друга». И это так.

Дружба их очень крепкая и бескорыстная. Все отлично учились, не считая Инки, но к ней «прикомандировали» Витьку, друга Володи. Все хотят оставить в жизни заметный след. Все «обладали какими-то талантами». Они умные, но и умеющие работать не только головой: *«В школе у нас были хорошие мастерские. Две яхты, сработанные нашими руками, ходили в Севастополь и Ялту. С наших ладоней круглый год не сходили моли, жёлтые и твёрдые, как ракушечник»*. Они заняты с утра до вечера и всё делают с удовольствием и радостью: *«В нашей школе работали кружки... стрелковый и парусный. Мы, конечно, занимались в обоих и гордились своими успехами: они помогали утвердить наше мужское самосознание»*. Они даже свободное время проводят по-своему: читают стихи, устраивают импровизированные концерты на парадной лестнице санатория, поют. *«И хотя все мы жили в разных концах города, — это не мешало нам каждый день после школы проводить вместе... вместе мы чувствовали себя свободной и проще»*.

Мы не видим их ноющими и недовольными. Они не терпят лжи. Жестящик с его двойной жизнью вызывает у них ненависть.

Они не терпят несправедливости. Подлый Шкура заслуживает наказания, но лежащего его не бьют:

«Я сказал Шкуре:

— Вставай! Я тебя трогать не буду! Один на один подерёшься.

Шкура не хотел вставать...

— Лежачего будете бить? Лежачего? — спрашивал он.

Витька не мог бить лежачего и заплакал. Он стоял над Шкурой и плакал. Я увёл Витьку...»

Эти ребята всегда чувствуют локоть друзей, даже если они не вместе, они всегда придут на помощь. Их не надо об этом просить: когда Володя, поехавший перед расставанием проводить Инку в колхоз, опаздывает к отправке, они в шторм выходят в море, чтобы этого не случилось.

У каждого из них свои планы на будущее, «обдуманые вместе с родителями. Я, например, — говорит главный герой, — собирался стать геологом... Сашка Кригер должен был пойти в медицинский институт, потому что врачом был его отец. Витька Аникин хотел стать учителем: при Витькином терпении и доброте лучшую профессию трудно было придумать».

Но им, как лучшим, предлагают военное училище. «Речь идёт о большой чести, — объясняет им секретарь горкома комсомола Алёша Перевозцев, — о великом доверии, которая партия и комсомол готовы оказать вам, мальчишкам, ещё не сдавшим экзамены за среднюю школу»: *«Алёша назвал нас “лучшими из лучших”, в нас нуждались партия и государство. Даже мы, привыкшие к похвалам, такого не ожидали... Мне никогда не приходилось принимать такое важное решение...*

— Предположим, я скажу “да”. Приду домой, а мои папа и мама скажут “нет”?.. — это сказал Сашка...

— Какой же ты комсомолец, если не умеешь убедить родителей?

— Я говорю “да”, — сказал Сашка. — А моих родителей мы будем убеждать вместе. Алёша посмотрел на меня, я сказал:

— Согласен.

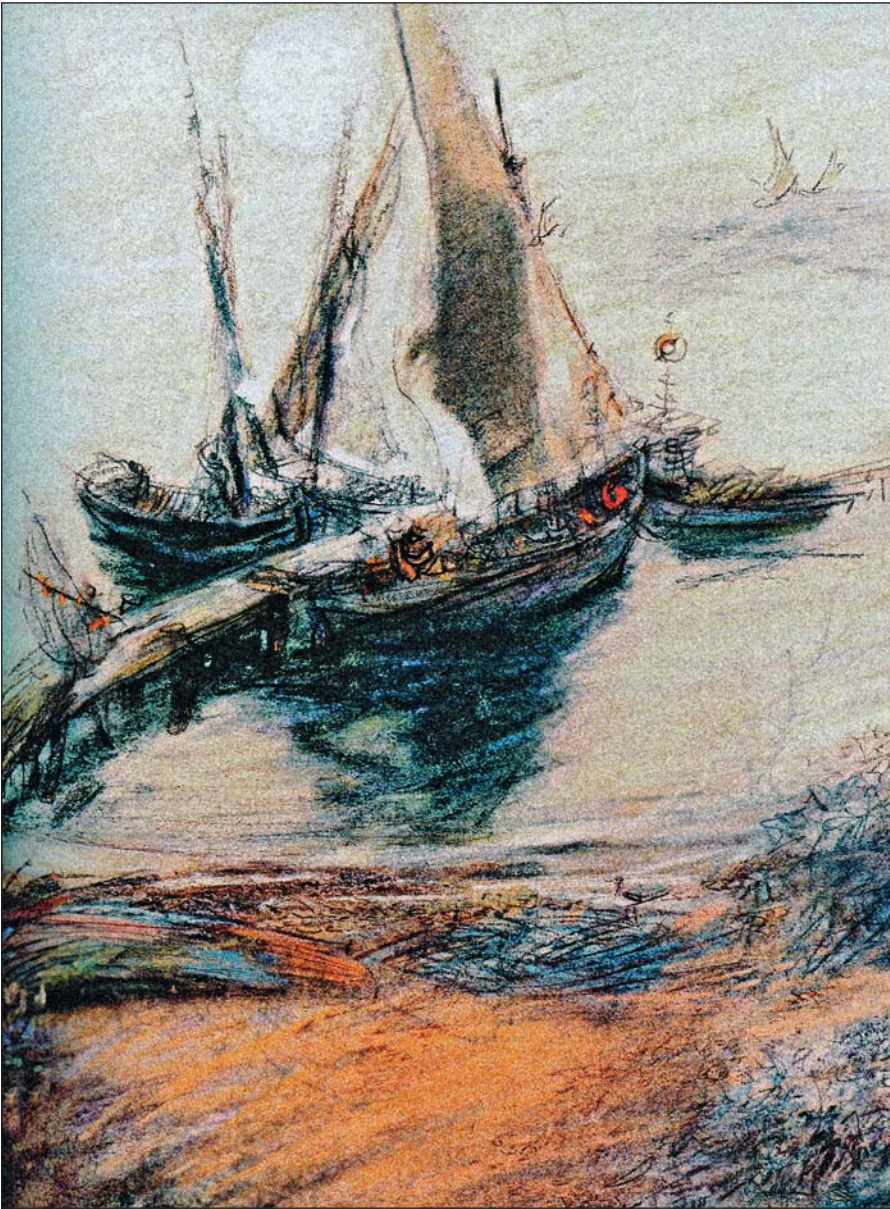
— Твоё слово, Аникин, — сказал Алёша.

Витька покраснел. И на лбу его выступили капли пота.

— Я тоже согласен, — сказал Витька».

Ребята несколько не жалеют о своём решении, уверены, что помогут стране завершить техническое перевооружение армии: «Никаких сомнений не было: будущее армии — это мы».

Всё говорит об этом поколении такое признание героя: *«Утром я проснулся с тревожным ощущением перемены в своей судьбе. Все устраивалось, но не так, как мне хотелось. Потом, в армии, мне часто приходилось приносить личные желания в жертву требованиям службы. Это постепенно вошло в привычку. Мне со временем стало нравиться подчинять свою жизнь присяге и долгу: каждый раз при этом я острее чувствовал свою нужность и значительность. Когда через много лет я был уволен из армии и спросил полковника, в чьё распоряжение меня отправляют, полковник ответил: в ваше собственное. Ничего страшнее этих слов я не слышал»*.

Н.Дудченко. Илл. к повести Б.Балтера «До свидания, мальчики!». 2009

Кажется, что легче жить не по собственной воле, а по чужим указаниям. Но здесь не тот случай. Это не жертва собой, как кто-то подумает. Это осознанный выбор поколения. Свою «нужность и значительность» они видят в служении там, где в этот час ты более всего нужен Родине. И служат достойно, без громких слов.

На наш взгляд, поколение 1930-х, каким его показал Балтер, сильнее чувствовало связь со своей страной, дружба их была прочнее, надёжнее, без самовлюблённости и эгоизма... Может быть, сильнее и возвышеннее была в их время и любовь...

Предоставляем слово третьей группе, осмысливающей время в повести Балтера.

— С высоты своей сорокалетней жизни, в которой было уже две войны, герой повести вспоминает время своей юности — середины 1930-х годов. Этому времени молодости, надежд, поиска идеала, осмысления жизни посвящена, по сути, вся повесть. Но из него проглядывает и будущее, которое тоже входит в воспоминания и тоже становится про-

шлым: совсем скорое начало войны; летом приморский город видел, как «на открытый рейд приходила из Севастополя эскадра. Она приходила неожиданно: утром в море, напротив пляжей, стояли корабли, которых накануне не было. Целый месяц в море слышались орудийные раскаты, похожие на отдалённый гром. По воскресеньям город заполняли белые форменки моряков. И город отдавал им всё лучшее, что у него было».

Катя, как и её любимый Саша, хочет стать врачом, чтобы во время войны, «когда кого-нибудь из вас обязательно ранят», лечить.

Мы понимаем, что не зря в школу на встречу со старшеклассниками приезжал командующий Черноморской эскадрой, почему лучших выпускников агитируют поступать в военное училище. В газетной статье «Подвиг молодых патриотов» героя смущает слово «подвиг»: «По мнению автора статьи, наш подвиг заключался в том, что мы, как и молодые строители Комсомольска, отказывались от спокойной и удобной жизни и по зову партии и комсомола шли туда, где были

нужней. По совести говоря, я ни от чего не отказывался. Просто поступить в училище мне казалось заманчивей. Но, наверное, комсомольцы первой пятилетки чувствовали то же самое».

Мама спрашивает сына, который принял решение стать не геологом, как мечтал, а военным («первый раз в жизни я по-настоящему нужен комсомолу»):

«— Надеюсь, ты понимаешь, что происходит в мире?..

— Конечно, понимаю. Я же сам делаю политинформации, — сказал я».

В повесть входит и время революции и Гражданской войны. Оно связано с судьбой родных Володи и жителями приморского города. Мечтая о будущем, он был уверен, что для него «уготованы все радости жизни: ради моего счастья мама отбывала ссылку, а Серёжа (муж сестры) убивал и был сам дважды ранен в Гражданскую войну». Серёжа стал для Володи примером: «Я полюбил Серёжу прежде, чем он стал мужем Нины. В восемнадцать лет он уже командовал эскадрой, а за бой под Оренбургом его наградили орденом Красного Знамени. Потом он учился на рабфаке, кончил Профакадемию и уехал в Заполярье строить новый город... Для меня Серёжа был героем прочитанных книг». Серёжа — геолог и любит своё дело, он отказался от работы секретаря горкома партии нового заполярного города, за что его осудила Володина мама, потому что «партия считала нужным использовать» его на этой работе. «Товарищи из крайкома ошибались, — отвечает он на это. — Секретарём горкома выбрали другого инженера. Инженер он неважный. Зато организатор каких поискать. При нём за год сделали столько, что за пять лет не сделать».

Володя гордился мамой, её известностью в городе, «гордился тем, что она вступила в партию ещё до революции, сидела в царской тюрьме и даже отбывала ссылку». Она всегда много работала, несла множество общественных нагрузок, была депутатом городского Совета, организовала Дом санитарного просвещения и какое-то время заведовала им бесплатно, она гордилась этим своим детищем, но Серёжа жёстко говорит: «И никому не нужную ерунду можно делать с размахом».

Время, в которое живут герои, одновременно счастливое и противоречивое, вызывающее вопросы и раздумья... «Бригада Витькиного отца была первой стахановской бригадой в нашем городе... До этого в каждой бригаде один грузил лопатой тачки, а пятеро отвозили их на баркас. Пока грузилась тачка, простаивал тачечник, а когда тачку увозили, «загорал» лопаточник. В день рекорда в бригаде Витькиного отца на каждого человека было по две тачки: пока отвозили одну — другая нагружалась». Городская газета проводила дискуссию: можно ли считать такой труд стахановским? Ведь стахановское движение — это высокая механизация, а здесь — мускульный труд. «Лучше всех выступила моя мама. Она сказала: стахановский

труд — это не только механизация, а и хорошая организация производственных процессов. После этого большинство членов бюро решило признать бригаду Витькиного отца достойной высокого звания».

Загадкой для ребят был владелец собственной парикмахерской Тартаковский, служивший когда-то в бригаде Котовского. На видном месте в его заведении висела «Почётная грамота», выданная красному кавалеристу Тартаковскому «за мужество и высокую революционную сознательность в борьбе с сыпным тифом. За грамоту, подписанную Котовским, мы готовы были любить и уважать Тартаковского. Но, к сожалению, Тартаковский при всех своих революционных заслугах был позорной отрыжкой нэпа». Парикмахер задаёт ребятам вопрос, на который у них нет ответа: «Так скажите мне, зачем надо было стрелять полковников в семнадцатом году?» А не имея ответа, проще сказать: «...вы не понимаете азбучных истин».

Время осуждало Вертинского и Бабеля. Комсомольский секретарь Алёша призвал «охранять молодёжь от тлетворного влияния буржуазного декаданта, а проходя мимо его дома, мальчишки слышали с пластинки голос Вертинского».

Сашке завуч вручает на выпускном вечере книгу Бабеля, но при этом говорит: «Только понимая, что ты достаточно подготовлен, чтобы понять пороки этой книги, и что ты очень любишь этого талантливого, но чуждого нам по идеологии писателя, я согласилась, чтобы тебя премировали “Первой конной”».

И всё-таки этому времени поколение автора благодарно. Став взрослым, пройдя войны, он оценивает его и себя в нём довольно жёстко, но и признаёт его положительное влияние: «Разумный мир, единственно достойный человека, был воплощён в стране, где я родился и жил. Вся остальная планета ждала освобождения от человеческих страданий. Я считал, что миссия освободителей ляжет на плечи мои и моих сверстников. Я готовился и ждал, когда пройдёт мой час. В пределах этого представления о мире — я думал. Самые сложные явления жизни я сводил к упрощённому понятию добра и зла. Я жил, принимая упрощения за непреложные истины. У меня было много разных обязанностей — мелких и крупных, но я не чувствовал их тяготы: всё, что я делал, было для меня естественным, как дыхание».

Слушаем четвёртую группу.

— Лиризм входит в повесть Балтера прежде всего в рассказе о любимом городе и о любви. Балтеру удаётся глубоко, искренне передать все оттенки этого чувства, которое переполняет душу Володи Белова: без его Инки пустеет город, без неё в душе появляется «пустота, которую никем и ничем нельзя было заполнить». Его любовь к Инке становится важнейшей ценностью в жизни. В сознании Володи остался тот идеал взрослого мужчины, о котором говорила Инка: «В папином отряде есть лётчик. Он

каждое утро пьёт коньяк и душится после бритья “Красной маской”... Я буду поить тебя по утрам коньяком. Папиросы я тебе буду покупать тоже душистые...» Но уже в 1939 году на финском фронте, вспомнив любимую девушку («Где ты, Инка? С кем ты?»), Володя пьёт не коньяк, а водку, поминая своих погибших товарищей, а «Красной маской», запахом которого так ей нравился, он будет пользоваться каждый день, пока будут выпускать этот одеколон: «Всю жизнь я хотел быть похожим на того лётчика, которого никогда в глаза не видел. Это в память о тебе, Инка».

«— Инка, почему ты меня любишь?..

— Я не знаю. А ты почему?

Я тоже не знал. Этого, наверно, никто не знает. Но я хотел знать.

— Ты такая красивая, а я тебя всё время ругаю...

— Правда, красивая? — я почувствовал тепло Инкиной щеки у себя на плече.

— Очень красивая. На бульваре все на тебя оглядывались.

— Я знаю...

Я положил ладонь на Инкины пальцы: она по-прежнему сжимала мой локоть. Так мы шли и молчали и уже не знали, сколько времени шли. Я убирал руку, только когда мы проходили под фонарем, а потом снова брал Инкины пальцы, и они были такие нежные и тонкие, что мне становилось больно, когда я их сжимал».

В этом диалоге героев, как и в других, ни одной фальшивой фразы, все слова просты и искренни. Им и в молчании хорошо, потому что они любят. Володя не раз говорит: «Моя Инка». «Бесталанная», не отличница, мечтающая, чтобы всегда было лето, а она оставалась всегда красивой, радующаяся тому, что учиться в военном училище ему предстоит не пять, а только три года, она ему очень дорога, потому что «она была такой, какой была», его Инкой.

Повесть не случайно и кончается прощанием героев на вокзале:

«Пробило три звонка, и пассажиры бросились к вагонам. Мы прошли до второго тамбура. Я остался в тамбуре... За станцией горячий ветер ворвался в отворённую дверь. По глазам ударило море — густо-синее, в белых барашках. На пустой дороге я увидел маленькую фигурку, и на таком расстоянии не понять было, идёт она или стоит на месте. Я спустился на последнюю ступеньку и провис на поручнях. Ветер рвал на мне рубашку, близко под ногами пролетала назад земля.

— Инка, моя Инка!..»

Однако первая любовь закончится трагически: прощаясь с Инкой, Володя не знает, что они больше никогда не увидятся. Именно любовь будет вести героя через все грядущие испытания войной и через всю жизнь.

Так соединяются в повести лирическое и трагическое. «До свидания, мальчики!» — это не просто лирическая повесть писателя XX века, прошедшего всю Великую Отечественную войну, а его исповедь, сплав мыс-

лей, чувств, ощущений, воспоминаний, своеобразного дневника. Ни в одном слове писатель не допустил фальши, проза его проникновенная, тёплая, искренняя, чистая...

— Повесть называется «До свидания, мальчики!» Что стоит для вас за этим названием?

Вспоминаем песню Окуджавы, строка из которой стала названием книги:

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли,
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли за солдатом солдат...
До свидания, мальчики! Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.

Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите вы... И всё-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
Вместо свадеб — разлуки и дым!
Наши девочки платица белые
Раздарили сестрёнкам своим.
Сапоги... Ну куда от них денешься?
Да зелёные крылья погон...

Вы наплюйте на сплетников, девочки!
Мы сведём с ними счёты потом.

Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идёте войной наугад...
До свидания, девочки! Девочки,
Постарайтесь вернуться назад!

1958

В прощании «До свидания, мальчики!» звучит надежда на их возвращение. Но вернулся только один... «Будьте высокими...» значит будьте достойными. Такими они были, такими остались в памяти писателя и в памяти читателей, мальчики, умевшие любить, зачитывшие Родину...

Самый важный результат уроков по повести Балтера в признании одного из учеников:

«Повесть “До свидания, мальчики!” для меня — лучшая книга, которую я читал».

ЛИТЕРАТУРА

- БАЛТЕР Б. До свидания, мальчики! — М.: Советский писатель, 1965.
- БАЛЪБУРОВ Э. Поэтика лирической прозы. — Новосибирск: Наука, 1985.
- МАЯКОВСКИЙ В. Евпатория. — [Электронный ресурс] — URL: интернет-ресурс <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/m-stih414.html>
- МИРОНОВ А.В. Романтический реализм «юношей стального поколения» // Детская книга в системе патриотического воспитания. — Нижний Тагил, 2010.
- ЭЛЬЯШЕВИЧ А. О лирическом начале в прозе // Звезда. — 1961. — № 8.

РОСЛЯКОВА Лариса Никитична —

учитель русского языка и литературы, г. Набережные Челны
Larisa-Roslyarova@yandex.ru

ПОВЕСТЬ В. БЫКОВА «СТУЖА»

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

XI КЛАСС

Аннотация. В статье отражён опыт работы над повестью В. Быкова «Стужа» в выпускном классе.

Ключевые слова: «принцип окончательности», путь, законы войны, большевистская правда, крестьянская правда, круговорот, отцы и дети, нравственный выбор.

Abstract. The article reflected the experience of working on a V. Bykov's novel "The Cold" in the senior class.

Keywords: "principle of the end", way, laws of war, bolshevik's truth, peasant's truth, fathers and children, moral choice.

...Память назначена нам
как негасимый, опаляющий нас
самосуд или, лучше сказать,
самоказнь¹.
Ю. Трифонов

О чём мечтает одинокий путник, оказавшийся в предзимнем лесу? Конечно, о том, чтобы поскорее выйти к теплу, к людям. Но встреча с ними вовсе не гарантирует спасения, если идёт война и всюду фашисты. Так что же делать? Куда податься?

Эти вопросы не дают покоя Егору Азевичу, главному герою повести Василя Быкова «Стужа», действие которой происходит поздней осенью 1941 года в оккупированной Белоруссии. Однако мы так и не узнаем, чем закончатся странствия Егора. Писатель, всегда следовавший «принципу окончательности»², избегавший любой недоговорённости, недосказанности, оставляет своего героя в самый сложный момент его жизни. Чем же обусловлено такое решение?

Начнём с того, что отметим вехи пути, пройденного Азевичем с начала войны. Кадровый работник райкома партии, он был зачислен в партизанский отряд, который вскоре распался: «одни погибли, другие разбрелись кто куда»³, а комиссар Городилов умер от простуды.

Азевич, оказавшийся после его смерти в полном одиночестве, вынужден самостоятельно решать свою судьбу. Оставаться в лесу нельзя, а идти некуда. Нет у него ни родных, ни друзей. Пересечь линию фронта? Но никто не знает, где теперь фронт, вроде уже под Москвой. Пожалуй, самое разумное сейчас — найти временное пристанище, пережить, переждать, отогреться и подкрепиться. Только где отыскать такое пристанище бывшему райкомовцу, среди земляков которого немало обиженных советской властью?

Егор направляется к деревне Манянки, где жили несколько знакомых колхозников. Опасности подстерегают его на каждом шагу. Он вовремя догадался, что хозяин ближнего к лесу хутора, где собирался переночевать, решил сдать его немцам, и едва успел унести ноги. Бывший неслуживец Войтешенок накормил ужином, но отказал в ночлеге, и Азевич вновь оказался под открытым небом. За-

Василь Быков в годы Великой Отечественной войны

мёрзший, в ознобе, он не пережил бы стужи, если бы случайно его не нашла и не выходила добрая женщина.

А через неделю ещё не окрепший после болезни Егор опять собрался в дорогу. По отзвукам ночного боя он догадался, что совсем рядом действуют партизаны из соседнего района, с которыми он надеялся связаться через довоенных знакомых из Костюковки.

Но почему он не вспомнил об этих знакомых неделю назад, когда на случайно подвернувшейся повозке почти добрался до Костюковки?

Он разочаровался в «партизанстве» (с. 489). Среди проверенных большевистских кадров (отряд, где сражался Азевич, состоял из двадцати двух районных активистов) оказались предатели: начпрод Углов выдал немцам тайник с продовольствием, а братья Фишки перешли на службу в полицию.

Но если Азевич решил вернуться в Костюковку, значит, отношение его к «партизанству» изменилось. Так что же способствовало перемене? Обратимся к началу повести.

«Городилов скончался перед рассветом — затишье в холодном, продутом ветром шалаше» (с. 481).

Не странно ли, что автор привлекает наше внимание к смерти второстепенного персонажа? Ведь Городилов, бывший прокурор, а затем комиссар отряда, никогда не был другом Азевича и не пользовался авторитетом у партизан, раздражая их редкостным занудством.

Но он умер на руках у Азевича, и отношение к этому событию становится средством характеристики главного героя. Егор всю ночь возился с больным, кутал своей шинелью, а с утра выкопал могилу немецким штыком, перерубая корни деревьев и руками выгребая нарытое, взял на сохранение документы покойного. Затем «как можно бережнее... придерживая за плечи, уложил грузноватое тело на дно ямы» (с. 484).

Чем объяснить такие «крупные планы» в крошечном эпизоде?

Автор подчёркивает порядочность, человечность Азевича: он до конца выполняет свой долг перед покойным.

А через два дня после этого мы увидим совсем другого Азевича. Поздним вечером на лесной дороге он встретил женщину с двумя маленькими племянниками. Их родителей, местных учителей, расстреляли партизаны на глазах у детей за то, что отец малышей отказался убить своего квартиранта, немецкого офицера. Как воспринимает эту историю наш герой? Вновь вернёмся к тексту.

«Азевич сидел молча и думал. Но что он мог сделать, чем утешить этих ребят? Может, так было нужно, а может, и нет... Конечно, виновата война... ненависть и непримиримость, раздиравшие человеческие души... Но разве всё началось только с войной, разве до войны было не то же самое?.. Свои со своими начали воевать давно и делали это с немалым успехом... Теперь, услышав этот рассказ на ночной дороге, Азевич, в общем, понимал местечковых учителей, их тревогу за малышей. Наверно, любовь к ним, а не желание услужить немцам вынудило их возразить партизанам. А партизаны поубивали и тех и других. Чтoб не ломать голову, не разбираться. Разберёмся, мол, после войны...» (с. 557).

Кажется, Егора совсем не трогает эта трагедия. Во всяком случае, он ни словом, ни жестом не выдаёт своих чувств.

Так как же совместить его глубокую порядочность по отношению к Городилову с

равнодушием к несчастным малышам? Откуда это странное сомнение в очевидном, словно ему до сих пор неясно, является ли убийство злодейством? И что это за война своих со своими, начавшаяся ещё до прихода фашистов? Уточним возраст героя.

К началу коллективизации ему девятнадцать, следовательно, он 1909—1910 года рождения. Участвовать в Гражданской не мог, однако о войне своих со своими знает не понаслышке. Нам предстоит уяснить, какие события он имеет в виду.

А теперь подумаем, как связаны размышления Азевича об осиротевших детях с его воспоминаниями о расстреле человека, обнаруженного в расположении их отряда.

Задержанный дядька говорил, что оказался в этих местах случайно, разыскивая заблудившуюся кобылу. Партизаны стали решать его судьбу: «Оно, может, и правда — искал кобылу... А может, и нет. Может, набрёл преднамеренно, по заданию немцев, и теперь выдает и стоянку, и группу. Но как проверить?» (с. 491—492).

Проверить невозможно, и командир отдаёт приказ: «Всё ясно. Горейко, сполняйте!» Партизану Горейко не надо было приказывать дважды, тот всё понял с первого слова...» (с. 492). Вскоре у болота раздался два выстрела, затем появился Горейко и молча сел на своё место. Потом по приказу командира все пошли завтракать, избегая, однако, смотреть друг другу в глаза.

Что здесь поражает?

Будничность убийства. Только что без суда и следствия расстреляли человека и пошли завтракать как ни в чём не бывало. И никто не потребовал объяснений от командира.

Приказы командира не обсуждаются. Это закон войны. Витковский — совестливый человек, ему трудно произнести слово «расстрелять». Но он не может рисковать судьбой отряда, а доказать невиновность подозреваемого в данных обстоятельствах невозможно. Каждый заподозренный в предательстве обречён.

Азевич понимает, что за тревогой партизан таится страх оказаться мишенью для своих, повторить судьбу убитого дядьки, потому он воспринимает трагедию осиротевших детей как рядовой эпизод войны своих со своими. Законы войны всеисильны. Но вводные слова, которыми насыщены размышления Егора, говорят о сомнении в этом выводе.

На чём же основаны его сомнения? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно заглянуть в его прошлое. Вспомним важнейшие события в жизни Азевича до прихода фашистов.

Егор вырос в деревеньке с поэтическим названием Липовка, он стал единственным из её жителей, кто вышел в люди, то есть пробился в начальники. Начинать исполкомовским кучером, а стал инструктором райкома комсомола, затем перешёл в исполком, позже в райком партии. Но взлёт по служебной лестнице сопровождался чередой предательств: он лишает поддержки свою семью, бросает любимую девушку Настючку, увлечённый активисткой Полиной Пташкиной, подписывает

донос на председателя исполкома, молчаливо соглашается с несправедливым арестом квартирного хозяина Исака, оставляет свою невесту Анелю после ареста её отца, обвинённого во вредительстве, и в довершение всего обрекает на голодную смерть мать.

Что же подтолкнуло незлобивого Азевича к этим преступлениям?

Ответ подскажут его воспоминания о прошлом. Точка отсчёта — вечер накануне Крещения, когда Егор навсегда покинул родной дом. Ему, девятнадцатилетнему комсомольцу, поручили отвезти в район председателя исполкома Зарубу, который в тот же вечер предложил деревенскому пареньку должность кучера. Азевич даже много лет спустя считал это предложение счастливым случаем, перевернувшим всю его жизнь. Между тем решение Зарубы предопределялось мнением человека, хорошо знавшего отца Егора. «Честной человек, трудяга» (с. 507), — отзывался об Азевиче-старшем приятель Зарубы, учитель Артём Андреевич Пстыга, к которому они заехали по пути в район. Устаревшее «честной» означает «почтенный, уважаемый». Такое признание во все времена считалось лучшей рекомендацией, гарантией порядочности.

Мог ли опытный Заруба предположить, что станет жертвой доноса своего кучера?

Итак, случилось невероятное: сын честного отца погубил человека, которого уважал и которому никогда не причинил бы зла по своей воле. Однако злополучный донос был подписан им, «считай, через принуждение» (с. 607).

Выходит, у Егора была возможность оправдаться, но он почему-то не использовал её, хотя хорошо знал автора доноса — ту самую Полину Пташкину, после боевых выступлений которой у молодёжи горели глаза. Почему он не использовал эту возможность?

Вздыхавший по ней Азевич не питал надежд на взаимность, но Полина подарила ему почти новую будённовку. Значит, он нравился девушке. А во время одной из поездок

она пришла к нему ночью и призналась в любви.

Через несколько минут после долгих поцелуев сообщила Азевичу, что Заруба и Пстыга — скрытые враги советской власти. Егор не мог в это поверить, но и не поверить тоже не мог: наверное, Полина что-то знала.

Следующее свидание стало последним. Не было ни нежных слов, ни поцелуев. Полина непременно хотела знать, о чём говорил Заруба с Пстыгой в свой последний приезд.

Азевич дорожил доверием начальника, от которого не раз слышал резкие высказывания в адрес советской власти, но девушке не отказал, решил сказать о самом, на его взгляд, безобидном: они говорили про какого-то Жилуновича, что «неправильно из партии исключили...» (с. 549). Надо немедленно написать об услышанном! Но когда Егор отказался, сделала это сама, протянула листок и велела подписать. Полина угрожала арестом за то, что он покрывает врагов. Потом сменила тон и попросила подписать ради их любви. И Егор сдался. После её ухода «он остался стоять в полном смятении, совершенно сбитый с толку, едва начиная понимать, что произошло. Лишь спустя какое-то время понял, что произошло скверное. Сам, может, и уберётся, но Заруба... Наверно, он погубил Зарубу» (с. 551).

Как можно озаглавить этот эпизод?

Первое столкновение Азевича с законами войны со своими.

Какой вывод сделал он для себя?

Под подозрение может попасть любой, достаточно одного неосторожного слова. Значит, нужно контролировать и слова, и мысли.

А какую роль играют вводные слова в конце отрывка?

Они таят надежду Егора на оправдание своего поступка, и эту надежду подкрепляет Полина: «Ну что тебя ещё смущает?» — «Да всё, нехорошо так». — «Нехорошо? Зато по-

большевистски. Ты это понимаешь или нет?» (с. 550). Егор пока не понимал. Но верил, что со временем обязательно разберётся. Ведь существует высшая справедливость — большевистская правда, которая объяснит скрытый смысл его поступка.

Значит, если бы не Полина, не было бы и доноса, но Азевич словно забывает об этом. А ведь путь к разгадке Полины был подсказан ей самой на следующий день после ареста Зарубы: Егору предложили должность инструктора райкома комсомола.

«Это ты помогла?» — спросил он. «Я», — сказала она прямо. «За то, что тогда подписал?» — «Нет. За то, что будёновку надел...» (с. 565).

О чём же хотела напомнить Полина перед расставанием? Восстановим ход событий, предшествовавших её подарку.

Оказывается, к этой истории причастен начальник ГПУ Милован, в отличие от других руководителей носивший будёновку. Однажды он вызвал Азевича к себе и стал расспрашивать о Зарубе. Егор, стеной стоявший за своего начальника, отвечал нарочито туманно, с паузами, но невольно задержал взгляд на новенькой будёновке Милована. Тот, заметив это: «Что, нравится будёновка? То-то! Не всем полагается. Надо заслужить» (с. 533).

После этого разговора Полина, посмеявшись над старой шапкой Азевича, вручила ему будёновку. Теперь Егор не сомневался, что Полина влюблена в него, хотя в их первую ночь она говорила не только о своих чувствах: «Стать настоящим большевиком — это непросто. Надо заслужить... Я вот из мещан, у меня родители в Бога верили. А вот заслужила. Приняли в ВКП(б), кандидатом правда. Но примут в члены, куда не денутся» (с. 543—544).

Фразу: «Надо заслужить...» — Азевич уже слышал от Милована, чётко объяснившего её смысл: «Если комсомолец, так обязан сотрудничать с органами!.. За уклонение знаешь что бывает?» (с. 532).

Так же понимает эти слова и Полина. Судя по ловко состряпанному доносу, бывшая учительница (Полина пришла в исполком из школы) преуспела в этой борьбе.

Егору теперь нетрудно было догадаться, что Полину и Милована связывал интерес к Зарубе. Добыть компромат на честного председателя Миловану не удалось, и он решил использовать его кучера как информатора, но столкнулся с неожиданным сопротивлением. Заметив, как Азевич смотрит на будёновку, понял, на какую приманку тот может клонуть.

Так возник сценарий с будёновкой, где активистке Пташкиной отводилась главная роль. Азевич и не отказался от будёновки, и стал обязанным активистке. Единственная возможность вернуть долг — скомпрометировать Зарубу. Однако Егор не подумал об этом.

Он помог Полине, стремившейся вступить в партию, сделать ещё один шаг к своей мечте. А потом Полина помогла ему получить должность инструктора и дала понять: их связывали только деловые отношения.

Выходит, ничего непонятного в поведении Полины не было. Егор и сам знал, что его пропуск в новую жизнь оплачен гибелью Зарубы. Согласиться с этим сыну честного отца нелегко, однако можно смягчить свою вину: убедить себя в том, что история с будёновкой — это история его короткой любви, к которой начальник ГПУ не имеет никакого отношения.

Столкновение Азевича с законами войны со своими ставит его перед выбором, к которому подталкивает беспощадность Милована. Но признанию большевистской правды мешают угрызения совести, стыд за содеянное, то есть память о родительских заветах. Но Егор находит выход из положения: осознаёт свою вину только перед Зарубой. А что будет с учителем Пстыгой, упомянутым в доносе? Однако Егор «забывает» о вопросе, звучащем обвинением в двойном предательстве.

Нежелание отвечать на такие вопросы — это свидетельство бегства от правды, от самого себя. Выделим эти вопросы в тексте. Снова вернёмся к событиям вечера, перевернувшего жизнь Азевича.

Почему он не сразу принял предложение Зарубы? Удерживали мысли о семье?

Ответить согласием — значит взвалить все заботы по хозяйству на плечи отца; отказаться — упустить выгодную работу, «рвать кишки на деревенском хозяйстве». Егор принимает единственно правильное, как ему кажется, решение: он переедет в район, а родителей оставит на попечение младшей сестры Нины, которая выйдет замуж, так что отец без помощника не останется.

Азевич хочет идти по жизни своим путём. Выросший в религиозной семье, Егор пополнил ряды атеистов не по идейным соображениям, а в надежде изменить свою жизнь: новая власть поддерживает комсомольцев, и он терпеливо ждал своего счастливого случая и дождался. Заруба дал ему хорошую работу. И Азевич без сожалений покидает родную Липовку.

Раньше была тяжёлая работа с утра до вечера в лесу или в поле, выходные только по церковным праздникам, редкие свидания с Настюшкой, девушкой из соседней деревни. А теперь в его распоряжении исполкомовский конь Белолобик, он возил Зарубу по деревням, где тот агитировал крестьян вступать в колхоз. Он получал и скромное жалованье, талоны на питание в столовой. Правда, сначала спал на сдвинутых столах в исполкоме, но потом сапожник Исак сдал ему комнату. Всё складывалось как нельзя лучше.

А как дела дома? Здоровы ли родители? И появился ли у отца новый помощник? Волнует ли это Егора?

Он решительно отсекает эти вопросы.

Вспомним первый приезд к нему отца.

Вид его не оставлял сомнений в том, что он тащит семейный воз в одиночку. Сын же предполагает, что отец опечален его «ранним вылетом в люди» (с. 528). Значит, надо убедить, что сын «среди добрых людей, возле начальства... авось не пропадёт. А работа?.. Слава Богу, не в лесу на делянке».

Но отодвинуть опасные вопросы удаётся лишь на время. Они настигнут его в начале весны, когда, получив долгожданный выходной, Азевич приедет в Липовку. Мать хлопотала по хозяйству, а отец с Ниной который день работали в лесу, подтаскивали брёвна от места заготовки к дороге.

Почему же Егор не похвалится подарком Полины? Ведь он приехал домой в будёновке.

У него нет уверенности в том, что родные разделят его радость.

И на чём основаны сомнения?

На правилах, запомнившихся с детства. «Подарки любят отдавать», — гласит народная мудрость. Ведь не случайно в сознании Егора, получившего будёновку из рук Полины, мелькнул вопрос: «За что?» Однако искушение было слишком велико, и недоумение уступило место восторгу.

Отчего же Азевич, воспитанный в строгих правилах, не подумал об «отдарках»?

А их негде было взять. Страна ещё не преодолела разруху после Гражданской войны, и в магазинах никаких товаров. Счастливицы получили вещи, конфискованные у врагов народа. Полина, как представитель женотдела исполкома, могла участвовать в подобном мероприятии, поношенная будёновка могла достаться ей даром. А если так, то Азевич ничего не должен Полине. Он переступил через родительское «нельзя» и жестоко поплатился за это.

Почему же отец в этот раз не задал ни одного вопроса сыну?

Он раньше всех понял, что Егор пренебрёг сыновним долгом ради собственного благополучия, что он не защитник, но не унизил себя упрёками, достойно встретил удар судьбы.

После возвращения из Липовки Азевич узнаёт об аресте Зарубы и уже на следующий день получает должность инструктора райкома комсомола. А осенью в район приезжает отец просить сына, ставшего небольшим, но начальником, заступиться за земляков, насильно загоняемых в колхоз.

Как Егор реагирует на появление отца?

Ему больно видеть его постаревшим, небритым, со слезящимися глазами, в заплатанных брюках, но жалость борется с возмущением: отец защищает чужие интересы и готов искать правду в Минске. Он может поссорить сына с властью, не задумываясь о последствиях. Егор решительно отказывает отцу: «Ваша правда кончилась. Другая начинается», — и слышит в ответ: «Если наша, крестьянская, правда кончилась, так никакая не начнётся. Тогда всему конец. Кранты!» (с. 599).

Что же такое «крестьянская правда» в понимании отца?

Это справедливость, честность, помощь нуждающимся — те нравственные ориентиры, которые вобрали опыт поколений.

А в представлении сына «крестьянская правда» — это «порочная частнособственническая психология» (с. 535).

Разрыв между отцом и сыном, оказавшимися по разные стороны баррикад, становится неизбежным. Но Егор продолжает свой

путь. Как же он борется с этой собственнической психологией?

Вступив в партию, он заявляет о своей готовности защищать большевистскую правду, что требует безупречного выполнения приказов, которые не обсуждаются. Не обсуждается и решение райкома любой ценой выбить план хлебозаготовок в ещё не охваченных коллективизацией деревнях. «В особенно упрямых, саботажнических деревнях побить все жернова, чтоб не мололи зерно — сдавали государству» (с. 600).

Егор попал в бригаду первого секретаря райкома партии Дашевского, который не знал жалости. Некоторые женщины просили оставить жернова ради малых детей, клялись, что сдали государству всё до последнего зёрнышка.

«Так какого же чёрта рыдаете, если молоть нечего? Бей, Азевич!» (с. 603) — кричал Дашевский. И Егор безропотно подчинялся приказу.

Направляясь в родную Липовку, Азевич переживал: «Как он посмотрит односельчанам в глаза, когда будет уничтожать их добро? Что они о нём скажут?» (с. 603—604). Но он шёл от избы к избе вслед за Дашевским, молча выносил жернова во двор и разбивал на глазах у хозяев.

А вот и родной двор. Вскрик сестры, побледневшее лицо матери, грохот жерновов... Хорошо, что отца не было дома...

Эти события окончательно убедили Азевича в том, что защита большевистской правды требует беспощадности по отношению к врагам советской власти. В то же время он ощутил себя врагом своих земляков, которым теперь стыдно смотреть в глаза, уже не сомневаясь, что коллективизация — это война своих со своими, начатая государством, но эти мысли он держал при себе.

После истории с жерновами Азевич избегал появляться в Липовке. Если ему по долгу службы надо было ехать туда, он менялся с тем, кто тоже избегал поездок в родные места.

Но однажды поменять назначение не удалось. Родное подворье выглядело осиротевшим. Ворота были сняты, дверь сарая распахнута настежь. Отец умер ещё зимой (Егор из-за работы не успел на похороны), сестра так и не вышла замуж: поразъехались женихи, думая, как прокормиться. Не выдержав нищеты, она уехала на шахты. Мать осталась одна. Она вышла к сыну, закутанная в тряпки, и заплакала. Егор готов был заплакать вместе с ней, но постеснялся прокурора Городилова, который приехал вместе с ним.

Вздыхая и охая, мать собирала на стол. Достала откуда-то пожелтевший кусок сала, одолжила у соседей пяток яиц, положила две засохшие лепёшки из травы и мякны: картошку колхоз забрал на посевную. Видно, что мать голодала: когда сын достал хлеб из портфеля и отрезал три ломтя, «мать бережно взяла свой, с жадностью изжевала беззубым ртом» (с. 619).

Как много могут рассказать о коллективизации подробности крестьянского быта... Когда-то отец мог привезти сыну нехитрые

деревенские гостинцы: кусок сала да пару колбас. Теперь хлеб стал лакомством...

Но не сравнением прошлого с настоящим озабочены районные чиновники, а выполнением приказа начальства.

«Кого же мы подпишем? — размышляет Городилов. — Или это только у вас так? Наверно, ваша деревня исключение?» — «Исключение! — в сердцах бросил Егор: — И рай-он исключение! И вся Беларусь исключение!» Сказал и испугался, увидел в глазах прокурора такой же испуг. Оба, затаив в себе страх, умолкли» (с. 619).

Состояние Егора понятно: вспышка гнева может обернуться доносом. А чего испугался Городилов?

Подозрения в связи с врагом.

А потом Егор встретится с земляками и поведёт себя так, словно не он разбивал их жернова, однако его наигранная бодрость говорит о неизжитом чувстве стыда. Какая же сила заставляет глушить это чувство?

Страх не выполнить приказ Дашевского, который на каждом совещании кого-нибудь разоблачал, «и ночью того забирали органы неугомимого Милована» (с. 567).

Со временем Дашевский станет примером для Азевича, у него он учится выбивать налоги. «Можешь и умереть, — говорил Дашевский, — это твоё личное дело. Но сперва рассчитайся с государством» (с. 621).

Азевич не находил в себе такой беспощадности. Мешала жалость к какой-нибудь тётке с голодными детьми. «Но он очень хотел преодолеть этот свой недостаток и стать настоящим большевиком, твёрдым и безжалостным к себе и всем остальным».

Почему же Азевич начинает равняться на Дашевского, действиям которого отчаянно противилась его душа?

Потому что Дашевский — начальник, которого слушаются. А слушаются потому, что боятся.

Будут ли бояться Азевича?

Будут, если заглушит в себе жалость. Ради того, чтобы не потерять работу, безбедное существование в самые голодные годы.

Что же мешало Егору стать настоящим большевиком?

Воспитание, полученное в семье. Новые нормы поведения резко отличались от старых, что давало пищу для размышлений.

Вот гэнэушник Кмет наблюдает за дерущимися сыновьями. Старший выкручивает руки младшему, младший получает строгое отцовское внушение: «Чего ревёшь?.. Ах, тебя обидели? А ты отомсти!.. догони Шурку и на-костыляй в загривок...» (с. 571). Егора с детства учили защищать младшую сестру. Если он ненароком обижал её, то получал хорошую выволочку от родителей.

Гэнэушникам, олицетворяющим новую мораль, неведомы ни стыд, ни жалость. Егор убедился в этом, когда по просьбе Милована устроил Кмета с семьёй на квартиру к сапожнику Исаку, которого скоро арестовали, а в его комнату вселился другой гэнэушник.

Компромисс с гэнэушниками невозможен, остаётся подчиниться их правилам. Азе-

вич пытается приспособиться к ним. Он не сделал и шагу для спасения матери, не взял её с собой. Не спросил себя, дотянет ли мать до нового урожая, кто заготовит ей дрова на зиму и что она будет есть завтра. Эти вопросы Егор заменяет робким: «А как же ты?» — и получает ответ: «Что ж, сынок, мне уже подходит конец, хотя бы вам было лучше...» (с. 619).

Егор Азевич не кормилец и не заступник. Вслед за отцом это поняла и сестра, уехавшая, не попрощавшись с братом, и мать, судя по безысходности в голосе, не питает никаких надежд на сына. Но волнует Азевича не это, а другое: подпишутся ли земляки на заём?

Что же помогает ему сохранить душевное равновесие в таких обстоятельствах?

Новая мораль, она «давала чувство причастности к чему-то единому, великому»⁴ и утверждала, что долг перед государством выше долга перед семьёй. Егор твёрдо усвоил, что «нынче не те порядки, чтобы следовать обветшавшим обычаям предков» (с. 544—545).

И как он воплощает в жизнь эту новую мораль?

Теперь он связывал своё будущее только с политработой. Когда после курсов в Минске узнал, что на его место взяли другого инструктора, не жалел сил для возвращения в райком. Должность секретаря комсомольской ячейки на лесопилке он считал временной, хотя понимал её преимущества: теперь он рабочий — «носитель передового пролетарского сознания». Азевич трудился не покладая рук, спал не более четырёх часов в сутки, и через месяц его уже хвалили в райкоме за активизацию отстающей ячейки.

И вдруг он отказывается выполнить приказ Милована — написать донос на учителя Дорошку. Начальник ГПУ напомнил о Зарубе, но Егор никогда не забывал, что «судьба председателя исполкома чёрным пятном лежала на его совести. И он тихо, но твёрдо сказал: «Нет, писать ничего не буду. Я ничего не знаю»».

Почему же Азевич не побоялся возразить начальнику ГПУ?

Чувство стыда оказались сильнее страха смерти.

А как же новые идеалы?

В то время Азевич ещё не стремился походить на Дашевского. Смене нравственных ориентиров предшествовали арест Дорошки и мучительное ожидание нового вызова к Миловану, которого вскоре тоже арестовали. Егор убеждается в бессмысленности противостояния власти, а это приводит к снижению нравственной планки в оценке своих поступков. Теперь он считает, что отнёсся к Дорошке «почти честно: если не защитил, то не подпихнул» (с. 590). «Защитить его не было возможности, погубить — раз плюнуть» (с. 632). А вот Зарубу подпихнул...

Смягчение своей вины — ещё один шаг к новым идеалам, хотя воспоминания не отпускают его. Перед глазами встаёт Анеля Свидерская, худенькая светловолосая девушка, которую он хотел назвать своей женой, но всё не решался сделать ей предложение, «и кто знает, может, и к лучшему, а может, и нет» (с. 615).

— Почему же не состоялась женитьба Егора?

Вводные слова маскируют очередной незадаанный вопрос.

Он бросил девушку после ареста её отца, обвинённого во вредительстве. Азевич почувствовал себя приговорённым к смертной казни: он бывал в доме вредителя и собирался жениться на его дочери. Но Егор не успел стать мужем Анели, тем самым спас себя.

— Почему же Азевич, не побоявшись вступить за Дорошку, ничего не сделал для своей невесты?

— Попытка отстоять Дорошку происходит задолго до ареста Свицерского. За это время многое изменилось в стране. Нарастала волна репрессий: «Органы... регулярно прореживали районное руководство, хватили весной, хватили летом. Азевич давно уже перестал ломать голову, за что или кого взяли... взять могут любого, лишь бы нашёлся какой-нибудь повод. Впрочем, и без повода брали тоже» (с. 567).

Страх усиливается после ареста отца Анели. «Ни в этот день, ни на следующий он не набрался решимости зайти к Свицерскому, думал, Анеля прибежит к нему, но она не прибежала... Он не видел её, может, месяц или больше, а случайно встретившись однажды возле базара, перешёл на другую сторону улицы» (с. 616).

Страх начинает управлять Азевичем. В это время и возникает его интерес к Дашевскому как к образцовому исполнителю приказов государства. Исполнительность — вот что может хоть в какой-то степени защитить от репрессий, и Егор без раздумий подчиняется приказам начальства, контролируя каждое своё слово.

Значит ли это, что ему удаётся задушить в себе чувство стыда?

Вводные слова, выражающие сомнение, свидетельствуют о стремлении Азевича забыть запомнившиеся с детства запреты и остаться при этом порядочным человеком. Его главный довод: в условиях войны нельзя судить человека по законам мирного времени. И в отношении к матери он не видит ничего предосудительного, и в равнодушии Азевича к осиротевшим детям, потому что подчиняет личные интересы государственным, как того требует время. Но наступает момент, когда его внутреннее состояние резко меняется. И происходит это тогда, когда он, предчувствуя близкую смерть, начинает подводить итоги.

Почему в его жизни плохого было больше, чем хорошего? Ведь он «готов был вылезти из кожи, чтобы выполнить любое задание, как это требовалось от большевика. И что же получилось?... Чужая воля правила свой дьявольский бал на человеческих жизнях, и что на том балу зависело лично от Егора Азевича? Очень немного, если не сказать — ничего... За малейшее отступничество его бы в несколько дней стёрли в порошок. А то и лишили бы жизни, как лишили её куда более достойных, чем он. Потому выкручивался, как мог, выполняя всё приказанное, страдал и стыдился» (с. 597).

До конца ли искренен Егор в своих размышлениях?

Он «забывает», что не только страдал и стыдился, послушно выполняя приказы, но и неплохо жил за счёт других. Неправда, что от Егора ничего не зависело. При желании он мог помочь своей семье, но не сделал этого.

Можно ли назвать внутренний монолог Азевича исповедью?

Нет. Им движет не раскаяние, а стремление оправдать свои поступки.

Утвердительная интонация в конце монолога напоминает о том, что Егор вновь пытается освободиться от каких-то вопросов. Что же подтолкнуло к ним?

Накануне метельной ночи он встретился с Войтешонком, которого освободили после полугодовой отсидки, подвергнув пыткам и принудив дать письменное согласие быть сексотом. Теперь бывший приятель Азевича не испытывает никакого желания воевать за советскую власть, ему «и под немцем неплохо»: ведь, по его словам, назначенные фашистами «заготовки» гораздо меньше довоенных налогов.

Егор воздерживается от комментария, но мысленно продолжает разговор: «Разумеется, жили не богато, бедно жили. Хлеба хватало только до весны. Картошки тоже... Считалось, что крестьяне как-нибудь прокормятся... Первой заповедью было обеспечить город, исполнить свой долг перед государством» (с. 523).

Войтешонк рассказал о судьбе скромного бухгалтера Свириды, которого повесили немцы. В партизанский отряд его не взяли, посчитали, что беспартийный бухгалтер мало разбирается в политике, однако он сумел разобраться в главном и не побоялся бороться в одиночку.

Но самым большим потрясением для Азевича стало возвращение из окружения Дашевского, которому немцы доверили руководство районной управой. А ведь когда-то Егор учился у Дашевского. Выходит, учился у предателя.

Так кем же оказался Азевич в войне своих со своими, палачом или жертвой? Поиск ответа на этот вопрос возвращает нас к этапам трудовой деятельности героя. Почему предложение стать инструктором райкома не обрадовало его?

Он привык иметь дело с лошадьми, за плечами у него четыре класса и одно выступление на комсомольском собрании. А теперь надо «организовывать молодёжь на борьбу за интересы большевистской партии и советского народа», заниматься организацией колхозов и выполнением планов заготовки хлеба, мяса, молока, шерсти, яиц, льна.

Почему автор не даёт нам возможности услышать Азевича-агитатора?

Потому что его речи были повторением чужих слов. Выступать он учился на собраниях, где, поджидая своего начальника, внимательно слушал ораторов. Лучшим из них был Заруба, начинавший всегда с гневного поношения царского режима, с теплотой рисующий перспективы колхозной жизни, за-

канчивающий на решительных нотах разоблачением врагов колхозного строя, кулаков.

Что же делало Азевича похожим на Дашевского в глазах окружающих?

Непримиримость к должникам, чем и объясняется его карьерный взлёт.

Только этот взлёт не принёс ему никакой радости. А мысли о собственной судьбе вызвали разочарование и боль. Он и к водке пристрастился, чтобы меньше думать и говорить: «разговоры... были делом смертельно опасным».

Но один мучительный вопрос не даёт ему покоя. Какой?

О его роли в войне своих со своими. Быков пишет: «Азевич, вместе с Дашевским грабивший земляков похлеще немецких захватчиков, палачом себя не считает; он только исполнитель, никому не желавший зла, человек, попавший в безвыходное положение и не захотевший «погибать по-дурному»» (с. 493).

Что можно сказать на это? Что говорит автор?

Жизнь его опровергает. Женщина, выходящая Егора, могла погибнуть, но пришла ему на помощь. Странное чувство испытывает к ней Азевич. Он в доброте и самоотверженности видит проявление слабости: «Что это за характер такой — незлобивый или безразличный к добру и злу?... А вдруг эта незлобивость будет и по отношению к немцам?» (с. 629).

Егор вновь маскирует своё малодушие иллюзией непонимания. Постоянное стремление к самозащите заводит его в тупик. Но писатель заменяет слово «тупик» контекстным синонимом. Попробуем отыскать его.

Вот описание самой страшной ночи в жизни Азевича. Он, настигнутый метелью, пытается выбраться из снежной ловушки. Здесь трижды звучит слово «круговерть», которое имеет отношение и к нему. Круговертью стала вся жизнь Егора, превратившаяся в бесконечный поиск оправданий.

Как выбраться из круговерти? От ответа на этот вопрос зависит дальнейшая судьба героя.

Помочь выбраться может опора на лучшее в прежней жизни, на заветы отца и матери, которые учили жить честно. Лёжа в сарае, Азевич узнаёт, что находится в деревне Забродье, совсем близко от Липовки. В ту выжнюю ночь ноги сами несли его в родную сторону. В жару он слышит голос покойницы-матери и чувствует тепло в сердце, как в детстве, когда в остывшей к утру избе его укрывал кожаным одеялом. Подсознательно Егор ощущает духовную близость своей спасительницы и родителей: они не проходили мимо чужой беды.

Он видит ласточкино гнёздо под крышей сарая и вспоминает услышанное в детстве: «Настанет весна, прилетят ласточки, нанесут в клювах свежей грязи из луж, подправят своё гнёздо... А потом там появятся три-четыре маленьких, в крапинку, яичка, которые ни в коем случае нельзя трогать ребятам, иначе их лица обсыпятся веснушками... Птичье гнёздо разорвать нельзя, это большой грех. А вот человеческие...» (с. 623).

Повторяющееся «нельзя» отражает попытку Егора взглянуть на себя глазами родителей. Результат неутешительный: разорители человеческих гнёзд не заслуживают снисхождения.

А потом отец придёт к сыну во сне: Егор пересекает огромное поле пионов и хочет спуститься к оврагу, на дне которого протекает ручей, но вместо ручья видит кровавый пруд, и руки его тоже в крови, и одежда. И тут с конём появляется отец, молча отдаёт сыну повод, а сам легко поднимается в воздух и летит над оврагом. А на той стороне оврага появляется Дорошка и просит помочь перебраться с того берега на этот. Азевич, проснувшись, никак не может понять, к чему приснился Дорошка.

А как вы думаете, почему Дорошка?

Азевич и Дорошка почти ровесники, выросли в крестьянских семьях с одинаковым достатком; их объединяет желание идти по жизни своим путём. Но если Азевич ждёт счастливого случая, чтобы вырваться из деревни, то Дорошка ставит перед собой цель: получить образование, стать учителем и вернуться в родные места. Он идёт к своей цели, преодолевая трудности, зарабатывая на кусок хлеба разгрузкой вагонов, а завершив учёбу в педтехникуме, возвращается в деревню, живёт интересной, осмысленной жизнью. Работает в школе, много читает, ставит пьесы на белорусском языке, что дало повод для обвинения его в национализме.

Азевич познакомился с Дорошкой, вернувшись из Минска, где «три месяца... зубрил большевистскую науку», и теперь считал себя подготовленным не хуже своих друзей по комсомолу, которые пришли в райком из учителей.

По поручению райкома Азевич занимается перевоспитанием Дорошки, сосланного на лесопилку «за национализм». Перевоспитать в представлении бывшего конюха — значит наставить на правильный путь, то есть провести политработу согласно указаниям: объяснить обстановку в стране с позиций большевистской правды, указать на допущенные ошибки, потом дать повариться в рабочем котле — пройти испытание физическим трудом — и обсудить результат на общем собрании.

Но перевоспитывать Дорошку было бесполезно, а слушать — интересно. Зима, проведённая с учителем, стала для Азевича настоящей школой. Он впервые столкнулся с человеком, источником знаний для которого стали не газеты, а книги. Его объяснения прочно оседали в памяти: «А патриот от националиста знаешь чем отличается?... А тем, что патриот любит своё, а националист ненавидит чужое» (с. 584).

Дорошка не единственный образованный человек, встретившийся Азевичу. Аня Свидерская тоже закончила техникум. Что объединяет её с Дорошкой?

Привязанность к корням. Дорошка по окончании учёбы возвращается на родину; Аня, семья которой подвергается гонениям за принадлежность матери к дворянскому роду, не допускает и мысли оставить родителей.

И Аня, и Дорошка не представляют своей жизни без книг. Егора, впервые посетившего дом Свидерских, поразило богатство их библиотеки. Рассматривая книги, он пожалел, что столько человеческой мудрости осталось в стороне от него, но быстро нашёл оправдание: «До всего не дотянешься...»

Прокомментируем эту мысль.

В книгах — опыт поколений. Отношение к книгам выявляет нежелание учиться, развиваться, думать. Егор ценит знания, но считает, что опыт комсомольской работы — «это не меньше педтехникума...» (с. 584).

Егор надеялся, что общее собрание признает перевоспитание Дорошки, не имевшего враждебных намерений, но этого не произошло. Учителя арестовали. И это тоже заставляет Азевича задуматься. Крамольные мысли возникли у Егора и раньше, но он не давал им ходу, а теперь, в одиночестве, вновь возвращается к ним. *Обобщим его наблюдения.*

Все его размышления объединяет вот это авторское обобщение: «Странную, однако, философию изобрели большевики, думал Азевич, удивляясь, как это оставалось никем не замеченным. Для него с годами всё устойчивее становилось: если происходящее во вред живущим, то не на пользу и последующим. Во вред и тем и другим» (с. 623).

— Так стоит ли защищать государство, которое стало врагом для своих граждан? Егор останавливается перед выбором. Какой же выбор он делает?

Окончательное решение он принял в ту ночь, когда услышал выстрелы и понял, что партизаны совсем близко. Но перед этим увидел во сне отца. Новым содержанием наполнялись для него знакомые с детства слова: отчий дом, отчий край, Отчизна, Отечество... И сын слышит отца, хотя тот не произносит ни слова.

Какие же мысли Егора остаются за пределами повести?

Государство — это не только власть, но и народ. Выбивая непосильные налоги, Азевич воевал против своего народа. На его руках кровь тех, кто умер голодной смертью. Единственная возможность искупить свою вину перед народом — встать на его защиту.

Государство и Отечество не всегда одно и то же. И не всегда служение государству есть служение Отечеству. Но перед лицом всенародной беды эти понятия совпадают. Поэтому защита государства от фашистов — это защита Отечества. Тот, кто уклоняется от долга защитника, предаёт свой народ и свою землю.

Сон Егора — это не мгновенное озарение, это итог размышлений над прожитым, предвидение реакции отца на отказ сына от борьбы за несправедливую власть. Нет, Азевич не забыл родительских заветов, он попробовал обойти их и оказался на краю пропасти. Отец не дал ему шагнуть в бездну.

Наивным казалось когда-то Егору желание отца спасти липовцев от ужасов коллективизации. С каким жаром разоблачал он крестьянскую правду, основанную на помощи ближнему! Уж он-то знал, что за такую по-

мощь можно заплатить жизнью. Однако именно крестьянская правда спасла его от гибели. Так как же после этого не верить отцу?

Отца и Дорошку нельзя обмануть, запугать, сбить с пути. Они не утратили веры в людей. Вот эта вера и является залогом спасения Егора.

Но снова рождаются сомнения: а стоит ли защищать народ, безропотно поддерживающий жестокую власть?.. Он, который выполнял приказы этой власти, имеет ли он право осуждать других? А разве тётка, вернувшая его к жизни, не из народа? И разве не признал он, что вся его надежда теперь на таких тёток? И может ли он упрекнуть своих родителей, Зарубу, Пстыгу, Исака, Дорошку, Анелю в отсутствии чувства собственного достоинства?

Мы видим: круговорот нелегко отпускает Егора. Он противоречит сам себе, стараясь удержаться на прежних позициях, и всё же делает первые шаги по пути, указанному отцом.

Перед уходом в Костюковку он перекрестился, чего не делал с детства. Вроде бы все сомнения позади...

Азевич получил представление о жизненных ориентирах, но это не помешало ему изменить им. Так хватит ли у него сил для возвращения к родительским заветам, хватит ли сил следовать по пути, указанному отцом? Может быть, дополнительную информацию даст значение имени героя?

«Егор — русская народная форма от имени Георгий — земледелец»⁵. «Стужа» — повесть о том, как земледелец свернул на чужой путь и попал в круговорот. Момент поворота чётко зафиксирован автором: Азевич, запрягающий коня, чтобы везти в район Зарубу, чувствует «некоторую неловкость оттого, что брался за чужое дело...» (с. 505).

Путь, пройденный Егором, включает три этапа, мы их обозначили: жизнь до и после прихода фашистов, и третий видится нам через незадаанные вопросы. По мере развития действия число этих вопросов стремительно возрастает, и герой возвращается в прошлое, ставшее для него «непреходящей, каждодневной болью». Он нашёл в себе мужество вспомнить всё, что камнем легло на душу, и вновь пережил позор, который хотел оправдать обстоятельствами.

В конце повести два пройденных и новый, предстоящий ему путь сливаются воедино, свидетельствуя о важном повороте в судьбе Егора. Возвращение к нравственным заповедям отцов, к крестьянской правде, к родительским заветам — вот путь, который сознательно выбирает для себя Азевич, не до конца выступивший душу. Ему есть к чему возвращаться.

Вопрос, хватит ли сил для возвращения, остаётся открытым. Традиционно имя Егор связывают с именем святого Георгия Победоносца, олицетворяющего победу над злом. Он способен услышать голос предков и переосмыслить свою жизнь. Процесс переосмысления заявляет о себе изменившимся отношением к спасшей героя женщине, которая,

оказывается, с самого начала знала, что помогает бывшему райкомовцу. Егор потрясён таким великодушием. «Чем же он отблагодарит эту сердечную тётку? Чем порадует в её не менее трудной, чем у него, судьбе?» (с. 635).

И ему, совсем недавно подозревавшему эту женщину в неблагонадёжности, открывается то, над чем он раньше не задумывался: источник её внутренней силы — любовь, верность и надежда на добрых людей. Она ждёт своего мужа, арестованного перед войной, и сына, пропавшего без вести в её начале, надеясь, что кто-нибудь тоже поможет им.

Но ведь эти качества отличали и родителей Азевича. И он понимает, что единственная возможность остаться человеком — вер-

нуться к родительским заветам. Осуществить это решение непросто: война своих со своими продолжается и конца ей не видно. Полиции, окруженцы, дезертиры — вот с кем придётся сражаться и после победы.

Но решение принято, и новый поворот в судьбе героя обозначен. Ему есть к чему возвращаться. Отправляясь на поиски партизан, Азевич перекрестился, отделяя себя от прошлого. Он не избавился от страха перед жизнью, но ощутил потребность в покаянии, что стало переломным моментом в его судьбе.

К этому событию и привлекает наше внимание В.Быков, посвятивший своё творчество осмыслению уроков Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. ТРИФОНОВ Ю.В. Повести и рассказы. — М.: Дрофа, 2003. — С. 25.
2. ЗОЛОТУССКИЙ И. Знак беды. Три встречи с Василем Быковым // Литература, приложение к газете «Первое сентября». — 2003. — № 4. — С. 2.
3. БЫКОВ В. Стужа // Василь Быков. Повести. — М.: Эксмо, 2008. — С. 488. Далее цитируется по этому изданию.
4. ШАХНАЗАРОВ Карен. Пора смотреть в будущее! // Аргументы и факты. — 2013. — № 24. — С. 3.
5. ГОНЧАРОВА Т. Узнай своё имя. — Кострома: Авенир-Дизайн, 2007. — С. 240.

ДЁМИНА Надежда Михайловна —

учитель русского языка и литературы МОУ ВСОШ № 10, г. Волгоград
ankart@list.ru

ТАТЬЯНА ЛАРИНА И ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

X КЛАСС

Аннотация. Статья посвящена сравнительной характеристике Татьяны Лариной и Евгения Онегина; в основу изучения темы положены письма героев, отражающие их внутренний мир.

Ключевые слова: письмо, внутренний мир, духовность, нравственность, любовь, верность, патриархальные и христианские традиции, народ, высший свет, эгоизм, безделье, разочарованность.

Abstract. The article is devoted to comparative characterization of Tatyana Larina and Eugene Onegin; the core of the study is the letters between them that reflect their inner world.

Keywords: letter, inner peace, spirituality, morality, love, loyalty, patriarchal and Christian traditions, people, highest light, selfishness, laziness, frustration.

Урок первый. «Письмо Татьяны к Онегину» и «Письмо Онегина к Татьяне» в романе А.С.Пушкина

С древнейших времён в русской культуре считалось недостойным, если девушка первая открывала свои чувства молодому человеку, её осуждали, если она решалась написать письмо мужчине. Героиня романа Пушкина Татьяна Ларина пишет письмо Евгению Онегину, признаваясь в любви. Письмо героя художественного произведения раскрывает его внутренний мир, свидетельствует о предельной откровенности его мыслей и чувств. (Ученица читает вслух «Письмо Татьяны к Онегину».)

Какие черты характера раскрываются в письме Татьяны?

На каком языке написано письмо? Прочитайте его перевод, сделанный автором романа. Какая лексика в нём находит отражение, о чём это свидетельствует?

Осознаёт ли Татьяна, на какой поступок она решилась?

Как автор оправдывает героиню в глазах общества за решимость написать тайное письмо с признанием в любви?

Как в письме раскрывается первое впечатление Татьяны об Онегине?

Эпиграф к третьей главе романа: «Она была девушка, она была влюблена» — подчёркивает естественность чувств Татьяны: «душа ждала... кого-нибудь», «пришла пора, она влюбилась». В письме Татьяны проявляются романтические черты девушки, сформировавшиеся под влиянием французских романов:

Они ей заменяли всё;
Она влюблялась в обманы
И Ричардсона и Руссо...

Письмо Татьяны, написанное по-французски, перевёл автор романа. В нём много реминисценций из произведений французской литературы: «То воля неба, я твоя...» — фраза из «Новой Элоизы» Ж.-Ж.Руссо; «Ты чуть вошёл, я вмиг узнала...» — из элегии Марселины Дебор-Вальмор и др.

Вместе с тем речь Татьяны близка к народно-поэтической: «к моей несчастной доле», «горькое мученье», «всё думать, думать об одном», «слово молвил»; в ней отражаются христианское восприятие любви и семьи: «мой ангел ли хранитель», «коварный искуситель», «судьбу мою тебе вручаю», «по сердцу я нашла бы друга», «верная супруга и добродетельная мать».

Полюбив Онегина, Татьяна объясняется с ним на языке французских романов, но это не заслоняет её искренности, нежности, душевной чистоты, пылкости чувств, смелости, неопытности. В то же время в письме проявляется ум девушки, она понимает, что Онегин может оказаться «коварным искусителем».

Татьяна осознаёт, что решилась на поступок, за который может быть осуждена и самим Онегиным, и окружающими. Автор романа защищает её перед обществом, объясняя, что письмо свидетельствует об отсутствии расчёта, свойственного холодным, неискренним светским красавицам.

(Ученик читает вслух «Письмо Онегина к Татьяне».)

Какие черты Онегина раскрываются в его письме к Татьяне?

Как Онегин объясняет, почему он при первой встрече не ответил на любовь Татьяны?

Какими словами раскрывает своё чувство Онегин?

Почему Онегин решился объясниться Татьяне в любви?

Онегин понимает, что Татьяна может быть оскорблена его признанием, ведь она теперь замужняя женщина. Татьяна может презирать его, или объяснение может подать ей повод к «злобному веселью». Но он решается написать письмо Татьяне, теперь уже светской даме, княгине. И в этом проявляется его смелость, решительность и надежда.

Онегин искренне признаётся, почему не ответил при первой встрече на чувство девушки, раскаивается в своём эгоизме:

Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Ещё одно нас разлучило...
Несчастной жертвой Ленский пал...
Я думал, вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Онегин искренне пишет о своих душевных страданиях («мучаюсь», «как ужасно / Томиться жаждою любви», «излить мольбы, признания, пени»). Онегин и раньше заметил в Татьяне «искру нежности», а теперь ему кажется, что он осознаёт душой всё её совершенство, при этом надеется на ответное чувство замужней женщины.

В ходе дальнейшего анализа романа нам предстоит выяснить, как формировались характеры героев, какие поступки они совершали.

Урок второй. Евгений Онегин

Где родился и живёт Онегин, каково его положение в обществе?

Какое образование получил Онегин, было ли такое образование исключением в дворянской среде?

Чем занят Онегин, чем увлекается, какие книги читает?

Как повлияла на Онегина светская жизнь?

Какие черты героя отмечает подружившийся с ним автор романа?

Чем занят Онегин в деревне?

Что узнаёт Татьяна об Онегине в его доме?

Как автор романа оценивает ответ Онегина на письмо Татьяны?

Почему Онегин принял вызов Ленского? Как чувствует себя после дуэли и путешествия?

Что приносит Онегину встреча с Татьяной в высшем свете?

Евгений Онегин — молодой человек, петербургский аристократ, получивший поверхностное, оторванное от национальной почвы домашнее образование. Гувернёр-француз не заботился о нравственном воспитании Евгения, не приучил его к труду, поэтому основное занятие Онегина, вступившего во взрослую жизнь, — погоня за удовольствиями. Представление о том, как он прожил восемь лет в Петербурге, даёт описание одного дня героя. Отсутствие серьёзного дела и постоянная праздность наскучили герою и привели его в молодые годы к разочарованию в светской жизни. Попытка заняться делом не приносит результатов, так как он не умеет трудиться.

Жизнь в деревне не стала для него спасением, так как смена обстановки без работы над собой, внутреннего духовного перерождения не избавила Онегина от хандры.

Важно увидеть, как герой проявляет себя в дружбе и любви. Приходим к выводу, что Онегин, покорявший светских красавиц, поступил благородно по отношению к Татьяне. Её письмо

В.Канашевич. Свидание Татьяны с Онегиным. 1936

стало для него примером иного, духовного отношения к любви. Он откровенно признался, что ценит чистоту и искренность девушки, но его чувства опустошены, он не способен полюбить, идеал семейного счастья не для него:

*Нашед мой прежний идеал,
Я, верно б, вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!
Но я не создан для блаженства:
Ему чужда душа моя...*

Эти слова свидетельствуют о том, что Татьяна могла бы быть ему хорошей женой и он мог бы быть счастлив в семейной жизни, которую он называет блаженством (блаженство — высшая степень счастья).

Посетив дом Онегина, Татьяна начинает понимать, что полюбила во многом заблуждающегося человека. Возможно, он «москвич в гарольдовом плаще».

В дружбе с Ленским Онегин проявляет снисходительность, но он не может подняться над предрассудками света, который он презирает, и убивает юного поэта.

Вспыхнувшая любовь к Татьяне, ставшей светской дамой, «равнодушной княгиней», «неприступною богиней», заставляет Онегина страдать. Он много читает и учится смотреть на мир «духовными глазами», понимает, что выбранная им жизненная позиция обернулась трагедией. Не получив ответа на своё письмо, он решает объясниться с Татьяной, не понимая всё-таки всей глубины её натуры.

Урок третий. Татьяна Ларина

В какой семье выросла Татьяна?

Что автор романа говорит об имени героини?

Какие черты Татьяны-девушки отмечают автор, Ленский, Онегин?

Что читает Татьяна, как чтение повлияло на неё?

Как Татьяна переживает трагедию несостоявшегося счастья, как держится с Онегиным на именинах? Усвоила ли она его наставления?

Как автор подчёркивает типичность судьбы героини? Как относится к Татьяне?

Чем завершается объяснение Евгения с Татьяной? (Особенность финала романа.)

Татьяна Ларина росла в дворянском поместье, среди природы. В семье Лариных сохранялись патриархальные русские традиции, соблюдались христианские обряды. Имя героини греческое по происхождению («устроительница», «учредительница»), пришедшее на Русь с принятием христианства, оно было распространено в народе:

*Её сестра звалась Татьяна... (13)
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно осветим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспомянуть старины
Иль девичей!..*

В.Канашевич. «Второму, третьему письму ответа нет». 1936

В «Примечаниях к «Евгению Онегину» под цифрой 13 автор романа пишет: «Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фёкла и проч. — употребляются у нас только между простолюдинами».

Няня, крепостная крестьянка, со сказками и преданиями исподволь передала Татьяне высокие нравственные идеалы народа.

Романтические черты девушки сформировались под влиянием французских романов. Загадочность, исключительность, поэтичность, искренность, пылкость чувств, душевная чистота, высокая нравственность — отличительные черты героини. Татьяна тяжело переживала трагедию несостоявшейся любви, но уже на именинах сумела овладеть собой, подчинить чувства разуму, как советовал ей Евгений. Жизненная история её матери и няни свидетельствует о типичности судьбы героини.

Татьяна — человек цельный, её мысли и чувства не расходятся с поступками. Когда она была свободна, то смело раскрыла своё чувство Онегину. Но, выйдя замуж, дав обет верности супругу перед людьми и Богом (брак скреплялся венчанием в церкви), Татьяна отвергает любовь Онегина.

В нравственном плане Татьяна превосходит Онегина. Татьяна Ларина — милый идеал автора, героиня, которая открывает в русской литературе XIX века целую галерею женских характеров, положительно влияющих на «мятущиеся» души героев.

Онегина поразила перемена в Татьяне, он влюбился. Но она поняла, что в основе его страстной любви лежит эгоистическое начало. Оставаясь искренней, Татьяна отвергает Онегина. Роман завершается в минуту потрясения героя: что он будет делать, неизвестно. Такой финал произведения называется открытым финалом, он даёт возможность читателю самому решать, какой будет дальнейшая судьба героев.

Пушкин проводит в романе мысль о необходимости приближения дворянства к народу.

ТРОЯН Нина Васильевна —

учитель русского языка и литературы высшей категории муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Воеводская средняя (полная) общеобразовательная школа» Целинного района Алтайского края
troyan_nina@mail.ru

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ, ИЛИ КАК ДЕЛО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ

ПО РАССКАЗАМ В.М.ШУКШИНА «МАСТЕР» И «КРЕПКИЙ МУЖИК»
VIII КЛАСС

Аннотация. Анализ рассказов Шукшина позволяет выявить замысел автора, постичь идею произведения. Учащиеся рассматривают проблему ответственности человека за свои поступки, слова, помыслы, приходят к осознанию истинных ценностей жизни, к пониманию красоты мира и человеческой души.

Ключевые понятия: название, роль названия, заглавие, стилистическое своеобразие текста, философское осмысление отношения человека к жизни, разрушение, созидание, символ.

Abstract. Analysis of Shukshin's short stories reveals the author's intention to comprehend the idea of the stories. Students consider the problem of man's responsibility for his actions, words, thoughts and come to understanding of the true values of life and the beauty of the world and the human soul.

Keywords: title, title's role title, stylistic originality of the text, philosophical understanding of man's relations with life, destruction, creation, character.

Цели урока:

— образовательная: углубить представление о номинации как средстве характеристики человека;

— развивающая: способствовать развитию исследовательских умений и навыков, творческих способностей учащихся;

— воспитательная: воспитывать ответственность за свои поступки, способствовать пониманию учащимися истинных жизненных ценностей; воспитывать любовь к родному слову, культуре своего народа.

Урок начинается с обращения к словам, вынесенным на доску: «Люди, милые люди, здравствуйте!»

— Это приветствие, которое встречает всех, кто приходит в школу-музей в селе Сrostки. Что вы можете сказать о человеке, который обращается к людям с такими словами?

— Он добрый, искренний, сострадательный...

— Приветливый, открытый.

Называем имя автора приветствия — Василий Макарович Шукшин.

— Скажите, из чего складывается ваше отношение к человеку?

— Из оценки поступков, дел, которые он совершает.

— «След на земле, или Как дело наше отзовется» — так звучит тема нашего урока по рассказам В.М.Шукшина «Мастер» и «Крепкий мужик». И я попрошу вас записать слова, словосочетания — смысловые ассоциации к имени В.М.Шукшина.

Выстраивается такой ряд: громада, творец, созидатель, актёр, режиссёр, великий талант, справедливый, большое сердце, сын России...

Знакомим учащихся с высказываниями о Шукшине и дополняем запись: наш Шукшин, художник, знаток русского национального характера, совесть народная, голос взыскующей совести...

— Эти слова и словосочетания обозначили многогранность личности Шукшина, нарисовали портрет писателя, помогли выразить наше отношение к нему: таким мы воспринимаем его личность, таким видим его творчество. Человека в жизни и героя в художественном произведе-

нии могут называть по-разному в разных ситуациях.

— Обратимся к рассказам Шукшина «Мастер» и «Крепкий мужик».

Уже в заглавии этих рассказов Шукшин называет героев. Для активизации познавательной и творческой деятельности создаём проблемную ситуацию.

— А в тексте называет ли Шукшин своих главных героев «крепкий мужик» и «мастер»?

— Автор не называет так своих героев.

— Так их не называют и окружающие, другие герои рассказов.

— Какой вопрос возникает у читателей?

— Почему автор дал такое название?

— Можем ли мы сказать, о ком из героев идёт речь?

— В рассказе «Мастер» — два мастера, но в заглавии слово употреблено в единственном числе.

— Почему? Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужно понять произведение и замысел автора. Это будет отправной точкой нашего исследования. Как бы вы объяснили значения слов «крепкий мужик», «мастер» до знакомства с произведениями?

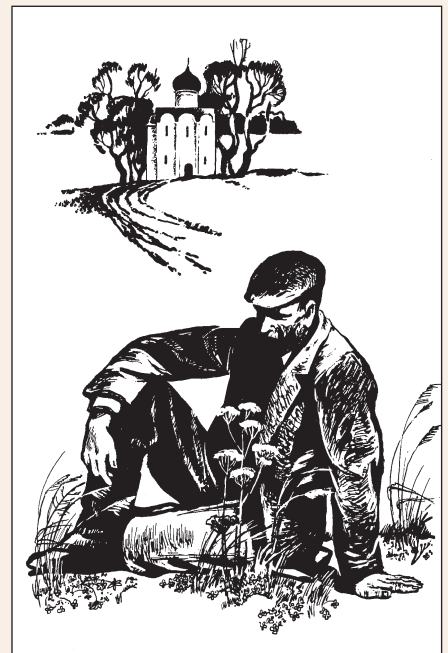
— Мастер — талантливый человек; человек, умеющий всё делать хорошо или очень хорошо; опытный, умелец, искусник, золотые руки...

— Крепкий мужик — надёжный, сильный, стойкий человек, мужественный, не боится трудной работы...

Работаем в группах с фрагментами текста.

Прочитайте начало рассказов. Выделите ключевые слова, объясните, как вы понимаете смысл этих слов, обратите внимание на то, как называют героев рассказчик, персонажи рассказов.

Фрагмент текста для 1-й группы: «Жил-был в селе Чебровка некто Сёмка Рысь, забулдыга, непревзойдённый столяр. Длинный, худой, носатый — совсем не богатырь на вид. Но вот Сёмка снимает рубаху, остаётся в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лается с бригадиром, тогда-то видна вся устрашающая сила и мощь Сёмки. Она — в руках... Руки у Сёмки не

Н.Усачёв. Илл. к рассказу В.Шукшина «Мастер». 1980

комкастые, не бугристые, они ровные от плеча до кисти, толстые, словно литые. Красивые руки. Топорик в них — игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости...»¹.

Фрагмент текста для 2-й группы: «В третьей бригаде колхоза «Гигант» сдали в эксплуатацию новое складское помещение... Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней [церковью], подумал...»².

— Кто называет героя Сёмкой? Автор?

— Односельчане.

— Почему?

— Они считают его забулдыгой. Не уважают.

— Согласны ли вы с тем, что Сёмка непутёвый человек?

Отмечаем, что у Шукшина в один ряд поставлены слова с противоположным значением: «...некто Сёмка Рысь, забулдыга, непревзойдённый столяр». С одной стороны, забулдыга (спившийся, беспутный человек), с другой —

непревзойдённый столяр (самый совершенный, лучший, такой, что невозможно превзойти). Видим, что в оценке героя используются антонимы. Такое противоречие побуждает читателя как можно глубже проникнуть в суть характера героя.

— Поразмышляем о характере Сёмки.

— Сёмка непонятен людям, ведь он не пользуется своим мастерством, чтобы обогатиться, достичь прочного материального положения в жизни, не мыслит свой дар как средство личного обогащения. Он любит своё дело, много работает («остаётся в одной майке, выгоревшей на солнце...»).

— Сёмка не злой человек. Так, для куража, он орёт... весело лаётся с бригадиром... Пьяным он безобразен не бывал, не оскорблял жену... Он честный и скромный. «Работаю я наравне с вами, дети у меня обути-одеты, я не ворую, как некоторые...»³. Он всю зарплату отдаёт семье. И если временами он крепко пьёт, то для того, чтобы думать, что окружающие люди лучше его. — В отличие от других, он понимает, что в мире не хватает красоты и чуда.

— Как вы думаете, с какой целью Шукшин использует сказовый зачин: «Жил-был в селе Чебровка некто Сёмка Рысь...»?

— Возможно, для него Сёмка как сказочный герой, как Емеля: кажется непутёвым, а совсем не дурак.

— Фольклорный мотив находит своё развитие и в дальнейшем: Сёмка, как и сказочный герой, оправляется в путь ради спасения красоты, чуда (любимая в сказке — это символ красоты и чуда).

— Это по жанру рассказ-сказ. Сказ — повествование, имитирующее речь рассказчика и ведущееся от его лица. Рассказчик выражает своё отношение к событиям и героям.

— Как относится автор к своему герою?

— Мнение автора и рассказчика совпадает. Автор открыто выражает свою симпатию к герою, любит его руками: они умелые, ловкие, трудолюбивые, дело в руках Сёмки спорится. «Красивые руки. Топорик в них — игрушечный», — не срывает рассказчик своего отношения к герою.

— «В третьей бригаде колхоза "Гигант" сдали в эксплуатацию новое складское помещение...» Так начинается рассказ «Крепкий мужик». Где бы вы могли прочесть, услышать такую фразу?

— Она напоминает официально-деловой стиль газеты

— Такую фразу можно прочесть в какой-нибудь сводке, услышать в отчёте.

Сводка — документ, содержащий свод каких-нибудь данных. Для официально-делового стиля характерны лаконичность и неличностный характер. К тому же автор не даёт портрета героя: «Бригадир Шурыгин Николай Сергеевич постоял перед ней, подумал...» Указываются должность, фамилия, имя, отчество. Перед читателем возникает образ человека-функции. Автор дистанцируется от героя.

— А с какой целью автор упоминает название колхоза «Гигант»?

— Автор показывает, что Шурыгин руководитель большого хозяйства («Гигант»), значит, уважаемый человек, если он призван направ-

лять деятельность других. Но симпатии к герою автор не выражает. Такое противоречие побуждает читателя понять причины авторского отношения к Шурыгину.

Вновь обращаемся к тексту произведения.

— Как называет главных героев автор? Окружающие? Почему?

Рассказ «Мастер». Рассказчик: «некто Сёмка Рысь»; рассказчик и односельчане — «забудлыга», «непревзойдённый столяр»; односельчане — Сёмка, сам себя — Семён Рысь, автор — Семён.

Фамилия героя похожа на прозвище. Личное имя Сёмка представляет собой уменьшительно-пренебрежительную форму имени Семён и выражает насмешливое отношение окружающих к его носителю — человеку с «чуждиной». Автор использует иную форму имени — Семён, называя героя так в начале и в конце его хождения за правдой.

— Что, по мнению автора, отличает героя от других?

Сёмка проник в замысел мастера, оставшийся неосуществлённым. На минуту герой «как бы слился душой с неизвестным зодчим и захотел доделать задуманное им»⁴. Символика имени: Семён — «слушающий». Сёмка услышал «песню» древнего мастера. Песня рождается из самой жизни, из её правды.

Рассказ «Крепкий мужик». Автор: «бригадир Шурыгин Николай Сергеевич Шурыгин»; односельчане: «Николай»; кладовщик: «Колька»; учитель: «варвар»; односельчанин: «чёрт»; продавщица, жена: «идиот»; жена: «харя бесстыжая»; вездесущие бабы: «дьявол»; мать: «дьяволина», «идол окаанный»; Шурыгин: «дядя Коля Шурыгин».

Наименования «чёрт», «дьявол», «варвар», «идол окаанный», «харя бесстыжая» содержат отрицательную оценку, осуждение. Дьявол — сатана, злой дух, злая сила, бездуховная, разрушительная. Автор говорит и о силе Сёмки. Притом пишет так: «устрашающая сила и мощь Сёмки».

— Но сила Сёмки несёт зло?

Нет, его сила употребляется во благо людей.

Варвар — чужеземец, иностранец. Варварами называли захватчиков. Они не ценили культуру, обычаи другого народа, разрушали, истребляли. Шурыгин противопоставил себя всему деревенскому миру. Символика имени: Николай — «побеждающий народ».

— Он оказался сильнее?

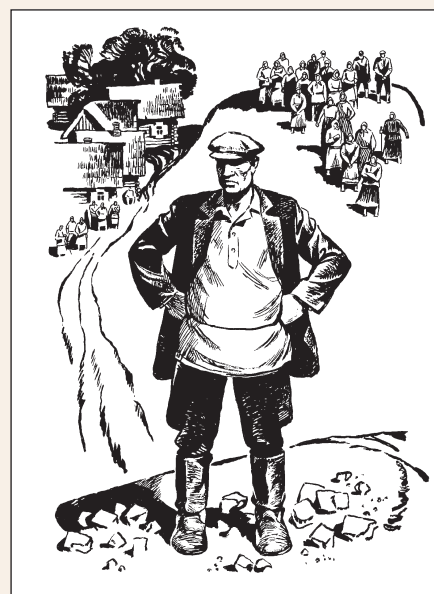
Нет, правда не на его стороне. Шурыгин — шурыга — непутёвый человек, негодяй, мошенник. Разрушение церкви рассорило его со всеми: с односельчанами, с семьёй.

— Как поступок Шурыгина называют окружающие?

— Они его осуждают, его поступок — из ряда вон: «произойдёт нечто небывалое в деревне»; «своевольничать»; «что-то непонятное творится с мужем»; «ответишь за убийство»; «дурацкое дело»; «руки чесалась у дьявола».

Шукшин, являясь выразителем мировидения народа, проявил своё отношение к Шурыгину через оценку других героев рассказа.

Продолжая исследование, учащиеся приходят к выводу, что мерилom нравственности

Н. Усачёв. Илл. к рассказу В. Шукшина «Крепкий мужик». 1980

человека в рассказе Шукшина становится его отношение к храму.

Звучит запись колокольного звона.

— Образ церкви занимает в рассказах центральное место. В чём его значимость? Почему именно в отношении к церкви раскрывается характер героев? Символом чего является церковь для героев рассказов?

«Мастер». Сёмка: «церковка», «белая красавица», «красавица необыкновенная», «гордость русского народа»; автор: «светлая каменная сказка»; митрополит: «храм», «красивая церковь».

«Крепкий мужик». Автор: «церковка»; мать Шурыгина: «матушка».

С церковью связаны дом, корни, родина. Деревня Талица не вымышленна, она находится на противоположном берегу Катуня вблизи от родного села Шукшина Сростки («...бывало, откуда ни идёшь, а её уж видишь. И как ни пристанешь, а увидишь её — вроде уж дома. Она сил прибавляла...»⁵).

Церковь — частица души и бытия. (Бытие — жизнь, существование.) Небольшая церковка оживляла деревню, все люди постарше крещены в ней, здесь отпевали усопших дедов и прадедов. Так обозначается автором связь времён. «Как небо привыкли видеть, так и её». Если небо — это символ вечности, то церковь (продолжим ассоциативный ряд) — красота, вечность, бессмертие души.

Церковь у Шукшина — соборное начало, символ единения, она собирает людей «вокруг себя». Церковь — подлинная красота, над которой не властно время.

Слушаем сообщения учащихся о храмах России (собор Покрова на Нерли, храм Василия Блаженного, Казанский собор в Санкт-Петербурге).

Приходим к выводу, что церковь является символом Родины, истории, вечности, чистоты, красоты, единения, исторической памяти, связи поколений, души народа, национальной самобытности, величия духа русского народа.

Вновь звучит запись колокольного звона.

— С чем сравнивает Шукшин разрушение церкви?

Со смертью человека («страшная, чёрная в глубине, рваная щель (рана. — Н.Т.) на белой стене...»), с войной («земля вздрогнула, как от снаряда...»). Война — трагедия — смерть... Всё было кончено: от храма осталась бесформенная груда, прах (останки; то, что осталось от тела умершего — *высок*. — Н.Т.). Сравним: «Давно распалась в прах та умная голова» («Мастер»).

— Что руководит Шурыгиным, когда он разрушает церковь? Можно ли гордиться таким делом, которое совершает Шурыгин?

1. «Там кирпич добрый, я бы его на свинарник пустил, чем с завода-то возить».

2. «Шурыгин вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями».

3. «Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили... Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тросами и...»

4. «Ваську Духанина проклинали — он крест своротил? Наоборот, большим человеком стал...»

Шурыгин испытывает удовольствие от того, что можно распоряжаться, почувствовать себя большим начальником. Человеком движет гордыня. «Он мечтает оставить о себе память, пусть геростратову, но славу»⁶. Но этим гордиться нельзя: дело, совершаемое человеком, должно быть добрым.

— Чем обеспокоен Сёмка? Хочет ли он возвеличить себя?

1. «Это же чудо! Я возьмусь отремонтировать...»

2. «Мне жалко — такая красота пропадает. Ведь сейчас же восстанавливают...»

3. «Она бы людей радовала — стояла!»

4. «Это — гордость русского народа, а на неё все махнули рукой. А отремонтировать, она будет стоять ещё триста лет и радовать глаз и душу».

Сёмка восхищён красотой церкви. Он мечтает дать вторую жизнь Талицкой церкви, желает творить не по заказу, не за деньги. Восстановить церковь для будущих поколений — это смысл жизни героя. Сёмка не возвеличить себя хочет, а

подарить людям, будущим поколениям радость, красоту, которая бы очищала душу.

— Какие новые смыслы открываются для вас в названии рассказов «Крепкий мужик» и «Мастер»?

Крепкий мужик — человек, который крепко держит жизнь в своих руках; руководитель, никогда не задумывающийся о душе; жестокий и бездушный, думающий только о себе; злая, разрушительная сила; не чувствует красоту, противопоставляет себя обществу; человек, пренебрегающий духовными ценностями; человек, разрушивший миропорядок, гармонию...

Мастер — творец, созидатель; человек ищущий, чувствующий красоту, верящий в добро, любящий людей; духовная сила; просветлённый человек, одухотворённый человек, чуткий человек, живущий по законам правды; он хочет дарить радость, живёт не ради славы и материального благополучия; не своё мастерство хочет возвеличивать, а приносить людям радость; бескорыстно творит, связывает время...

Итак, перед читателями предстают образы человека разрушающего и человека создающего.

Название «Мастер», во-первых, говорит о слиянии душ мастеров — Сёмки и безымянного создателя церкви, общности их идеалов, нравственных и эстетических. Этому единению не мешает разделённость во времени. Во-вторых, название подчёркивает созидательное начало в человеке, называемом мастером⁷. В образе «крепкого мужика» заложено разрушительное начало.

Обобщаем: в заглавиях заключено философское осмысление отношения человека к жизни. Названия рассказов перерастают в символы.

Домашнее задание: напишите сочинение на тему «След на земле, или Как дело наше отзовётся» на основе художественных произведений или жизненных впечатлений в жанре письма, поучения, дневниковой записи от собственного имени или от имени героев рассказа.

Задание предполагает вариативность в выборе материала для рассуждения, жанра творческой работы, характера повествования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ШУКШИН В.М. Собр. соч.: В 4 т. — М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. — Т. 4: Рассказы. — С. 50.
- ² Там же. — С. 89.
- ³ Там же. — С. 51.
- ⁴ ШОЛПО И.Л. Мастера и геростраты. Рассказы В.М.Шукшина в VIII классе // Литература в школе. — 1996. — № 4. — С. 133.
- ⁵ ШУКШИН В.М. Собр. соч.: В 4 т. — М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. — Т. 4: Рассказы. — С. 94.
- ⁶ ШОЛПО И.Л. Мастера и геростраты. Рассказы В.М.Шукшина в VIII классе // Литература в школе. — 1996. — № 4. — С. 136.
- ⁷ Там же. — С. 134.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. — М.: Азбуковник, 1997.
2. Он похож на свою родину: земляки о Шукшине // Вступит. статья Ю.Е.Егорова. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989.
3. ПЕТРОВСКИЙ Н.А. Словарь личных имён: Ок. 2600 имён / Спец. науч. ред. О.Д.Митрофанова. — М.: Рус. яз., 1984.
4. Творчество В.М.Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В.М.Шукшина. Мотивы и символы творчества В.М.Шукшина. Диалог культур / Науч. ред. А.А.Чувакин; ред.-сост. О.Г.Левашова.
5. Творчество В.М.Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007. — Т. 3: Интерпретация художественных произведений В.М.Шукшина. Публицистика В.М.Шукшина / Науч. ред. А.А.Чувакин; ред.-сост. С.М.Козлова.
6. ШАНСКИЙ Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г.Бархударова. — М.: Просвещение, 1975.
7. ШОЛПО И.Л. Мастера и геростраты. Рассказы В.М.Шукшина в VIII классе // Литература в школе. — 1996. — № 4.
8. ШУКШИН В.М. Собр. соч.: В 4 т. — М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. — Т. 4: Рассказы.

УСМАНОВА Римма Александровна —

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории МБОУ «Актанышская СОШ № 2 с углублённым изучением отдельных предметов» Актанышского района Республики Татарстан
usrial@mail.ru

«МНЕ В ХОЛОДНОЙ ЗЕМЛЯНКЕ ТЕПЛО...»

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ШКОЛЬНОЙ «ФРОНТОВОЙ ЗЕМЛЯНКИ»

Аннотация. В статье рассказывается об опыте проведения школьной «фронтальной землянки» — одной из форм внеклассной работы по литературе. Автор даёт рекомендации по подготовке и организации данного мероприятия.

Ключевые слова: лирика и песни военных лет, культурологический аспект, поэтический концепт «землянка», плейкаст, внеклассная работа.

Предмет «Литература», как ни один другой школьный предмет, можно сделать интересным и творческим, если умело включать поэтические концепты в культурологическое пространство урока. Связь поэзии с музыкой и живописью на уроках литературы помогает учащимся глубже

проникнуть в русскую поэзию военных и послевоенных лет. Среди важных концептов в поэтической картине мира этого периода можно выделить концепт «землянка», который включает в себя широкую панораму фронтовой жизни: героические подвиги наших воинов, армейский

Abstract. The article describes the experience of the conducting the school's "military's dugout" — a form of extracurricular activities for literature students. The author gives advice on the preparation and organization of the event.

Keywords: lyrics and songs of the war, cultural aspect, poetic concept of "dugout", extra-curricular activities.

фронтальной быт и лирические взволнованные воспоминания о родной земле, отчем доме, о самых близких и любимых. Родина, война, смерть и бессмертие, ненависть к врагу, боевое братство и товарищество, любовь и верность, мечта о победе, раздумье о судьбе народа — вот основной

ассоциативный ряд художественного концепта «землянка» и в поэзии, и в музыке, и в живописи.

Чтобы урок литературы, посвящённый поэзии, стал личностно значимым, необходимо активно привлекать учащихся к поисково-исследовательской деятельности.

В 8, 11 классах при изучении темы «Поэзия военных лет» мы обращаемся к стихам и песням военной поры и каждый раз находим что-то новое в этом материале. В преддверии 70-летия Великой Победы обратились к раскрытию художественного концепта «землянка». Под руководством учителя учащиеся разработали и защитили исследования: «Мотив землянки в песнях военных лет»; «Фронтовой быт в музыкальной интерпретации»; «Фронтная землянка в отечественной живописи».

При проведении урока-концерта «Поэзия, которую поют» выяснилось, что песня «Бьётся в тесной печурке огонь...» — самая любимая не только фронтовиков, но и наших отцов и детей. Активный поиск стихотворений о землянке по поэтическим сборникам разных лет, сети Интернет привёл нас к новым открытиям. Так возникла идея организации внеклассного мероприятия «Землянка, фронтная землянка, короткий отдых, ночная стоянка...». Само его содержание подсказало нестандартную и эмоциональную форму проведения — «фронтная землянка». Оформление сцены соответствует землянке: деревянные скамейки и столы, пеньки, макет железной печки, на столах свечи, гармонь.

Модели проведения «фронтной землянки»

Первая «фронтная землянка» была посвящена песням о землянке (8 класс). Обозначила её цели:

- формирование патриотического сознания молодого поколения на основе героических событий истории своей страны средствами литературного образования;
- развитие творческого мышления и воображения учащихся посредством слушания и анализа музыкальных произведений, ассоциативных связей музыки с литературой, историей.

Ученикам предложены разнообразные задания: *групповые* — составить песенник по данной тематике (представить текст, указать автора слов и музыки); *подготовить авторское исполнение одной песни*; *индивидуальные* — ответить на вопросы викторины; *подготовить сообщение «Из истории создания песни «Бьётся в тесной печурке огонь...»», презентацию «В землянке».*

В исполнении подготовленной группы ребят звучит песня «В землянке». Все остальные участники занимают места в «землянке».

В ходе вечера учащиеся представили свои песенники, куда вошли такие песни, как «Горит свеча огарочек, гремит недалёкий бой...» (ст. А. Фатьянова, муз. В. Соловьёва-Седого), «В землянке» (ст. А. Суркова, муз. К. Листова), «В лесу прифронтовом» (ст. М. Исаковского, муз. М. Блантера), «На солнечной поляночке» (ст. А. Фатьянова, муз. В. Соловьёва-Седого) и др. Красочно оформленные книжечки получил каждый участник мероприятия.

Во «фронтной землянке» презентовали плейкаст* «В землянке» (использованы веб-сайты: playcast.ru/view/1559860/; playcast.ru/view/1561652/; playcast.ru/view/999379/...)

Б. Неменский. О далёких и близких. 1949

В качестве домашнего задания по выбору предложена проектная работа — создание плейкаста по понравившейся песне военных лет.

Почему песня «В землянке» стала одной из любимых песен нашего народа не только в годы войны, но и теперь? Поиск ответа на этот вопрос вёл нас по ходу проведения «музыкальной шкатулки» и литературно-музыкальной викторины. По небольшим фрагментам звучащей песни ребята угадывали её исполнителей.

Вопросы для литературно-музыкальной викторины «Всё о песне «В землянке»» [6]:

1. Назовите авторов легендарной песни «Бьётся в тесной печурке огонь...» (Сл. поэта Алексея Суркова, муз. композитора Константина Листова.)
2. Песню Суркова называют по-разному. Вспомните, как озаглавил автор подлинник своего стихотворения. (Поначалу Сурков озаглавил строчкой «Тебе — солнышко моё!».)
3. Каков жанр стихотворения? Кому посвятил поэт эти поэтические строки? (Лирическое послание; посвятил жене Софье.)
4. Где и кем впервые была исполнена эта песня? (Через неделю после написания стихотворения Листов исполнил песню в редакции газеты «Гудок». Работавший во «Фронтной правде» писатель Евгений Воробьёв скопировал ноты и текст и вместе с Михаилом Савиным принёс их в редакцию «Комсомольской правды». Там они исполнили песню (Воробьёв пел, а Савин аккомпанировал). Она понравилась слушателям и была опубликована в номере «Комсомольской правды» от 25 марта 1942 года.)
5. Из скольких строк состоит стихотворение? Сколько раз повторяется в нём слово «землянка»? (Всего 16 поэтических строк; слово «землянка» встречается в песне 2 раза: «И поёт мне в землянке гармонь»; «Мне в холодной землянке тепло».)
6. Назовите точную дату и место памятного боя на подступах к Москве, описанного в песне. (27 ноября 1941 года, дер. Кашино под Истрой.)
7. Где служил и кем являлся А. Сурков? (Военный корреспондент газеты «Красноармейская правда» Западного фронта, батальонный ко-

миссар Алексей Сурков, 258-й полк 9-й Гвардейской стрелковой дивизии.)

8. Когда и где установлен памятный знак песне «В землянке»? (Мемориал-памятник фронтной песне расположен в деревне Кашино, Истринский район, Московская область, Россия. Памятный знак установлен в ноябре 1941 года на месте землянки, в которой в ноябре 1941 года фронтной корреспондент и поэт Алексей Сурков написал бессмертное стихотворение.)

9. Перечислите первых известных исполнителей песни на фронте. (Замечательные советские мастера песни, неутомимые пропагандисты «Землянки» в годы войны Леонид Утёсов и Лидия Русланова.)

10. В каком городе находилась семья А. Суркова во время войны? (Жена Софья с сыном и дочкой жила в это время в эвакуации в городе Чистополе Татарской АССР.)

11. Когда впервые прозвучала песня на радио? Кто был её исполнителем? (Впервые на радио песня прозвучала в 1954 году. Первым исполнителем песни является народный артист России Михаил Михайлович Новожилов.)

12. Была ли записана песня на грампластинку? Расскажите. (Лидия Андреевна Русланова записала песню в августе 1942 года на грампластинку вместе с «Синим платочком». Запись эта, к сожалению, не была тиражирована. Удалось отыскать только её пробный оттиск. Фирма «Мелодия» выпустила пластинку с этой песней в не-повторимой руслановской трактовке.)

13. В чём исполнении вам приходилось слушать эту песню? (В. Трошин, А. Назаров, М. Бернес, Л. Утёсов, М. Кристаллинская и многие современные артисты: Дмитрий Хворостовский, Максим Леонидов, Иосиф Кобзон и др.)

14. По какой причине был запрет на песню «В землянке» и как на него отреагировали на войне? (Летом 1942 года на песню был объявлен негласный запрет, так как строки «до тебя мне дойти нелегко, а до смерти — четыре шага» были расценены как упаднические. В августе были почти полностью уничтожены грампластинки с записью песни в исполнении Л. Руслановой. Поэту рекомендовали убрать упоминания о смерти или же заменить их, но Сурков отказался. Тогда Главное политическое управление наложило запрет на

*Плейкаст — современная виртуальная открытка, вид музыкального мини-творчества. Плейкаст — это композиция из картинки, текста, музыки, видео на определённую тему.

трансляцию песни по фронтовому радио и её исполнение творческими коллективами. Вскоре на запрет были «закрыты глаза». Известно, что песня «В землянке» в исполнении Лидии Руслановой прозвучала у стен поверженного Рейхстага и у Бранденбургских ворот.)

15. Какую премию получил А.Сурков в 1946 году? (После войны Сурков получил Сталинскую премию первой степени, в том числе и за свои стихи «Бьётся в тесной печурке огонь...».)

Заключительным аккордом нашей «землянки» стало хоровое исполнение песни «В землянке». В этой песне есть всё: и чувство фронтового братства, и надежда, и любовь. Тёплый свет и душевная атмосфера фронтовой землянки никогда не погаснут, как не погаснет в сердцах людских и сама песня.

Следующая «фронтовая землянка» организована с учащимися 11 классов. Предлагаем примерный сценарий.

Поэтический час

«Землянка, фронтовая землянка, короткий отдых, ночная стоянка...»

В основе проведения поэтического часа лежит коллективная творческая деятельность. Все учащиеся активно участвовали в сборе материалов, сборе лирических произведений военных лет и стихотворений современных поэтов о землянке, составлении сценария, подготовке костюмов.

В процессе подготовки среди старшеклассников был организован конкурс чтецов стихов о Великой Отечественной войне. Самые лучшие исполнители стихов стали ведущими «фронтовой землянки» и основными чтецами на мероприятии.

В ходе поэтического часа использовалась театрализация.

Проектной группой подготовлена презентация «Землянка на картинах русских художников», использованы **репродукции картин: Б.М.Неменский.** «О далёких и близких», 1949—1950; **Н.Я.Бут.** «Письмо маме», 1970; «Медсестра Наташа», «Боевые подруги», «Уход за раненым командиром», 1952; **П.А.Кривоногов.** «Отдых бойцов»; **В.Дмитриевский** «Наступление началось», 1958; **Ю.М.Непринцев.** «Отдых после боя», 1955; **А.И.Интезаров.** «Снайперы», 1957; **М.Самсонов.** «В минуту затишья», 1958 [7].

Ведущие в парадной форме, солдаты, чтецы в военной форме с винтовками, армейскими фляжками, вещмешками. У всех участников на груди георгиевская ленточка.

Ход мероприятия

Бойцы в землянке тихо напевают песню «Бьётся в тесной печурке огонь...».

1-й ведущий

Д.С.Самойлов (1920—1990)

Сороковые-роковые

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

Стихотворение продолжают читать солдаты, расположившиеся в землянке.

1-й солдат

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

2-й солдат

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

3-й солдат

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

4-й солдат

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Чтец

Р.Г.Кубанёва*
Фронтовая землянка

Гремит война, бегут года,
Ещё далёк к Победе путь...
А с потолка течёт вода,
Снаряды не дают уснуть.
Мы знаем: утром снова бой,
Разрывы не дают нам спать,
А командир наш молодой
Нас приглашает танцевать.

Землянка, фронтовая землянка,
Короткий отдых, ночная стоянка.
Землянка, фронтовых наших буден,
Друзей погибших вовек не забудем.

Боец (подготовленный ученик) играет на гармошке мелодию песни «Случайный вальс» (сл. Е.Долматовского, муз. М.Фрадкина). Солдаты приглашают на вальс девушек.

Чтец

Не знали за собой вины
И влюблены мы были в жизнь.
Не ждали мы конца войны,
А просто за него дрались!
Пускай с рассветом снова бой,
Ещё земля горит в огне,
Но смело мы пойдём с тобой,
Ведь жизнь нужна тебе и мне.

Землянка, фронтовая землянка,
Короткий отдых, ночная стоянка.
Землянка, фронтовых наших буден,
Друзей погибших вовек не забудем.

Для создания военной атмосферы и эмоционального восприятия стихов в ходе мероприятия проходит презентация «Землянка на картинах русских художников».

1-й ведущий

А.А.Тарковский (1907—1989)

«Хорошо мне в теплушке», 1943

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, —
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать...

2-й ведущий

М.В.Кульчицкий (1919—1943)

**«Мечтатель, фантазёр,
лентяй-завистник!..»**

Война совсем не фейерверк,
А просто трудная работа,
Когда черна от пота вверх
Скользит по пахоте пехота...

Солдат (девушка в военной форме сидит за столом).

Ю.В.Друнина (1924—1991)

Солдатские будни

Только что пришла с передовой
Мокрая, замёрзшая и злая,
А в землянке нету никого,
И, конечно, печка затухает.

Так устала — руки не поднять,
Не до дров, — согреюсь под шинелью.
Прилегла, но слышу, что опять
По окопам нашим бьют шрапнелью.

Из землянки выбегаю в ночь,
А навстречу мне рванулось пламя.
Мне навстречу — те, кому помочь
Я должна спокойными руками.

И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом,
Мимоходом: «Молодец, сестра!» —
Крикнут мне товарищи в награду.

Да ещё сияющий комбат
Руки мне протянет после боя:
— Старшина, родная! Как я рад,
Что опять осталась ты живою!

Медсестра перевязывает руку раненому солдату и читает стихотворение.

Андрей Лихачёв**

Фронтовая медсестра

Горел закат солдатской кровью!
Мы устояли до конца.
А медсестра с такой любовью
Спасала старого бойца.
Худая, юная девчонка
В окопах, на передовой...

***Римма Григорьевна Кубанёва** (Доктор) — русская поэтесса-фронтовичка. Родилась 26 мая 1924 года в Воронеже в семье военного. В 1942 году с матерью эвакуировались в Борисоглебск, где закончила среднюю школу. В 1944 году добровольно пошла на фронт, служила вместе со старшей сестрой в сапёрных инженерных войсках. Победу встретила в Прибалтике, в составе 1-й Ударной армии. После войны окончила Воронежский педагогический институт, работала учителем в Алтайском крае. С мужем-военным Фёдором Ивановичем Доктором жила в Германии, где проходил службу муж. После его демобилизации жили в Воронеже. В 1963 году переехали в Евпаторию, где Римма Григорьевна до выхода на пенсию работала воспитателем в детских санаториях. В 2002 году вместе со старшей сестрой Тамарой переехали из Крыма к детям в Суздаль. Стихи Р.Г.Кубанёвой (военные, лирические, детские) публиковались в периодической печати и коллективных сборниках разных городов. Изданы сборники стихов «Этих дней не сможем мы забыть» и «Рябины гроздь» [4].

****Андрей Лихачёв** — современный московский поэт. В 2011 году вышел из печати сборник стихов поэта «Вся жизнь моя — незримый бой».

Глаза её как у ребёнка,
С какой-то искоркой живой.

— Ну потерпи ещё немного!
Сейчас тебя перевяжу.
Лежи спокойно, ради Бога!
Тут безопасно, я слежу.
Ещё чуть-чуть, чуть-чуть осталось!
Не умирай! Сойду с ума! —
И сердце девичье сжималось,
Как будто ранена сама.

Отец и дочь в одной землянке.
Кто бы такое представлял...
Горели вражеские танки.
Кто был живой, по ним стрелял.
Земля родимая рыдала
От раны каждого бойца!
А медсестра? Она узнала
В солдате раненом отца...

А сколько их, сестёр-девчушек,
В окопах на передовой
Вселяли жизни в наши души
И укрывали нас собой?

Закончен бой, поставим точку.
В себя пришедший в блиндаже
Боец сказал:
— Спасибо, дочка! Ты стала взрослою уже!
2009

1-й ведущий
А потом в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке, —
Там, где случай приведёт, —
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть. Минут шестьсот
Отдохнуть... А там — вперёд.

А.Т.Твардовский

Одни солдаты рассаживаются по скамей-
кам, другие ложатся на нары.

Чтец
Э.А.Асадов (1923—2004)
В землянке

Огонёк чадит в жестянке,
Дым махорочный столбом...
Пять бойцов сидят в землянке
И мечтают кто о чём.

В тишине да на покое
Помечтать оно не грех.
Вот один боец с тоскою,
Глаз сощурия, молвил: «Эх!»

И замолк, второй качнулся,
Подавил протяжный вздох,
Вкусно дымом затянулся
И с улыбкой молвил: «Ох!»

«Да», — ответил третий, взявшись
За починку сапога,
А четвёртый, размечтавшись,
Пробасил в ответ: «Ага!»

«Не могу уснуть, нет мочи! —
Пятый вымолвил солдат. —
Ну чего вы, братцы, к ночи
Разболтались про девчат!»

Чтец

К.М.Симонов
У огня

В дымной, промерзающей землянке,
Под накатом брёвен и земли,
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели.

У огня, где жарятся консервы,
Греет свои раны он сейчас,
Под Мадридом продырявлен в первый
И под Сталинградом — в пятый раз.

Он глаза устало закрывает,
Он да песня — больше никого...
Он тоскует? Может быть. Кто знает?
Кто спросить посмеет у него?..

1943

1-й ведущий
П.Г.Антокольский (1896—1978)
Новогодняя ночь, 1942

Ночь. Землянка. Фитилёк
Разгорелся еле-еле.
Милый слабый огонёк
Ненадёжен и неровен,
Но и он не одинок
Под накатом толстых брёвен.

2-й ведущий
Слов не надо... Ни к чему.
Разве мы перед собораньем?
Лучше в сумраке, в дыму
Боевую песню грянем.

Звучит песня «Тёмная ночь» (сл. В.Агатова,
муз. Н.Богословского) в исполнении М.Бернеса,
подхватывают песню и участники мероприятия.

Солдат достаёт из кармана своей гимна-
стёрки письмо и читает про себя.

Чтец (озвучивает письмо)

Этот маленький белый листок
Посылаю в землянку к тебе,
Чтобы строчками этими мог
Часто думать в бою обо мне,

Не давая пощады врагу,
Чтоб, в землянке порой находясь,
Знал: любовь я твою берегу,
Вспоминаю тебя каждый час.

Знаю я: презираешь ты смерть
Ради нашей с тобою любви,
И мне хочется чуть посмотреть
На черты дорогие твои.

Но ведь, милый, грохочет война,
Рыщет враг по просторам родным,
И любовь наша, наша судьба
Провернется в дыме войны...

Не тоскуй же, герой дорогой!
Этим самым хочу я сказать:
Далеко ты, но в сердце с тобой,
Вижу я дорогие глаза...

Ветер песню мою унесёт,
Чтоб тебе помогала в бою.

Помни: девушка верит и ждёт
И любовь, и победу твою!

Солдат
В.М.Юферов* (1916—1994)
В землянке

Остывают угли в камельке.
Спит землянка беспокойным сном.
От письма, зажато в руке,
Вдруг твоим повеяло теплом.

Я до боли помню наизусть
Всё, что в том написано письме.
В поле выюга злится — ну и пусть!
Ты хотя бы мне приснишь во сне...

Мы пройдем с тобой — в руке рука,
Встретит нас улыбкою рассвет...
Но тебя опять у камелька
Ни во сне, ни наяву всё нет.

Солдат
А.П.Межиров (1923—2009)
Сон в землянке

В землянке, на войне, уютен треск огарка.
На нарах крепко сплю, но чуток сон земной.
Я чувствую, ко мне подходит санитарка
И голову свою склоняет надо мной.

Целует в лоб — и прочь к траншее от порога,
Крадётся на носках, тихонечко дыша,
Но долго надо мной торжественно и строго
Склоняется её невинная душа.

И тёмный этот сон милее жизни яркой,
Не надо мне любви, сжигающей дотла,
Лишь только б ты была той самой санитаркой,
Которая ко мне в землянке подошла.

Жестокий минет срок — и многое на свете
Придётся позабыть по собственной вине,
Но кто поможет мне продлить минуты эти
И этот сон во сне, в землянке, на войне?

Солдат
М.А.Дудин (1916—1993)
Землянка

Под снегом был песок и камень.
Не грунт — железный колчедан.
Киркой, лопатой и руками
Мы углубили котлован.

Стесали стенки прямо, ровно,
Досок, соломы нанесли.
Рубили лес, тащили брёвна,
На крышу сыпали земли.

И вот окончена работа.
Морозный воздух в грудь вдыхай.
Сотри шинелью капли пота,
Входи, ложись и отдыхай.

Здесь пахнет потом и овчиной,
Землянка вся заселена.
И печь из бочки керосинной
До белизны раскалена.

Я спал на лавке, на кровати,
На сеновале, на траве,
В вагоне тряском, на полотах,
Я жил в гостинице «Москве».

*Виталий Михайлович Юферов (1916—1994) — русский поэт, участник Великой Отечественной войны, заслуженный работник культуры РСФСР (1979). Родился 6 мая 1916 года в селе Мудрово Вятской губернии в семье священника. В 1940 году окончил Свердловское театральное училище, был призван в армию. В 1941—1945 годах воевал на фронтах Великой Отечественной войны, где начал писать стихи. Служил в артиллерии, пехоте, в ансамбле песни и пляски 22-й армии. Награжден орденом Отечественной войны II степени и 9 медалями. С 1946 по 1989 год работал актером в Магнитогорском драматическом театре имени Пушкина. В 1992 году в магнитогорском издательстве «Магнит» вышла книга стихов «Шиповник». 19 февраля 1994 года умер в городе Магнитогорске [5].

Но здесь, где мрак, где воздух спёртый,
Без простыней, без одеял
Я спал так крепко, словно мёртвый,
Как никогда ещё не спал.

Солдат (девушка в военной форме украшает
в землянке новогоднюю ёлку и рассказывает
свою историю).

Ю.В. Друнина Ёлка

На Втором Белорусском ещё продолжалось
затишье,
Шёл к закату короткий последний
декабрьский день.
Сухарями в землянке хрустели голодные мыши,
Прибжавшие к нам из сожжённых дотла
деревень.

Новогоднюю ночь третий раз я на фронте
встречала.
Показалось — конца не предвидится этой
войне.
Захотелось домой, поняла, что смертельно
устала.
(Виновато затишье — совсем не до грусти
в огне!)

Показалась могилой землянка в четыре наката.
Умирала печурка. Под ватник забрался мороз...
Тут влетели со смехом из ротной разведки
ребята:

— Почему ты одна? И чего ты повесила нос?

Вышла с ними на волю, на злой ветерок
из землянки.
Посмотрела на небо — ракета ль сгорела,
звезда?

Прогревая моторы, ревели немецкие танки,
Иногда миномёты палили незнамо куда.

А когда с полутьмой я освоилась мало-помалу,
То застыла, не веря: пожарами освещена
Горделиво и скромно красавица ёлка стояла!
И откуда взялась среди чистого поля она?

Не игрушки на ней, а натёртые гильзы
блестели,
Между банок с тушёной трофейной висел
шоколад...
Рукавицу трогая лапы замёрзшие ели,
Я сквозь слёзы смотрела на сразу
притихших ребят.

Дорогие мои д'артаньяны из ротной разведки!
Я люблю вас! И буду любить вас до смерти,
всю жизнь!

Солдат

М.В. Исаковский (1900—1973)

В землянках, в сумраке ночном,
На память нам придёт —
Как мы в дому своём родном
Встречали Новый год;

Как собирались заодно
У мирного стола,
Как много было нам дано
И света и тепла;

Как за столом, в кругу друзей,
Мы пили в добрый час

За счастье родины своей
И каждого из нас.
И кто подумал бы тогда,
Кто б вызнал наперёд,
Что неминуемая беда
Так скоро нас найдёт?

Незванный гость вломился в дверь,
Разрушил кров родной.
И вот, друзья, мы здесь теперь —
Наедине с войной.

Кругом снега. Метель метёт.
Пустынно и темно...
В жестокой схватке этот год
Нам встретить суждено.

Он к нам придёт не в отчий дом,
Друзья мои, бойцы,
И всё ж его мы с вами ждём
И смотрим на часы.

И не в обиду будет он,
Коль встретим так, как есть,
Как нам велит войны закон
И наша с вами честь.

Мы встретим в грохоте боёв,
Взмывающих снега,
И чашу смерти до краёв
Наполним для врага.

И вместо русского вина —
Так этому и быть! —
Мы эту чашу — всю, до дна —
Врага заставим пить.

И Гитлер больше пусть не ждёт
Домой солдат своих, —
Да будет сорок третий год
Последним годом их!

В лесах, в степях, при свете звёзд,
Под небом фронтовым,
Мы поднимаем этот тост
Оружьем боевым.

Солдат

А.Т. Твардовский (1910—1971) Василий Тёркин

Впереди — не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Всё про то же — про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
При победе над врагом.

Учинив за всё расплату,
Дай вернуться в дом родной

Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку...
Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки...

Чтец

Е.А. Нефёдов*

О землянка близ аэродрома!
В море снега — островок тепла:
Серые слежавшиеся брёвна,
Синяя прокуренная гонимая,
Пол у двери инеем окрашен...
И внезапно показалось мне,
Будто я всё это видел раньше!
Только где? В кино или во сне?
Вот сейчас, винтовку сняв у входа,
Мой отец присядет к огоньку.
До Победы — три нелёгких года,
Все — через свинцовую пургу.
Он пока — парнишка, мне ровесник,
Тот же самый двадцать пятый год.
И ему гармонь, совсем как в песне,
Про улыбку и глаза поёт...
Он закурит, сев к огню поближе,
И под эту песню, вторя ей,
Первые стихи свои напишет
Той, что станет матерью моей...

В исполнении всех участников звучит песня
«В землянке».

1-й ведущий

Р.Г. Кубанёва Фронтальная землянка

Гремит война, бегут года,
Уж недалёк к Победе путь...
У всех нас молодость одна,
Её с годами не вернуть.
Но не жалеет мы о том,
Что бурей унесло года,
И нашей дружбы фронтовой
Мы будем верными всегда.

Землянка, фронтовая землянка,
Короткий отдых, ночная стоянка.
Землянка, фронтовых наших буден,
Друзей погибших вовек не забудем!

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война в лирике и прозе. — М.: Дрофа, 2002.
2. ДРУНИНА Ю.В. Неповторимый звёздный час. — М.: Эксмо-Пресс, 2010.
3. Победа. Стихи военных лет. 1941—1945. — М.: Худ. лит., 1985.
4. Биографическая справка поэта Р.Г. Кубанёвой <http://qubaneva.chat.ru/autor.htm>
5. Биографическая справка поэтов Е.А. Нефёдова, В.М. Юферева <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
6. История песни «В землянке» <http://ru.wikipedia.org/wiki/pkmuzeum.narod.ru>
7. Картины о Великой Отечественной войне. <http://www.comgun.ru/vernissage/2168-kartiny-o-velikoj-otechestvennoj-vojne>

*Евгений Андреевич Нефёдов (1946—2010) — русский поэт, журналист, публицист, переводчик. Родился на Украине, в донбасском городке Красный Лиман. Окончил журфак МГУ. Почти сорок лет работал в журналистике. Был обозревателем и собственным корреспондентом в Чехословакии газеты «Комсомольская правда». Нефёдов был одним из секретарей правления Союза писателей России. Автор двадцати книг. Лауреат многих литературных премий, академик Петровской академии наук и искусств. Жил в Москве. Умер 18 октября 2010 года, похоронен в Подмоскovie [5].

Уважаемые читатели, авторы журнала!

Присылаемые вами статьи обязательно должны быть с пометкой:

«Только для журнала "Литература в школе"».

Просьба присылать материалы по почте в распечатанном виде в двух экземплярах.

Принимаются машинописные и рукописные оригиналы.

Все аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

При цитировании необходимо делать библиографическую ссылку. Ответственность за правильность данных, приведённых в библиографических ссылках и приставленном списке литературы, несёт автор. При отсутствии библиографических ссылок и приставленного списка литературы статья не рассматривается.

За фактический материал статьи несёт ответственность автор.

Редакция оставляет за собой право сокращения материалов.

К статье необходимо приложить аннотацию и ключевые (опорные) слова, а также указать e-mail.

Пожалуйста, не забудьте прислать сведения о себе:

- Фамилия, имя, отчество.
- Место жительства (республика, край, область, город) и код региона.
- Дата и место рождения.
- Паспортные данные (серия, №, кем и когда выдан).
- ИНН, № пенсионного страхового свидетельства.
- Образование (вуз, специальность, год окончания).
- Учёная степень и звание (если имеется; год присуждения или присвоения — в скобках).
- Домашний адрес с почтовым индексом.
- Домашний телефон с кодом города, мобильный телефон и E-mail.
- Место работы или учёбы (наименование организации и подразделения — факультета, кафедры, отдела).
- Должность; время работы на данной должности.
- Служебный адрес с почтовым индексом.
- Служебный телефон (с кодом города).
- Предполагаемая дата защиты (для соискателей).
- Научный руководитель или консультант (фамилия, имя, отчество, учёная степень и звание — для соискателей).

При отсутствии всех вышеуказанных данных гонорар не начисляется и не выписывается.

Вниманию соискателей на учёную степень!

Согласно требованиям ВАК необходимо указать:

- почтовый адрес вуза или места работы (с индексом); телефон, адрес электронной почты;
- **на русском и английском языках:** фамилию, имя, отчество, должность, учёную степень, учёное звание, заглавие статьи, аннотацию (2–4 предложения), ключевые слова (максимум 5).

Помимо ссылок на источники необходимо поместить в конце статьи библиографический список.

Рассматриваются статьи при наличии положительной рецензии кафедры, на которой защищается соискатель (или научного руководителя), и рецензии независимого эксперта (авторитетного учёного в соответствующей области) по запросу редакции.

Плата с соискателей на учёную степень за публикацию не взимается.

При реализации проекта «Восстановление общего образовательного пространства (предмет "Литература")»: Россия — Крым — Севастополь» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 25 июля 2014 года № 243-рп и на основании конкурса, проведённого обществом «Знание» России.

C O N T E N T S

OUR SPIRITUAL VALUES

To The Day Of The Great Victory

A.V.ZYABLIKOV —

The Songs of the Great Patriotic War2

E.V.VASILENKO —

After the war.

The theme of a soldier returning home in the poems of Michail Iskakovsky,

Yuri Levitansky and Vladimir Vysotsky7

V.I.KOROVIN —

Tatyana Larina and Eugene Onegin10

L.M.KOZLOVA —

"He could throw himself into the fire and into the water for a man,
for the people he was standing for..."

V.M.Shukshin in the memories of his mother and people who knew him15

S.A.TYURMOREZOVA —

"You have to live with dignity!"

About the works of I.Rasteryaev18

SEARCH. EXPERIENCE. SKILLS

V.K.SIGOV, N.I.LOMILINA —

Discussing the essay21

Lessons

O.S.PODGRUSHNYAYA —

Boris Balter's lyrical novel "Goodbye, boys!" in the senior high school23

L.N.ROSLYAKOVA —

V.Bykov's "The Cold".

Thinking about the novel. XIth grade29

N.M.DEMINA —

Tatyana Larina and Eugene Onegin.

Xth grade35

N.V.TROYAN —

Step on the on the ground.

Lesson based on the V.M.Shukshin's short stories "Master" and "A Strong Man".

VIIIth grade37

R.A.USMANOVA —

"I feel warm in the cold dugout".

The preparation and conduct of the school "military dugout"39